ОГОНЁК № 46 (1587)
10 НОЯБРЯ 1957
35-й год издания
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

6 ноября 1957 года в Москве, во Дворце спорта на Центральном стадионе имени В. И. Ленина, состоялась юбилейная сессия Верховного Совета СССР.

Сессия заслушала доклад Первого секретаря ЦК КПСС товарища Н. С. Хрущева «Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции».

На сессии с приветственными речами выступили руководители делегаций социалистических стран.

Верховный Совет СССР принял Обращение «К народам Советского Союза» и Обращение «Ко всем трудящимся, политическим и общественным деятелям, представителям науки и культуры, парламентам и правительствам всех стран мира».

Фото Дм. Бальтерманца и А. Новикова.

Москва, Красная площадь, 7 ноября 1957 года. Руководители КПСС и Советского правительства, представители делегаций зарубежных стран на трибуне Мавзолея.
Фото Дм. Бальтерманца и А. Новикова.

ПРАЗДНОВАНИЕ СОРОКОВОЙ

Министр Обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский объезжает войска.

Шагает советская пехота.

ЮБИЛЕЙНУЮ СЕССИЮ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ПРИВЕТСТВОВАЛИ РУКОВОДИТЕЛИ ДЕЛЕГАЦИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН:

МАО ЦЗЭ-ДУН, Китайская Народная Республика.

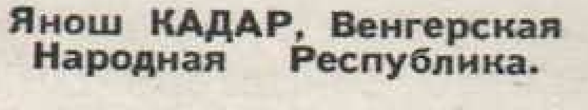
Владислав **ГОМУЛКА**, Польская Народная Республика.

Антонин **НОВОТНЫЙ**, Чехословацкая Республика.

Вальтер **УЛЬБРИХТ**, Германская Демократическая Республика.

СТОЙКА КИВУ, Румынская Народная Республика.

Тодор **ЖИВКОВ**, Народная Республика Болгария.

Эдвард **КАРДЕЛЬ**, Федеративная Народная Республика Югославия.

Янош **КАДАР**, Венгерская Народная Республика.

ХО ШИ МИН, Демократическая Республика Вьетнам.

КИМ ИР СЕН, Корейская Народно-Демократическая Республика.

Энвер **ХОДЖА**, Народная Республика Албания.

Дашийн **ДАМБА**, Монгольская Народная Республика.

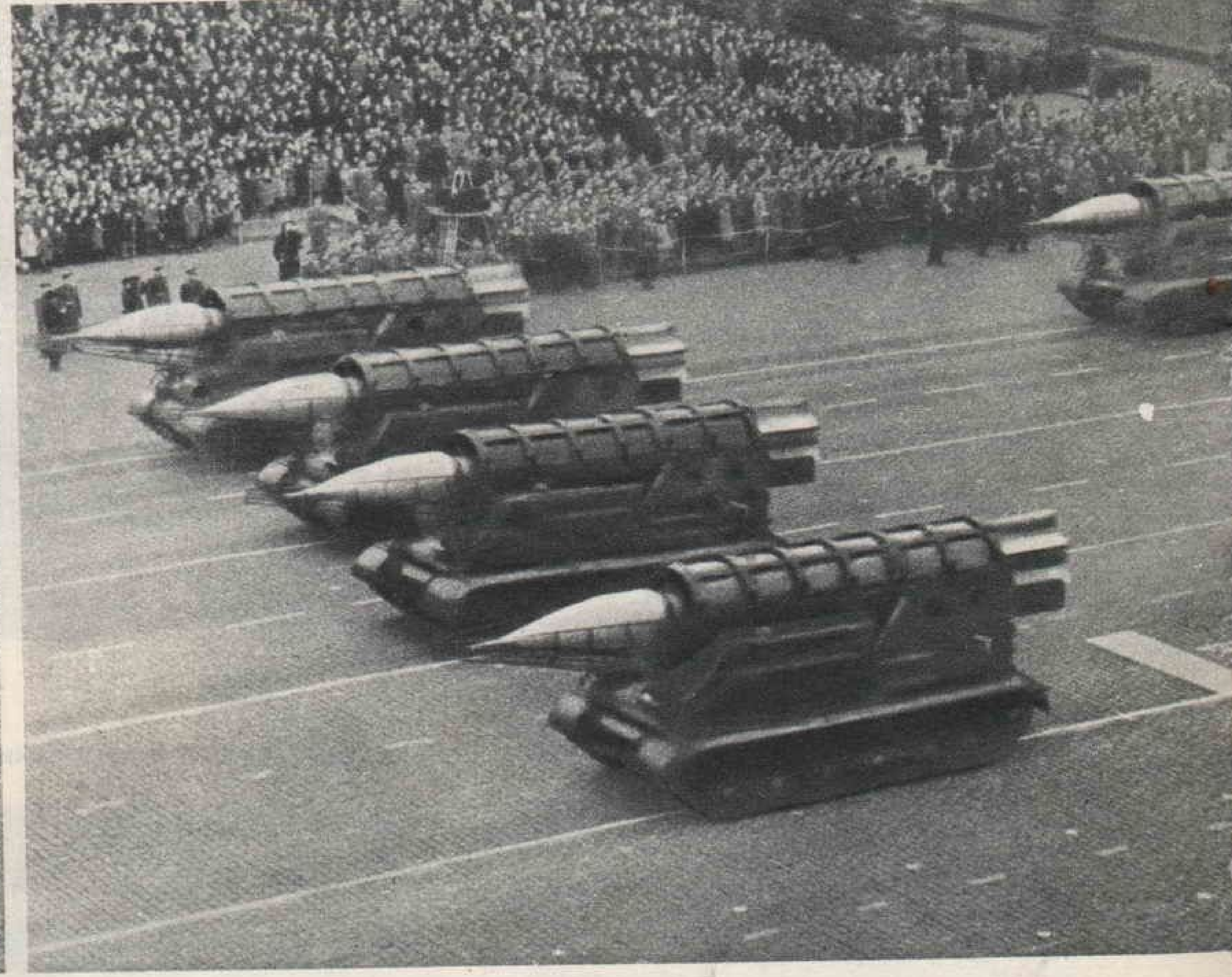

ГОДОВЩИНЫ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

На праздничном военном параде в Москве, на Красной площади, была продемонстрирована современная советская боевая техника.

Фото Дм. Бальтерманца, А. Гостева, Р. Лихач, А. Новикова.

ПРАЗДНОВАНИЕ СОРОКОВОЙ ГОДОВЩИНЫ

Идет трудовая Москва.

Физкультурники Москвы несут макет советского искусственного спутника Земли.

ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Вечером в столице, на улице Горького

Зарубежные гости горячо приветствуют колонны москвичей.

Киев. Демонстранты на Крещатике.
(Принято по фототелеграфу.)

Ленинград. На Дворцовой площади.
(Принято по фототелеграфу.)

Фото А. Бочинина, А. Гостева, Ф. Короткевича, Н. Козловского, Е. Умнова, Б. Уткина.

За первым спутником последовал второй, и оба гордо реют над Землей!

С ПОБЕДОЙ!

Академик А. БЛАГОНРАВОВ

Советские ученые, инженеры, техники и рабочие ряда научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и заводов одержали замечательную победу: в канун нашего великого праздника, в честь сорокалетия Октября поднялся еще один, второй искусственный спутник Земли. По своему устройству и оснащению аппаратурой он намного совершеннее своего предшественника. Это уже не шар весом более 80 килограммов, хотя и этот вес вызвал изумление за рубежом. Это не безмолвная ракета-носитель, сопутствующая ему в полете.

На этот раз не шар, а часть самой ракеты стала спутником. На борту солидного космического корабля, в его «каютах»-контейнерах, находятся миниатюрные, но сложные, высокой точности приборы и первый в истории Земли пассажир — обыкновенная собака; ее кличка — Лайка. Вес только этих контейнеров с их содержимым в шесть с лишним раз превышает вес первого спутника Земли. Этот факт сам по себе замечателен. Он говорит о том, что в будущем могут быть заброшены на новые орбиты еще более мощные космические корабли.

В контейнерах размещены не только радиостанции, с голосом которых уже познакомилось много сотен людей различных стран. В них аппаратура для исследования излучения Солнца в коротковолновой ультрафиолетовой и рентгеновской областях спектра, аппаратура для изучения космических лучей, изучения температуры и давления и для передачи данных научных измерений на Землю.

Большому кораблю — большое плавание! Новая луна, созданная советскими людьми, поистине совершает большое плавание. Она находится от поверхности Земли на расстоянии без малого почти в два раза большем, чем первый спутник. Не 900, а 1 700 километров отделяют ее от планеты. Еще дальше шагнула она по дороге к звездам. Вот почему период обращения нового спутника составляет 103,7 минуты — на семь с половиной минут больше, чем период обращения первого спутника в момент начала его движения. Увеличение скорости выхода на орбиту и более растянутая орбита обеспечивают длительное существование спутника.

Тем отраднее убеждаться, как четко и безукоризненно точно работает на такой высоте аппаратура, сделанная советскими специалистами. Она позволяет даже знать, каково самочувствие космического пассажира, как работают сердце и легкие собаки. Дали и пространства перестали сегодня быть преградой. На основании сигналов, посылаемых спутником, ученые составляют сводки о силе космических лучей и излучения Солнца, атмосферном давлении и температуре.

Все это нам позволяет с гордостью сказать, что новый спутник — свидетельство непрерывно растущего могущества советской науки и техники, свидетельство ее планомерного, последовательного развития.

ПЕРВЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК В КОСМОС

Большой коллектив советских ученых-физиологов изучает поведение живых организмов при полетах в высокие слои атмосферы и космическое пространство.

Вот что рассказали ученые корреспонденту «Огонька».

Первые данные о том, как ведет себя человеческий организм на больших высотах, были получены в нашей стране почти четверть века назад отважными стратонавтами.

Результаты этих наблюдений стали ценным вкладом в познания человека об условиях жизни на больших высотах, возможность которой была теоретически доказана еще трудами К. Э. Циолковского. Дальнейшие исследования были обеспечены успешным развитием ракетной техники в нашей стране, полетами ракет на высоты до двухсот и более километров.

Установлено, что на больших высотах имеется целый ряд условий, вредно действующих на живые организмы.

Прежде всего — низкое барометрическое давление и связанное с этим практическое отсутствие кислорода. Кроме того, при работе двигателя ракеты, когда ее скорость быстро нарастает, возникают ускорения, то есть вес всех предметов, находящихся в ракете, а следовательно, и вес живых организмов как бы возрастает в несколько раз. Если ускорения достигают больших величин, то могут наступить значительные расстройства в кровообращении и деятельности центральной нервной системы.

Возникает также необходимость защиты организмов от ультрафиолетовых и рентгеновских лучей солнечного спектра и космического излучения (от которых на Земле нас предохраняет атмосфера). И, наконец, с выходом ракеты на орбиту, когда двигатели ее выключаются, внутри ракеты возникает состояние динамической невесомости. Это явление объясняется тем, что сила земного притяжения, действующая на все тела, находящиеся в ракете, уравновешивается центробежной силой.

Чтобы обезопасить жизнь будущих астронавтов, помочь людям проникнуть в космос, в течение многих лет ведутся опыты на животных, главным образом на собаках.

В полеты на ракетах до высот

ПРАЗДНИК

Мих. СВЕТЛОВ

На пороге новая зима.
Мы великий праздник свой справляем.
Заселяем новые дома,
Спутниками небо заселяем.

Сорок лет уже моей стране,
И, опережая ход событий,
Мчится наша слава в вышине
По еще не виданной орбите.

100—210 километров собаки отправлялись в специальных герметизированных кабинах, а также в скафандрах, которые обеспечивали полную их изоляцию от внешней воздушной среды. Кабины и скафандры имели устройства для регенерации воздуха.

Если защита от низкого барометрического давления может быть полностью осуществлена, то защита от действия ускорений может быть лишь частичной. В практике с этой целью используются специальные противоперегрузочные костюмы, создающие давление на нижнюю часть тела и тем препятствующие отливу крови от жизненно важных органов, прежде всего от головного мозга. Было установлено также, что снизить действие ускорений можно правильным расположением живых организмов в кабине относительно к направлению полета: в лежачем положении живое существо способно переносить значительно большие перегрузки.

Что касается невесомости, то следует отметить, что живой организм, находящийся в герметической кабине ракеты, после выключения двигателей потеряет чувство опоры, и способность к ориентировке в пространстве может быть значительно затруднена. Однако, как показали экспериментальные запуски ракет с животными, динамическая невесомость не вызывала у них резких защитных движений и значительных расстройств в координации движений. Собаки при полетах на высоту до 210 километров, находясь в течение нескольких минут в состоянии динамической невесомости, спокойно лежали в своих лотках, следили за движением солнечного луча, проникающего в смотровой люк кабины, и не пытались освободиться от привязных ремней. Все это было установлено при помощи автоматической киносъемки, во время полета.

Как показывают проведенные наблюдения, человек может постепенно привыкнуть к необычным ощущениям, возникающим при состоянии невесомости.

В зависимости от того, что покажут дальнейшие опыты на животных и людях, может возникнуть необходимость создания искусственной силы тяжести. Для этого надо будет, как предлагал К. Э. Циолковский, придать ракете вращательное движение вокруг собственной оси, что вызовет центробежную силу, имитирующую силу тяжести.

Если от ультрафиолетовых и рентгеновских лучей надежной защитой служат стенки кабины, то защита живых организмов от космического излучения, проникающего через большие толщи вещества, представляет собой более сложную задачу. До сих пор животные, поднимавшиеся на ракетах, находились на больших высотах лишь считанные минуты. Этого времени недостаточно, чтобы определить степень воздействия космического излучения на жизненные функции организмов.

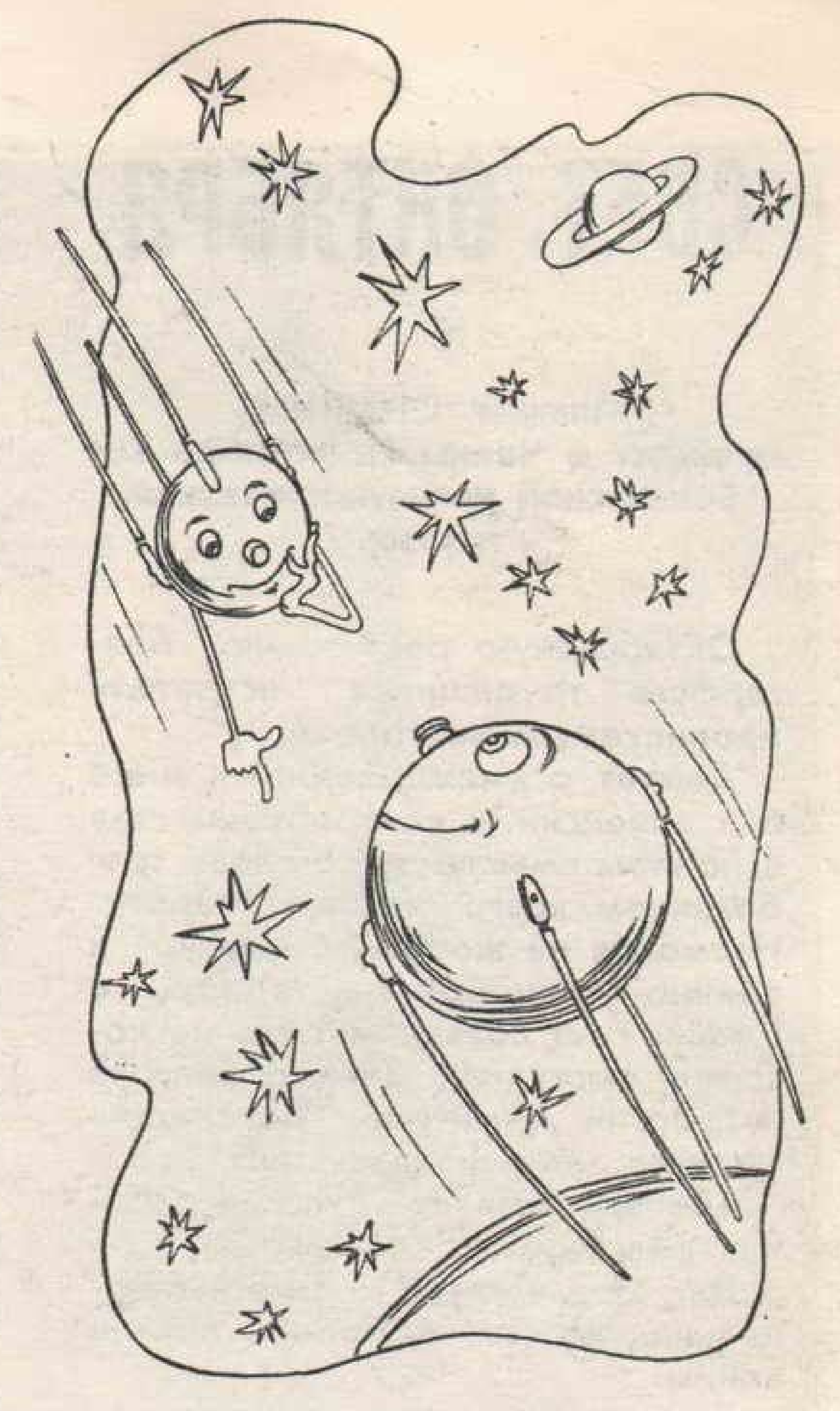
Тем более ценен опыт, проводимый ныне на втором искусственном спутнике, который уже длительный период вращается вокруг нашей планеты на расстоянии более 1 500 километров.

Пассажир второго спутника собака Лайка в отличие от своих четвероногих коллег Малышки, Козявки, Альбины и Дамки, не раз летавших на ракетах, до сей поры не имела стажа астронавта. Но в наземных условиях она прошла тщательную тренировку в специальных камерах. Научные сотрудники приучили Лайку к определенному поведению, рассчитанному на долгое пребывание в тесной кабине спутника, к регулярному питанию, подготовили для нее особый рацион.

Лайка — небольшая по размерам собачка, весит около 5 килограммов. Родословная ее, к сожалению, неизвестна. Характер у Лайки флегматичный, покладистый: находясь в виварии, она не вступала в ссоры со своими четвероногими соседями. Первые сведения, полученные по радио, свидетельствуют о том, что и в условиях невесомости Лайка не утратила своего спокойного нрава.

В кабине спутника к Лайке подведены специальные устройства, связанные с радиопередатчиком. Условные радиосигналы, принимаемые со спутника наземными радиостанциями, непрестанно «рапортуют» ученым о житье-бытье, о самочувствии собаки, путешествующей в космосе.

С. МОРОЗОВ

— ЧТО НОВОГО НА ЗЕМЛЕ?
Рисунок Н. Оффенгендена.

«Советским спутникам привет!»

Не умолкая, звонит телефон в доме на Большой Грузинской улице. Сотрудник Астрономического Совета Татьяна Владимировна Макаренко не успевает отвечать на приветствия, вопросы. Сначала Татьяна Владимировна пыталась записывать телефонные разговоры, потом учет пришлось забросить: телефон не умолкает даже ночью.

Рабочие Люберецкого завода организовали дежурство у себя в поселке, лишь бы дозвониться по постоянно занятому телефону. А дозвонившись, передали лишь несколько слов:

— Мы сами видели спутник! Советским спутникам привет!

Одна девочка, которую зовут Таней и которой шесть лет и семь месяцев, просила передать «дядям, зачем же они послали на небо собачку, лучше было верблюда: он может долго не кушать».

На московскую почту прибывают кипы писем. На конвертах так и пишут: «Москва, спутник».

Писем очень много. Перелистаем некоторые из них...

«Товарищи ученые!

Я ученик 10-го класса. Мне 18 лет. Моя жизнь еще впереди. Если она потребуется для блага человечества, я ее отдам, не задумываясь. Так что можете располагать мною. И вместо животных, которых вы отправляете на спутниках, разрешите лететь мне».

Не наивность побудила Толю Богословского послать такое письмо. Десятиклассник Толя и шахтер Хоменко из Донбасса, сельская учительница Бондаренко из Червонограда и рабочий Подопригора из Майкопа, прораб Николаенко из Рустави и подполковник Советской Армии Фомин уверены в том, что близок день, когда в межпланетный полет отправится человек и ему будет гарантировано безопасное возвращение на Землю. Все они и еще сотни людей, желающих с риском для жизни подняться в космос, жаждут послужить науке. Так думает и болгарин Стоян Йорданов из Варны:

«...я готов взлететь на экспериментальной ракете. Даю себе отчет в том, что может случиться. И все же я бы желал быть этим счастливым человеком».

А мадам Гальен из Парижа (аптека Дервийе, улица Реомюра) не видит в космическом полете никакой опасности. Разумеется, Гальен не собирается стать участницей эксперимента:

«...поскольку межпланетные сообщения стоят в повестке дня, я хотела бы приобрести на Луне один гектар хорошей земли...»

Оставаясь в совершенном уважении и полном почтении к председателю Комиссии по межпланетным сообщениям академику Л. И. Седову, мадам Гальен просит его сообщить, на каких условиях могла бы состояться подобная сделка.

Академик Седов затрудняется с ответом. В данном случае ему трудно найти общий язык с мадам Гальен.

Разумеется, большинство писем, присланных из Франции и из других стран, не похожи на предыдущее. Профессор Д. Шаланк написал сначала по-французски:

«Вы заставляете прогрессировать науку и в то же время сильно укрепляете мир».

И не смог удержаться, чтобы не добавить по-русски:

«Да страствует СССР!»

И снова по-французски: «Простите за ошибки».

Инженер Жак Ройер из Гренобля, как и тысячи радиолюбителей, слышал позывные искусственного спутника. За рубежом эти сигналы стали называть особым словом—«бип». Жак Ройер в своем длинном восторженном послании, состоящем из французских и частично русских, очевидно, впервые им написанных слов, сообщает, что он слышал «бипы» спутника, и прислал в доказательство ноты записанных им на слух позывных межпланетной радиостанции.

Сообщение об успешном запуске спутников всколыхнуло изобретательскую мысль любителей астронавтики. Тысячи изобретателей предлагают свои варианты искусственных спутников, способных, по их мнению, безопасно опуститься вновь на Землю. Авторы некоторых писем озабочены другим: как назвать те спутники, которые уже носятся по орбите.

Гражданин Цебенко из Геленджика предлагает увековечить в названии, присвоенном спутнику, имя родоначальника воздухоплавания К. Э. Циолковского. «Пусть первый спутник именуется «ЦИОЛ-1,— пишет он в письме.— Остальные спутники можно называть «ЦИОЛ-2, ЦИОЛ-3» и так далее...»

Во всем мире в десятках иностранных языков появилось новое, всем *понятное, звучное слово: «Sputnik». Оно стало самым популярным словом. Не случайно бармен из Буффало (США) завлекает посетителей в бар новым коктейлем — «Спутник».

«...три «бип» напитка «Водка»,— рассекречивает автор свой рецепт,— и один «бип» вермута размешиваются в направлении орбиты, затем в напиток добавляется сателлит — круглой формы луковица».

Людям, запустившим советские спутники, пишут по-китайски и по-английски, по-чешски и по-французски, и все эти письма роднит одно — настроение радости, гордости, счастья. Они стали драгоценными документами нашего времени, наших достижений, наших побед.

В. ПОЛЫНИН

СРЕДИ ЗВЕЗД

Советский Союз снова шагает среди звезд!
Слава мыслям, действиям и свершениям торжествующего социализма!
Это великое торжество человека вселяет гордость во всех нас. Мы живем в час расцвета. Время мира приближается!

Пабло НЕРУДА, Москва. 1957 год.

Первый путешественник в космос собака Лайка, находящаяся в кабине второго искусственного спутника Земли.
Фото Н. Филиппова

СВЕТ ОКТЯБРЯ

Младен СТОЯНОВ,
кандидат в Члены Политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии

Октябрьскую революцию болгарские трудящиеся встретили неописуемым восторгом.

Декрет о немедленном мире без аннексий и контрибуций стал в полном смысле этого слова требованием всего нашего народа. Несмотря на жестокую цензуру и военно-полицейский террор, в Софии был созван митинг, на котором выступили Димитр Благоев и Георгий Димитров. Резолюция митинга заканчивалась так:

«Да здравствует Русская рабочая революция!

Да здравствует интернациональная классовая борьба против войны!

Да здравствует интернациональная солидарность пролетариата!».

Димитр Благоев, основатель, вождь и ветеран Болгарской коммунистической партии, в своих многочисленных трудах с неопровержимой логикой и страстным убеждением защищал Октябрьскую революцию от клеветы буржуазной контрреволюции и ее союзников из рядов Второго Интернационала.

Георгий Димитров был пламенным защитником только что народившейся Советской власти. Большой отклик в народе получили его статьи и речи того времени. Рядом с ним выступал и Василь Коларов, один из видных организаторов нашего и международного рабочего движения.

«Первые борцы всемирной революции — это русские рабочие и крестьяне. Слава и хвала им»,— писал Коларов.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России очень много дала и болгарскому народу. Под ее влиянием солдатские массы с фронта с оружием в руках двинулись в Софию, чтобы положить конец войне. Под влиянием революции в сознании трудящихся масс выкристаллизовалось убеждение, что путь Октября — это единственно правильный путь к счастливой жизни и светлому будущему.

Наша Партия, созданная Димитром Благоевым, всегда была марксистской революционной партией. Великая Октябрьская социалистическая революция помогла нам усвоить ленинское учение по таким вопросам, как союз между рабочими и трудящимися крестьянами, авангардная роль партии, национальный вопрос.

Идеологическое перевооружение нашей Партии на базе ленинизма сыграло огромную благотворную роль в борьбе против монархо-буржуазного фашизма и облегчило Партии решение сложных задач социалистического строительства.

Болгарский народ и Болгарская коммунистическая партия всегда смотрели и впредь всегда будут смотреть на победу Великой Октябрьской социалистической революции как на свою собственную победу.

София.

ОБРАЗ ЛЕНИНА В СЕРДЦЕ

Фаусто РЕЙНАГА,
боливийский писатель

Великая Октябрьская революция в России — как много значит она для моей небольшой страны, расположенной в другом конце земного шара, как много значит она для меня лично!

Я родился в селении Мача-Потоси. По материнской линии в моих жилах течет кровь Томаса Катари, вожака восстания 1780—1781 годов. Этот мятеж крестьян-индейцев был первым шагом движения за национальную независимость Боливии.

Как и мои родители, уже с детских лет начал я работать в поле и на рудниках. Грамотой овладел лишь на 21-м году жизни.

В 1930 году типографские рабочие в городе Сукре, мои товарищи по труду, впервые рассказали мне о русской революции и о Ленине и дали несколько книг, переходивших из рук в руки.

В то время я уже стал атеистом. Я убедился, что бога не существует, и жил без веры, без надежды на лучшую жизнь, зараженный скептицизмом. И вот я узнал о чуде — о великой русской революции.

Со слезами на глазах смотрел я фильм «Ленин в Октябре». Образ Ленина согрел мою душу, вдохнул в нее мужество, стремление бороться за правду и справедливость.

В продажном, лживом мире колониализма стать борцом за правое дело не так-то просто. На личном горьком опыте убедился я, как трудно не быть рабом, не быть трусом и лжецом. Силу для этого мне дал Ленин; и, будучи рабочим, а позднее став писателем, я боролся локоть к локтю с пролетарскими и крестьянскими массами.

Моя Боливия — крохотный клочок земли по сравнению с вашей великой страной. Мал мой народ. Но я вижу, как на редкость много общего у моей страны с матерью Россией. И судьба боливийского индейца напоминает мне судьбу забитого русского мужика в царские времена.

Индеец глубоко привязан к своему обширному каменистому плоскогорью — Альтиплано. Он сам, как оживший камень этих гор. Благодаря ему оживают недра и рождается тепло и цвет родной земли. Но он не хозяин, а крепостной раб на ней. Сгоняемый с земли феодалами, он вынужден был идти на рудники и фабрики, под иго капиталистов. Индейцы-инки образовали костяк боливийского пролетариата. В его борьбу за свои права влита и сила угнетенной индейской национальности — моей национальности. Все убийства, все преследования рабочих и крестьян, так же как и преследования трудящихся при царизме, лишь ускоряют революцию.

Боливийская революция, вооружившая рабочих и крестьян, приступила к смелым действиям, доселе незнакомым в Латинской Америке: к национализации рудников империалистов-янки и к земельной реформе, которая дает двум с половиной миллионам крестьян «землю и волю». Эти два великих революционных акта проводятся в жизнь под давлением вооруженных масс. Мы доносим до сознания народа идеи и опыт русской революции. Сталкиваясь лицом к лицу с суровыми и сложными задачами дня, мы с новой силой чувствуем и понимаем безграничность и глубину Великой Октябрьской революции, безграничность и глубину гения Ленина.

Веру в ленинское дело я проповедую на протяжении всей моей жизни, полной драматических событий: преследований, арестов, изгнаний... С жаром моих ленинских убеждений, бросая вызов террору империалистов и их лакеев внутри страны, я как национальный депутат в 1944 году потребовал установления дипломатических отношений с социалистической Россией и разрыва их с фашистским диктатором Испании — Франко. И мы добились этого.

Вы можете представить себе, с каким радостным чувством встречаю я великую дату, находясь в Москве, каким глубоким волнением бьется мое сердце перед мавзолеем Ленина!

Советские песни — сила мира

Акико СЭКИ,
лауреат Международной Ленинской премии

Невозможно в нескольких словах рассказать о том, как много значит Советский Союз для движения «Поющие голоса Японии», девиз которого — «Песни — сила мира», а также для моей общественной и личной жизни. Уже не раз рассказывали, как пробудилось устремление японского народа к музыке и демократии, связанное с горячим стремлением к миру. Как об одном из конкретных примеров этого я расскажу о роли, которую сыграли в этом советские песни.

Как известно, двенадцать лет тому назад Япония потерпела поражение в войне. Счастливцы, оставшиеся в живых, могли вздохнуть с облегчением по окончании войны, но тогда еще далеко было до того, чтобы почувствовать подлинную радость мира: не было домов для жилья, не хватало пищи и одежды.

Когда я видела лица молодых людей, на которых было написано отчаяние, мне хотелось их успокоить и ободрить. Так я начала распространять и петь народные и современные песни различных стран. Хор, исполнявший многие русские песни, придавал бодрость, рассеивал мрачное настроение молодых людей.

Характерной особенностью хора «Поющие голоса Японии» было то, что он не просто исполнял песни перед слушателями, а вовлекал всех в хоровое движение. По всей стране стали создаваться хоровые кружки, в которых принимали участие все.

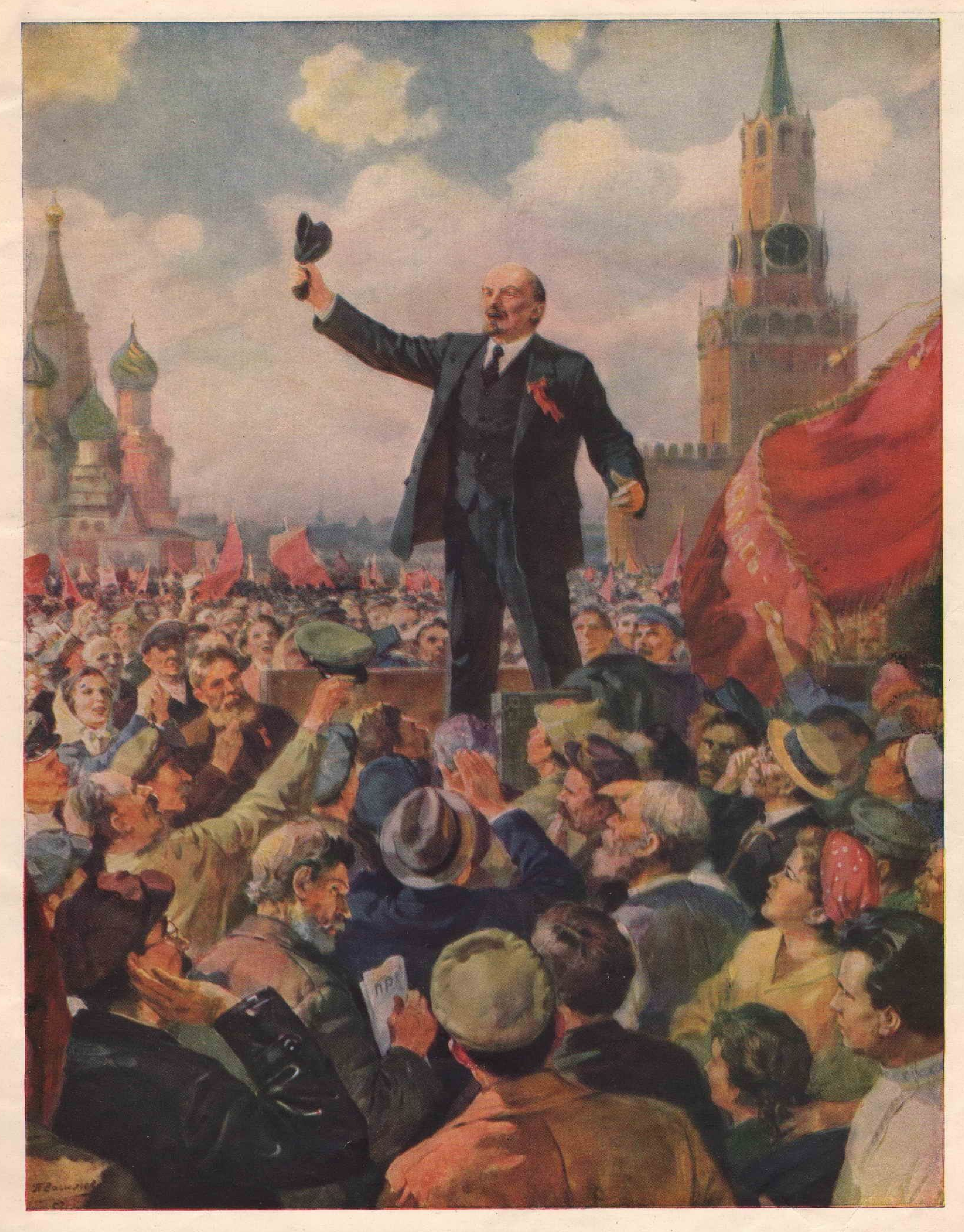
В этих кружках очень большую роль играют наряду с русскими народными песнями и песни советских композиторов.

Советские песни вселяют в сердца поющих идеи мира, зовут их к действию и обладают большой силой объединять людей. Эти песни поют у нас не только профессионалы и группы любителей музыки, но их можно услышать на фабриках и заводах, их поют также на молодежных митингах и во время рабочих демонстраций. Ваши песни, отражающие благородную душу советского народа, его любовь к миру, помогли нам в Японии создать и свои новые песни.

Сейчас, когда силы мира нужно укреплять еще больше, роль, которую играют в Японии советские песни, очень велика.

Именно поэтому я не могу сдержать идущие от сердца слова радости в честь 40-й годовщины существования Советского Союза.

Токио.

П. **Васильев.** ВЫСТУПЛЕНИЕ ЛЕНИНА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ. МАЙ 1919 ГОД.

«Огонек».

М. Кривенко. В. И. ЛЕНИН В РАБОЧЕЙ СЕМЬЕ.

ЛИШНЯЯ КАПЛЯ

*Новелла для кинематографа**

Н. ПОГОДИН

1920 год. Москва.
Резкий и сердитый голос Листратова:

— Включай!

И сам Листратов, склонившийся над токарным станком, с острым лицом и цепкими глазами, страшно напряженно делающий какую-то деталь.

Медленно вертится станок.

ЛИСТРАТОВ. Прибавляй.

Движение на станке заметно ускоряется.

ЛИСТРАТОВ. Выключай!

Станок мгновенно останавливается. И тогда оказывается, что станок вращают вручную две женщины, ленивые и скучные. С удовольствием бросивши ручку колеса с приводом, от которого действует станок, они принимаются грызть подсолнухи.

Дело происходит в полутемном углу старого механического цеха. Листратов через лупу осматривает свою деталь. Недоволен. Ставит на место.

ЛИСТРАТОВ. Включай!

С механическим безразличием женщины принимаются за свою работу. Яростная сосредоточенность Листратова. Тонкий визг металла.

ЛИСТРАТОВ. Прибавляй!

Станок поет живее.

ЛИСТРАТОВ. Выключай!

Женщины принимаются за подсолнухи. Листратов берется за лупу.

Пронзительный крик в том же цехе:

— Товарищ Листратов! Фома Иванович!

Листратов недовольно оглядывается. К нему бежит Коверзнев Митя, молодой человек лет двадцати, с тонким лицом и лирическими глазами. Но, приблизившись, Митя делается несмелым.

ЛИСТРАТОВ (раздраженно). Тебя мне здесь не хватало! Чего надо?

МИТЯ (отчаянно). Да как же это случилось?! Ленин у нас на заводе. Речь кончает. Спите вы, что ли, извиняюсь...

ЛИСТРАТОВ. Кто на заводе?

МИТЯ. Товарищ Ленин.

ЛИСТРАТОВ (ушам не веря). Кто?

МИТЯ. Владимир Ильич. Я вас на митинге взглядом искал, не нашел и опрометью побег.

Листратов бросается прочь от станка, на ходу прячет в карман лупу и деталь. За ним следом Митя и женщины.

ЖЕНЩИНЫ (одновременно). Мы кричим: «Митинг», а он: «Крути, знай». Ведь он какой, Листратов? Ему больше всех надо. Кто на митинг, а ему крути, и никаких резонов знать не желает.

Идут кортежем. Впереди мрачно-воспаленный Листратов, еле поспевающий за ним Митя и, отставая, женщины с подсолнухами.

МИТЯ. Я вас всюду взглядом искал...

ЛИСТРАТОВ. Знаю я, почему ты меня взглядом ищешь. За девкой бегаешь, к отцу не подлизывайся! Молчи!

МИТЯ. И совсем не потому.

ЛИСТРАТОВ. Не крути мне голову, дылда! А если заметил, что меня нет, надо было сразу в цех бежать.

МИТЯ. Как же я мог знать, что вы будете в цехе торчать... Извините.

Цех большой, переходов много. Торопятся.

ЛИСТРАТОВ. Дурак, я не торчу. Я голову с эталоном потерял. Двенадцать раз эталон меняют. Безобразная работа. Бюрократизм невообразимый развелся.

МИТЯ (легко). Вы не сердитесь. Вечно вы сердитесь.

ЛИСТРАТОВ. А ты слова своего папаши не повторяй. И он у тебя обюрократился.

ЛЕНИН в кабинете (артист М. Штраух).

МИТЯ. Нет, я о том, что вы ведь очень добрый, а в глазах окружающих очень злой.

ЛИСТРАТОВ. Я злой потому, что Советскую власть губит бюрократизм. Через пять лет нам крышка!

МИТЯ. Ну, что вы... Проживем еще сто лет.

ЛИСТРАТОВ. А мы революцию не на сто лет делали. На тысячу!

МИТЯ. Опять не так...

ЛИСТРАТОВ. Я из-за бюрократов теперь Ильича не увижу. Замучили меня с эталоном.

МИТЯ (в радости и ужасе). Смотрите, смотрите...

В раскрытые настежь ворота цеха входит Ленин, в светлом летнем пальто, с тростью. У него веселое лицо, живые, энергичные движения. Чуть отступя, идут директор завода Григорий Туманов и секретарь заводской коммунистической ячейки Коверзнев Алексей. Оба—люди рабочие, сверстники Листратова как по годам, так и по облику. А за ними валом валит заводская масса, которая на глазах у Листратова стремительно растекается по цеху. Молодежь акробатически взбирается на фермы и переплеты, постарше устраиваются тоже повыше, чтоб видеть Ленина.

А он идет неторопливо, щурится со свету, отбрасывает тростью мусор на пути. Директор приближается к нему и начинает говорить.

ДИРЕКТОР. Правительственное задание мы выполняем в срок. Сейчас эталоны делаем.

ЛЕНИН. Прекрасно, если в срок. Нефть надо добывать, а нечем. Спешим.

КОВЕРЗНЕВ. Можно было бы и до срока.

Но директор успевает дернуть за рукав Ко-

* На киностудии «Мосфильм» заканчиваются съемки картины «Рассказы о Ленине» из трех новелл. Сценарий одной из них, принадлежащий Н. Погодину, мы здесь печатаем. Новелла иллюстрирована кадрами из фильма.

ЛИСТРАТОВ. От бюрократизма — неразбериха, и от неразберихи — бесхозяйственность...
ЛЕНИН. И вопиющая, страшная, ужасающая безответственность.
(Листратов — артист В. Покровский).

ЛИСТРАТОВ. Вот вам факт. Чепуховая деталь машины. Эталон. Двенадцать раз менялись чертежи на эту деталь. Двенадцать раз я ее точу!

ЛЕНИН. Да... это есть факт.

ЛИСТРАТОВ. От бюрократизма — неразбериха, и от неразберихи — бесхозяйственность...

ЛЕНИН. И вопиющая, страшная, ужасающая безответственность. Согласен.

Расположение лиц в этой напряженной сцене само собой получилось так, что директор и секретарь комячейки стоят перед Лениным как ответчики, а Листратов как истец. И вокруг множество зрителей, симпатии которых на стороне Листратова. И если Листратов чувствует это, поглядывая по сторонам, то Ленин как бы и не видит никого вокруг.

ЛИСТРАТОВ. А заказ ваш... за подписью вашей... правительственный.

Коверзнев находится в том состоянии, когда проваливаются сквозь землю. Директору не лучше. И Ленину становится стыдно за них. Он не смотрит в их сторону. Но Листратов празднует свою победу.

ЛИСТРАТОВ (с пафосом). Голод мы превозмогли... Разруху превозмогаем... Но бюрократизм!...

ЛЕНИН (горько). Да, это страшная сила!

ЛИСТРАТОВ. Я говорю вам, хуже контрреволюции... Хуже самого Деникина!

Ленин быстро и по-новому, как-то настороженно, бросил взгляд на Листратова... Но тут возникает неожиданная вещь. Откуда-то появились бабы с подсолнухами, крутившие листратовский станок. К великому неудовольствию Листратова, они пронзительно, по-деревенски закричали, перебивая друг друга:

— Метлой поганой!.. Всех до одного метлою! Дайте нам власть! Мы с ними церемониться не станем... Не метлой, а дубиной! В три шеи их, из кабинетов вон!

Этот вопль покоробил Листратова.

ЛИСТРАТОВ (женщинам). Выключай!

И вокруг раздались голоса:

— Чего орут?! Откуда взялись?!

Женщины в страхе умолкают и прячутся за станины.

Ленин стоит опечаленно. Опять бросил изучающий взгляд на Листратова.

ЛЕНИН. А вы что думаете, товарищ Листратов?

ЛИСТРАТОВ. Хорошую дубину очень даже не мешает. Взять и пройтись по нашим кабинетам!

ЛЕНИН (акцентируя слово). Нашим.

ЛИСТРАТОВ (недоуменно). Нашим... а что?

ЛЕНИН. С дубиной?

ЛИСТРАТОВ. Вы сами любите бюрократизм?

ЛЕНИН. Ненавижу! Но в пользу матушки-дубины я не верю. Не то оружие. Дубиной разрушают, а нам строить надо, созидать. Какой умный хозяин станет орудовать дубиной в своем хозяйстве? И бесполезно и бессмысленно. А мы с вами хозяева.

ЛИСТРАТОВ. Но вы же сами говорите, что ненавидите бюрократизм.

ЛЕНИН. Увы, мне очень жаль, что не могу поспорить с вами, спешить приходится. Но если снова буду у вас на заводе, мы непременно вернемся к этой теме.

Ленин дальше по цеху не пошел, повернулся, кивнул Листратову на прощание и торопливо, с хмурым лицом вернулся к воротам, где стоит во дворе его автомобиль. За ним торопятся директор и Коверзнев, который успевает бросить свирепо-укоризненный взгляд на Листратова.

... Ленин садится в автомобиль. Коверзнев говорит ему и просто и с уважением:

— Испортил-таки вам настроение Листратов.

верзнева, и тот умолкает. В это мгновение сверху кричит восторженный юноша:

— Да здравствует товарищ Ленин, вождь мирового пролетариата!

И когда рабочие кричат «ура» хмурящемуся Ленину, директор тянет за полу к себе Коверзнева.

ДИРЕКТОР (шепотом). Молчи... У Ильича хорошее настроение.

КОВЕРЗНЕВ (кивая). Да, да... Молчу.

Овация стихает, и Ленин продолжает путь. И он видит сердитого Листратова на своем пути, очарованного Митю и двух баб, грызущих подсолнухи. Ленина заинтересовывает эта группа, которая продолжает медленно к нему приближаться. Директор из-за спины Ленина машет руками Листратову, чтоб тот убирался прочь. Ленин, чувствуя за собой волнение директора, оглядывается.

ЛЕНИН (удивлен). Кому вы грозитесь?

ДИРЕКТОР. Так... вообще... лезут.

Но уже поздно. Листратов в трех шагах от Ленина. А Митя и женщины незаметно спрятались.

Гневный Листратов. Улыбающийся Ленин.

КОВЕРЗНЕВ (мягко). Товарищ Листратов, ты того... в сторонку, в сторонку.

ЛЕНИН (мягко). А зачем Листратову в сторонку?

КОВЕРЗНЕВ (смущенно). Мешает...

ЛЕНИН. Кому?

Он лукав и весел, почти играет своими острыми вопросами.

Молчание.

ЛИСТРАТОВ (с вдохновением). Им я мешаю, Владимир Ильич. Этим вот... бюрократам!

Все живое замерло вокруг. Масса знает Листратова.
Директор в ужасе переглянулся с Коверзневым.

ЛЕНИН (в самом отличном расположении духа). А вы уверены в том, что они бюрократы?

КОВЕРЗНЕВ (оскорбленно). Ты уверен, Листратов?

ЛЕНИН (Коверзневу). Не обижайтесь, не давите на него.

ЛИСТРАТОВ. Я честно... как рабочий человек.

ЛЕНИН. Рабочий человек не гарантирован от ошибок. А нечестных ошибок не бывает. Тогда это уже не ошибка, а что-то другое.

Листратов готов обидеться.

ЛИСТРАТОВ. Вы мне, Владимир Ильич, не верите?

ЛЕНИН (строже). Я верю фактам, товарищ Листратов.

Этот вопрос возвращает боевое вдохновение Листратову. Он лезет в недра своего рабочего одеяния, достает оттуда деталь.

ЛЕНИН (думающе). Да, пожалуй... Действительно испортил.

КОВЕРЗНЕВ. Не знаем, как с ним быть... ведь он член партии.

ЛЕНИН. Как же не знаете? В таких вещах надо строго разбираться. Увы, спешить приходится. Всего хорошего.

Автомобиль медленно уходит.
Коверзнев, директор, рабочие стоят в пасмурном состоянии.

КОВЕРЗНЕВ. Видали? Расстроил... И кого!

Двор рабочего предместья, где происходит субботник.
Человек конторского типа в пенсне а ля Чехов с отвращением орудует вилами у огромной кучи мусора.

ПЕНСНЕ. Мир не знал такой чепухи... Субботники...

Он продолжает ворчать что-то еще, но двор шумит уборкой. Со всех сторон, из туч пыли, из закоулков, из-под стен, из дверей в мешках, ведрах, на носилках доставляют сюда вековой хлам и мусор старухи, дети, миловидные хозяйки, интеллигентные мужчины и почтенные пролетарии. Веселится молодежь, играя звонкими консервными банками... Идет Листратов с огромной лейкой и язвительно издали вглядывается в страдающее Пенсне.

ЛИСТРАТОВ. О чем горюете, почтеннейший?

ПЕНСНЕ. Оно... прескверно пахнет... и я не понимаю, что мне делать.

ЛИСТРАТОВ. Оно воняет? Жгите — и перестанет.

ПЕНСНЕ. Да, но как оно сгорит?

Листратов выругался про себя и стремительно поджигает мусор с трех сторон. Дым, чад, пламя. Человек в пенсне с неудовольствием ворошит вилами мусор. Дети прыгают вокруг поднимающегося огня.

Листратов с победным видом поливает двор, при этом он зорко оглядывается вокруг.

ЛИСТРАТОВ (по сторонам). Лопаточкой... да поглубже, чтоб гнили не осталось! Матрена Харитоновна, не ленитесь! Триста лет ленились. Деточки, чистый песочек зря не рассыпайте, его у нас немного.

Так идет он, командуя, вдруг останавливается, делается насмешливым.

ЛИСТРАТОВ. Вы глупые...

Перед ним застигнутые на интимной минуте незаметного рукопожатия и тайного шепота Митя Коверзнев и дочь Листратова, Маруся.

ЛИСТРАТОВ. Амурами надо заниматься в чистой обстановке.

МАРУСЯ (в ужасе). Папа! Какие амуры?

ЛИСТРАТОВ. Какие? Стрелою любви сердце пронзающие! Вот какие.

МИТЯ (смело). Это старорежимное понятие — амуры.

ЛИСТРАТОВ. Значит, любовь принадлежит старому режиму, а новому не принадлежит? Опять вы глупые.

Небесный мир над старинным двором, купы дерев и там птицы.

Идет по двору Листратов с веселым лицом, а впереди него — радужная струя воды от его лейки.

В калитке Коверзнев, усталый, озабоченный, распарившийся в своей кожаной куртке, фуражке кожаной.

КОВЕРЗНЕВ (на ходу). Листратов!

Тот поворачивается на голос. Вода в лейке кончается, струя иссякла.

КОВЕРЗНЕВ. Кто субботник организовал? Ты?

ЛИСТРАТОВ. Я. Так что же?

КОВЕРЗНЕВ. Ничего. Похвально.

ЛИСТРАТОВ (насмешливо). Спасибо за резолюцию.

КОВЕРЗНЕВ. Не порицай.

ЛИСТРАТОВ. Не буду.

КОВЕРЗНЕВ (значительно). За порицания можешь пострадать.

ЛИСТРАТОВ. Не пугай.

КОВЕРЗНЕВ. Ты у нас слишком смелый...

ЛИСТРАТОВ. А что пролетариату терять?..

КОВЕРЗНЕВ (раздражаясь). Пролетарий, пролетарий... Вместе выросли здесь, на одном дворе.

ЛИСТРАТОВ. Ты теперь кожанку носишь, а я нет.

КОВЕРЗНЕВ. Выдали — ношу.

ЛИСТРАТОВ. Носи, неважно. Ты сам теперь кожаным стал, это важнее.

КОВЕРЗНЕВ. Неисправимый ты человек, Листратов! Злоязычен без толку. Приглашаю тебя в понедельник после работы ко мне в ячейку. Придется вести с тобою строгий разговор.

Поворачивается уходить.

ЛИСТРАТОВ. В чем же это я провинился?
КОВЕРЗНЕВ. А ты и не знаешь! Ты уже забыл! Знаешь ли ты, кого ты расстроил?! Ты расстроил вождя мирового пролетариата!
ЛИСТРАТОВ. Кто это тебе сказал?
КОВЕРЗНЕВ. Кто сказал? Владимир Ильич, уезжая, сказал. Так было дело.

Коверзнева не стало. Листратов забыл про свою лейку, про двор, про субботник. Его зовут, а он не отзывается. Стоит в тяжелой задумчивости.

ЛИСТРАТОВ. Расстроил Ильича... Вот какая оказия!

Нетерпеливый, с оттенком удивления голос Ленина:

— Ничего не понимаю. Я испортил настроение Листратову... Кто такой Листратов?

Докладывает Ленину содержание бумаг женщина в строгом черном платье дореволюционного стиля, с гладкой прической.

ЖЕНЩИНА (тихо, мягко). Нет, Владимир Ильич, вы никому настроение не портили, наоборот, вам испортил настроение Листратов. Суть дела начинается с этого момента...
ЛЕНИН. Простите, но кто же этот Листратов?
ЖЕНЩИНА. Он рабочий...
ЛЕНИН. Пожалуйста, дайте мне его письмо.
ЖЕНЩИНА. Пишет не он. Пишут его товарищи по ячейке.. Члены партии.

Говоря так, женщина передает Ленину письмо. Он зорко и быстро пробегает глазами по строкам... Улыбнулся... остановился на одном месте... Нахмурился.

ЛЕНИН (горестно покачал головой). И за это они исключили его из партии!

Волнение. Откинулся на спинку стула.

ЖЕНЩИНА. Они исключили из партии Листратова за клевету на советский строй.
ЛЕНИН. Пригласите ко мне этих мудрецов. Секретаря ячейки и директора завода... И еще личное дело Листратова добудьте.
ЖЕНЩИНА (продолжая доклад, берет в руки депешу). Из Донецкого бассейна вам сообщают, что героические шахтеры пустили старинную шахту «Мазурку» в Горловке.
ЛЕНИН. Это очень героично — пустить шахту сейчас, я знаю. Как чудесно, что пустили «Мазурку»! А они вон из партии Листратова.
ЖЕНЩИНА (с осторожностью). Простите, он не из Горловки. Не он пускал шахту.
ЛЕНИН (с огоньком удовольствия в глазах). Он... Он...

Листратов с хмурым лицом, не снимая шапки, стоит у стола директора, который держит в руках перо, чтобы подписать бумагу. Директор настроен хорошо, добродушен и тверд в тоне.

ДИРЕКТОР. Напрасно вы, товарищ Листратов, обижаетесь, на партию обижаться нельзя.
ЛИСТРАТОВ. На партию обижаться нельзя, на членов партии — можно.
ДИРЕКТОР. На кого же вы обиделись?
ЛИСТРАТОВ. На тебя.
ДИРЕКТОР. За что?
ЛИСТРАТОВ (с патетикой). За то, что ты, Григорий, которого я за человека считал, теперь меня на «вы» называешь. А почему я тебе стал «вы»? Ведь ты меня в чужаки записал, готов в Чека отправить. И тебе не стыдно? До глубины души обижаешь и рад. Подписывай увольнение и прощай. Расти.
ДИРЕКТОР. В Чека вас никто... (и поправился) тебя отправлять не собирается, а из партии исключен ты вполне правильно. (Подписывая бумагу.) Куда переходишь?
ЛИСТРАТОВ. В Донецкий бассейн поеду.
ДИРЕКТОР. Поближе к белому хлебцу?
ЛИСТРАТОВ. Нет, подальше от таких друзей, как ты и Коверзнев.
ДИРЕКТОР. Жаль... Редкостный ты у нас токарь, но человек... страшно тяжелый.
ЛИСТРАТОВ. Я тяжелый, но от меня никто плакать не станет, а от тебя наплачешься.
ДИРЕКТОР. Не ты ли плачешь?
ЛИСТРАТОВ. Нет, не плачу... не плаксивый.

Их диалог перебивает телефонный звонок. Директор небрежно берет трубку и потом лишь три раза повторяет «да». В первый раз лениво, второй — испуганно, третий — невыразимо. С тем же невыразимым состоянием страха, гордости, радости, смущения он говорит Листратову:

— К Ленину нас приглашают... меня и секретаря ячейки товарища Коверзнева. Немедленно.

ЛИСТРАТОВ (покорно). Счастливого пути...

Снял кепку и положил туда свою бумагу.

Ночью в том же дворе при свете редких освещенных окон. Нетерпеливый, горький, страдающий Митя и крадущаяся к нему от дверей своего дома Маруся.
Митя бросается к Марусе, хочет обнять, но у него опускаются руки.

МИТЯ. Кончено?
МАРУСЯ. Кончено.
МИТЯ. Куда вы уезжаете?
МАРУСЯ. Далеко... в Донбасс. Поезд туда идет двое суток.

Пауза.

МАРУСЯ (восторженно). Митя, я себе не верю! Неужели ты плачешь?
МИТЯ (сквозь слезы). Я понимаю, что это позор для настоящего члена РКСМ, но эти слезы...— видишь?..— сами катятся. Ты меня навеки покидаешь!
МАРУСЯ. То уверял, что между нами новые, революционные отношения, а теперь расплакался. Веди себя, как учит Маяковский. Разворачивайся в марше! Левой, левой!
МИТЯ (с болью). Что мне Маяковский, если ты дороже! Зачем они исключили твоего папашу!
МАРУСЯ. У своего папаши спроси.
МИТЯ. Я с ним отношения порвал.

Заскрипело окно. Ребята притихли. В окне появляется Коверзнев. Он в белье, спросонья.

КОВЕРЗНЕВ. Митрий, спать пора. Завтра на завод не добудишься.

Ребята боятся пошевелиться.

КОВЕРЗНЕВ. Митрий, ступай, говорю, в квартиру. Листратов со мной не раскланивается, а ты около них трешься. (Сердито захлопнул окошко.)
МАРУСЯ. Ну что ж... прощай.
МИТЯ. Ни за что на свете...

Но послышался скрип другого окна, и они притаились, прижимаясь друг к другу и как бы не чувствуя этого.
В окне Листратов. Он тоже в белье и тоже спросонья.

ЛИСТРАТОВ. Мария, ты того дождешься, что я за ремень возьмусь! Девический стыд потеряла... отзовись.

Она хочет это сделать, но Митя не дает.

ЛИСТРАТОВ. С кем гуляешь! Этих Коверзневых за три версты обходить надо. (Захлопнул окно.)
МАРУСЯ (сквозь слезы). Я тоже с ним порву, если он станет принуждать меня в шахты ехать. Не поеду в шахты. Хочу вечно с тобою быть!

Порыв любви. Митя счастливо восторгается.

МИТЯ. Маруся, давай поцелуемся... по-новому, по-революционному.
МАРУСЯ. Как Маяковский учит... без этого.
МИТЯ (обнял). Какая ты неузнаваемая... красивая... светлая...

Ленин в своем кремлевском кабинете за столом над толстой книгой (словарь Даля) с тонким карандашиком в руке. Медленно, несмело, трепетно входят в кабинет Ленина Коверзнев и директор завода. Ленин услыхал, что входят. Поднял голову. Доволен.

ЛЕНИН (радушно). Жду, жду вас. Здравствуйте, товарищи! Заказ для добычи нефти действительно выполнили аккуратно, я проверил.
ДИРЕКТОР. По мере сил стараемся.
ЛЕНИН. Стараетесь, я проверил. Но вот за что вы из партии исключили рабочего Листратова?

Они не ждали этого вопроса. По привычке переглянулись. Но Ленин заметил это.

ЛЕНИН (с улыбкой). В данном случае не нужно советоваться.
ДИРЕКТОР. Мы не хотим советоваться.
ЛЕНИН. Ну, как же... вы друг друга поймете без слов. За что вы его исключили?
КОВЕРЗНЕВ (с трудом собирается с духом). Мы... гмы... Не мы его исключили, а общее собрание ячейки, масса.

Ленин делается суше и строже.

ЛЕНИН. Не массе насолил Листратов, а вам. Не масса требовала исключить из партии Листратова, а вы требовали. Вы сагитировали массу, которая вам верит, идет за вами.
ДИРЕКТОР (мягко и настоятельно). Имеется протокол общего собрания.
ЛЕНИН. Имеется. Читал. Но протокол живых настроений массы не отражает. А мне написали коммунисты с вашего завода, которые усомнились в правильности исключения. Это есть живые настроения. И вам все-таки придется сказать, за что вы его исключили.
КОВЕРЗНЕВ (несмело). У нас там было точно сформулировано: «За клевету на Советскую власть».
ЛЕНИН. Клевета. Ясно. Тогда давайте разберемся, что означает «клевета». Вот наш словарь. Здесь сказано, что клевета — это злоречье, злоязычье, злословие, напраслина...

Ленин вопросительно смотрит на Коверзнева, и тот с искренностью огорчается.

КОВЕРЗНЕВ. Владимир Ильич, ну какие мы с Тумановым бюрократы?
ЛЕНИН (улыбаясь). Вы?.. Вы никакие.
КОВЕРЗНЕВ. А он что нес! Разве это не клевета?
ЛЕНИН. Но вы же исключили его за клевету на Советскую власть.
КОВЕРЗНЕВ (теряясь). Да...
ЛЕНИН. Значит, вы отождествляете себя с Советской властью!
ДИРЕКТОР (с испугом). Нет, нет...
ЛЕНИН. Как же нет? Тогда надо написать: «Нас Листратов обругал, и мы его за то исключаем из партии». Вы прекрасно понимаете, что такая вещь не пройдет, и раздуваете свою обиду до огромных пределов Советской власти. Чепуха. Ни вы, ни я, никто в отдельности не может составлять великого понятия Советской власти.
КОВЕРЗНЕВ (обиженно, истово, по-народному). Я скажу истинную правду. Мы исключили Листратова за то, что он посмел расстроить вас как вождя мирового пролетариата...
ЛЕНИН (поражен). Гм... гм...
КОВЕРЗНЕВ. Нас, таких, как Листратов, тысячи, миллионы, а Ленин у нас один.
ЛЕНИН (гневно). Наказывать людей за то, что они имели неосторожность испортить мне настроение, я не позволю никому! Это вещь неслыханная...

Молчание.

ДИРЕКТОР (осторожно и настойчиво). Вспомните, Владимир Ильич, что он говорил... Дубину взять...
ЛЕНИН. Помню. Но и за это его нельзя исключить из партии.
КОВЕРЗНЕВ. Владимир Ильич, вы нам сказали: разбираться надо строго.
ЛЕНИН (тень улыбки). Чудаки! Вы строгий разбор дела сами свели к дубине. Человек

ЛЕНИН уезжает с завода.

ЛИСТРАТОВ. Исключили меня... вы знаете... неправильно.
ЛЕНИН. А почему вы не боролись?

только подумал о ней, а вы дубину пустили против него.

Настроение, поза, взгляд Ленина говорят о том, что беседа окончена.

ДИРЕКТОР. Что же нам делать?

ЛЕНИН. Не знаю. Не я Листратова исключал из партии. (И не теряя своей строгости.) Трудно рабочим. Всем трудно, но рабочим особенно. Трудности ожесточают.

ДИРЕКТОР. Теперь — куда! Фунт хлеба, да еще с прибавкой на восьмушку! Мы ожили.

ЛЕНИН. Фунт с осьмушкой — это четыреста пятьдесят граммов с примесью суррогатов. Тяжело, плохо. И не скоро рабочий класс будет жить легко, потому что ему придется защищаться...

Проводил до дверей. Пожал руки.
И они же где-то вблизи Кремля. Идут медленно, страшно сосредоточенно.

КОВЕРЗНЕВ (думающе). Словарь взял... до сути дошел. А мы?

ДИРЕКТОР. А раз в год за книжку сядем.

КОВЕРЗНЕВ. Эх...

ДИРЕКТОР. Ты не эхай, а думай, что теперь с Листратовым делать.

КОВЕРЗНЕВ. В партии восстанавливать.

ДИРЕКТОР. А ты знаешь, что он мог уже в Донбасс уехать?

КОВЕРЗНЕВ (останавливаясь). Как мог?

ДИРЕКТОР. Расчет взял...

КОВЕРЗНЕВ (до крика). Что же ты молчишь?!

Коверзнев бросается вперед, торопится, за ним директор.
От торопливости почти вбегают во двор. Направляются к квартире Листратова и видят, что в доме никого нет. Опешили. Попробовали открыть дверь — заперто. Заглядывают в окна.

КОВЕРЗНЕВ (с облегчением). Нет, видно, есть душа живая.

Стучит в окно. В отверстие чуть открытой двери выглянуло лицо жены Листратова. Она больна. Кутается.

ЖЕНА. Листратова? Уехал он в Донбасс... выжили вы его.

КОВЕРЗНЕВ. Кто же его выживал, Мария Трофимовна?

ЖЕНА. И ты и другие...

КОВЕРЗНЕВ. Эх, Маша, будто ты сама характера своего супруга не знаешь... да здорова ли?

ЖЕНА. Болею.

КОВЕРЗНЕВ. Чем?

ЖЕНА. Испанкой.

КОВЕРЗНЕВ (директору). Вот человек какой! Больную жену оставил. Когда уехал-то?

ЖЕНА. Да с полчаса тому назад.

КОВЕРЗНЕВ (восторг). Как?! С какого вокзала он уезжает?

ЖЕНА. С Курского. Не могу на ногах стоять... (Слабо.) Верните его домой. Доброе дело будет. (Закрыла дверь.)

КОВЕРЗНЕВ (директору). Ты на вокзал не ходи. Это — мое дело. Я лицо выборное, демократическое.

Коверзнев торопливо уходит.

ДИРЕКТОР (вслед). Эх... действительно напутали.

Коверзнев на перроне Курского вокзала пролетел мимо Мити и Маруси, кого-то оттолкнул, перепрыгнул через чей-то сундучок, «поцеловался» с красноармейцем в огромной буденовке и, наконец, в окне вагона третьего класса увидел голову Листратова. Перед тем как начать разговор, отдышался, приуспокоился.

КОВЕРЗНЕВ. Листратов, ты что же... куда ты едешь?

ЛИСТРАТОВ. Еду поднимать Донецкий угольный бассейн.

КОВЕРЗНЕВ. А родной завод поднимать не надо?

ЛИСТРАТОВ. Родному заводу я не пришелся... Прощевайте! Ты, вижу, провожать меня явился. Честь немыслимая. Не ждал, не гадал.

Бьют два звонка.
Коверзневым овладевает тревога. Что-то хочет сказать и не может придумать.

КОВЕРЗНЕВ (вдруг неожиданно для самого себя). Вылазь из вагона!

И первая услыхала этот возглас Маруся. Лицо у нее сделалось счастливым.

МАРУСЯ. Митя, слушай, слушай!

МИТЯ. Да я и так весь внимание.

ЛИСТРАТОВ (очень весело). Э-э, нет, я теперь по твоей милости беспартийный... не подчиняюсь тебе. Не вылезу.

КОВЕРЗНЕВ. Нет, вылезешь.

ЛИСТРАТОВ. И не подумаю. Прощевай!

КОВЕРЗНЕВ. Эх ты! Гонор показываешь, а жена одна, бедная, дома мается.

ЛИСТРАТОВ. Ты меня на чувства не бери. Я только что с нею расстался.

КОВЕРЗНЕВ. И я только что там был.

ЛИСТРАТОВ. Похужело ей, что ли?

КОВЕРЗНЕВ. Эх ты... любящий муж! Ну, вылазь, говорю, не ломайся.

ЛИСТРАТОВ (сердясь). Да за каким чертом мне вылазить, если я еду. (Зовет.) Мария!

Та подбегает.

ЛИСТРАТОВ. Прощаюсь с тобой. Домой беги. Смотри за матерью. Я на днях вам депешу дам.

Счастье Маруси померкло. Митя готов плакать. Но Коверзнев удерживает Марусю за руку.

КОВЕРЗНЕВ (истово, медленно). Вот они, дети наши... при них говорю... прости меня, Листратов.

Листратов смотрит на Коверзнева, и у него, Листратова, на глазах показываются слезы.

ЛИСТРАТОВ (растерянно, мягко). Дети, третьего звонка еще не было?

МАРУСЯ. Не было, не было, папа!

Он скрывается в вагоне и потом появляется на площадке с немудреным своим багажом. В это мгновение бьет третий звонок, и старинный паровоз свистит отправление. Листратов выходит из вагона, к недоумению пассажиров. Но ему не до них. Он очень взволнован. Маруся и Митя смотрят на отцов, готовы смеяться от счастья.

ЛИСТРАТОВ (детям). Уйдите! Не ваше право отцов судить.

Дети подхватывают багаж Листратова и стремительно удаляются. Листратов и Коверзнев медленно пробираются сквозь толпу провожающих. Переходят площадь у вокзала. И все молчат. Оказываются в одном из переулков.

ЛИСТРАТОВ. День какой наипрекраснейший! Сделаем перекурку.

Закуривают.

ЛИСТРАТОВ (сурово). Ты меня за душу тронул... говори.

КОВЕРЗНЕВ. Вроде и сказать нечего.

ЛИСТРАТОВ. Плохо.

КОВЕРЗНЕВ. Исключили мы тебя напрасно...

ЛИСТРАТОВ. Я тоже так думаю. Сами доперли?

КОВЕРЗНЕВ (горько). Ох, не сами...

ЛИСТРАТОВ. А кто же вразумил?

КОВЕРЗНЕВ. Кто... Не поверишь. Товарищ Ленин.

ЛИСТРАТОВ. День какой!.. Ленин за Листратова заступился. Что вы скажете!

Листратов в кабинете Ленина в своем рабочем одеянии, смущенный и взволнованный. А Ленин долгое время не отрывается от какой-то бумаги, потом вызывает женщину (уже известную зрителю), делает ей указание вполголоса и только потом начинает разговор с Листратовым.

ЛЕНИН. Извините меня, товарищ Листратов, у меня так много работы, что не успеваешь поговорить с нужными людьми.

ЛИСТРАТОВ. Я тоже... нужный?

ЛЕНИН. Очень. Но что это... вы прямо от станка?

ЛИСТРАТОВ. Забыл, вы знаете, домой сходить, переодеться... взволновался.

ЛЕНИН (смутился). Вы меня смущаете... Неужели это так необычайно... (и про себя) должно быть, да. (Встряхнувшись.) Как обстоят ваши партийные дела?

ЛИСТРАТОВ. Исключили меня... вы знаете... неправильно.

ЛЕНИН. А почему вы не боролись?

ЛИСТРАТОВ. Обидели меня.

ЛЕНИН. Обидели? Понятно. Но на одной обиде далеко не уйдешь. День—два пообижался, а потом надо и сдачи дать.

ЛИСТРАТОВ. Очень больно обидели. Не успел отойти.

ЛЕНИН (смеясь). А теперь отошел?

ЛИСТРАТОВ. Теперь они со мной шелковые.

ЛЕНИН. А когда вы их бюрократами называли, они должны были обидеться?

ЛИСТРАТОВ. Должно, были.

ЛЕНИН. А почему?

ЛИСТРАТОВ. Лишнее это. Может быть, одна капля, а лишняя.

ЛЕНИН. Бюрократ — слово крайнее, понятие тяжелое. Это человек косный, омертвелый, страшный. Но не это меня расстроило.

ЛИСТРАТОВ (истово, драматично). Неужели правда, что я вас расстроил?

ЛЕНИН. Правда. Вы расстроили меня той лишней каплей критики, которая может испортить все дело. Помните «дубину»?

ЛИСТРАТОВ. Помню, помню.

ЛЕНИН. Вот вам лишняя капля!

ЛИСТРАТОВ. Но я ведь от души... без всякой злобы...

ЛЕНИН. Да, от души. Очень часто, к великому несчастью, наши люди, честные, искренние, преданные делу рабочего класса, забывают об этой лишней капле. Не надо называть дурное хорошим и черное белым. Но если мы этими лишними каплями будем воспитывать неприязнь к самому дорогому, что добыто нами кровью и невероятными страданиями, к Советской власти, то пиши пропало.

Ленин протянул руку Листратову.

ЛЕНИН. Прощайте, товарищ Листратов. Все это я хотел сказать вам лично. А вы при случае скажите молодежи. У них горячие головы, пылкие чувства, резкая критика.

ЛИСТРАТОВ (взволнованно). Скажу... скажу...

И кажется, что в эту минуту Ленин завещает рабочему Листратову передать нашему молодому поколению свои мысли и заветы.

ДРАГОЦЕННАЯ ТЕТРАДЬ

В. МАКСИМОВ

Одна строчка, собственноручно написанная выдающимся общественным деятелем или писателем, становится драгоценной для потомства.

«Мы,— писал еще Александр Сергеевич Пушкин,— с любопытством рассматриваем автографы... Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов».

Просматривая свой архив, я как бы читаю живые страницы нашей истории. Архив этот — мое богатство.

В 1924 году в Москве выходил массовый детский журнал «Юные строители». В числе членов «широкой редакции» значилось и мое имя: Максимов Витя.

Мне было тогда 11 лет, я жил и учился в школе-интернате в Москве, писал заметки в журнал и по поручению редакции организовывал в школах и детдомах кружки юнкоров.

5 мая 1924 года в Москве, в Большом театре, происходило торжественное заседание, посвященное Дню печати. Приглашены были на заседание и юнкоры.

И вот я слышу, как председатель И. И. Скворцов-Степанов объявляет:

— Для приветствия от имени юнкоров слово имеет товарищ Максимов.

Я подбежал к трибуне. Она оказалась выше меня. Пришлось подойти прямо к рампе. Закончил я свое выступление словами: «Мы все вместе идем за нашим вождем Ильичем и свято храним его завет: ближе к массам.

Да здравствует рабочая печать!»

Находившиеся на собрании старые правдисты М. Ольминский и Д. Бедный пригласили меня к себе в гости и подарили свои фотографии с автографами.

И вот по совету редакции я завел тетрадь, о которой так написал тогда один поэт в нашем журнале:

У юнкора малыша,
Ах, тетрадка хороша!
Толщиной медведю в пору
И едва в подъем юнкору.
А зачем ему тетрадь?
Чтоб автографы сбирать...

Одним из первых сделал запись в моей тетради Ф. Э. Дзержинский. Как это было?

23 мая 1924 года на Красной площади проходил парад, посвященный присвоению пионерской организации имени В. И. Ленина. По окончании парада по ступенькам Мавзолея спустился высокий человек в солдатском костюме — Феликс Эдмундович Дзержинский. Я подошел к нему и, отдав салют, попросил от имени юнкоров журнала «Юные строители» написать нам свое пожелание.

— Хорошо! На чем писать?

Он взял папку с тетрадью, положил на левую руку и написал: «Будь большевиком. Ф. Дзержинский».

Этот момент как раз и запечатлен на сохранившейся у меня фотографии.

Позднее, в том же году, я вновь обратился к Дзержинскому с просьбой написать для нашего журнала статью о работе ОГПУ.

Застать Дзержинского дома было очень трудно, но вот однажды его сын Ян передал мне, что Феликс Эдмундович придет вечером.

Дзержинского ждали к обеду жена и сын. Было 6—7 часов вечера. Обстановка комнаты — очень скромная. Кроме квадратного стола и нескольких венских стульев, ничего нет. После обеда Феликс Эдмундович подарил мне свой фотопортрет с автографом.

Когда он вышел из квартиры, был десятый час. Я отправился вместе с ним. Моросил осенний дождичек. Феликс Эдмундович шел очень быстро. Легковые автомашины тогда еще были редкостью. Такси не существовало.

«Кому-кому, а Дзержинскому подадут машину, и я прокачусь»,— мечтал я.

Каково же было мое удивление, когда машины не оказалось ни у подъезда квартиры в Кремле, ни по выходе из Троицких ворот.

— Феликс Эдмундович, где же ваша машина? — нетерпеливо спросил я.

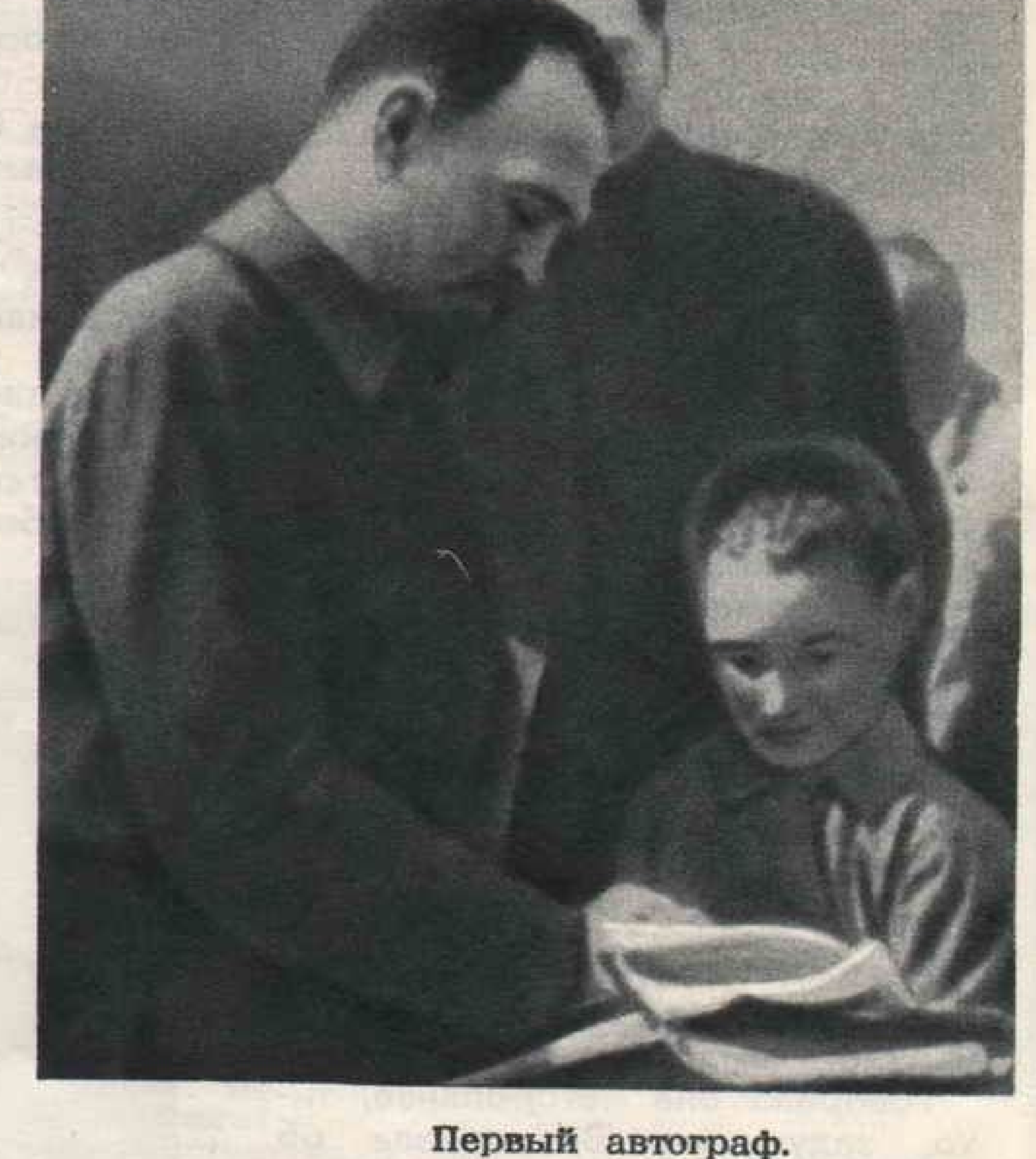
— Пойду пешком. Днем работал в ВСНХ, а сейчас иду работать в ОГПУ,— сказал он, как бы оправдываясь в том, что не может написать статьи.

Отдав мне пионерский салют, он зашагал мимо здания МГУ на Моховой в направлении к центру.

В те же дни я был послан редакцией в почетный караул у гроба старого большевика В. П. Ногина. В Колонном зале Дома союзов ко мне подошел человек в военной форме с четырьмя ромбами. Он спросил, кто я такой. Я догадался показать ему свою тетрадку, и в ней появилась запись:

«Будь храбр, честен и тверд, каким был тот, чьим именем названы пионеры. Учись работать, чтобы быть похожим на него. М. Фрунзе».

Летом 1924 года в Москве происходил V конгресс Коминтерна. Однажды, когда я находился в общежитии делегатов конгресса, австрийский товарищ Готлиб Фиала, хорошо говоривший по-русски, показал на незнакомого мне человека:

Первый автограф.

Запись, сделанная Э. Тельманом.

— С этим товарищем тебе надо обязательно поговорить. Это руководитель Гамбургского восстания.

Я понял. Передо мной был Эрнст Тельман.

Запись, сделанная Э. Тельманом по-немецки, в переводе на русский язык гласит:

«Революционный привет молодому пролетариату, пионерам, солдатам мировой революции.

Новое — ленинское поколение, живое, темпераментное, выросшее в огне нового развития мировой революции, станет вооруженными силами, способными нести боевое знамя классовой борьбы.

С учением Ленина, с Вашей революционной решимостью вперед к новым победам!

Лишь тот достоин жизни и свободы,

Кто каждый день за них идет на бой!

С революционным приветом! Солдат революции Эрнст Тельман. Немецкая делегация. 11 июля 1924 года».

Узнав о приезде в Москву товарища Димитрова, я захватил свою тетрадь и зашел к нему в гостиницу. Георгий Михайлович тепло встретил меня, подробно расспросил о журнале. Потом, взяв в руку кончик моего пионерского галстука, задумчиво сказал:

— Придет время, и у нас в Болгарии будут пионеры. И детские журналы будут и юные корреспонденты.

Строки, написанные Г. М. Димитровым.

Потом Георгий Михайлович

взял мою тетрадку, нашел чистую страничку и написал по-болгарски:

«Вся наша надежда, надежда старых большевиков, на юных ленинцев. Они должны продолжить и довести до окончательной победы дело международной пролетарской революции.

Они, воспитанные на идеях и в духе нашего великого вождя Ленина, по-ленински, достойно выполнят эту великую задачу. Братский горячий привет всем юным ленинцам!

Москва. 27. VII. 1924. Г. Димитров».

В сентябре того же года я побывал на приеме у М. М. Литвинова и Н. К. Крупской.

Работавший тогда заместителем народного комиссара иностранных дел Максим Максимович Литвинов принял меня в своем кабинете в здании Наркоминдела, на углу Кузнецкого моста и Большой Лубянки.

— А пишут ли в вашем журнале юнкоры из других стран? — спросил он, привстав из-за массивного письменного стола. И сам ответил: — Нет!

Взяв тетрадку, он стал размашисто и порывисто писать:

«12. 9. 1924 г.

Нам нужны юнкоры, которые должны стать рабкорами не только в СССР, но и в других странах. Больше всего врут теперь буржуазные писаки за границей.

Давно пора всем им дать по шапке.

М. Литвинов».

Надежда Константиновна Крупская беседовала со мной в своем кабинете в здании Наркомпроса.

Говорила она неторопливо, тихо, задушевно. Вспоминала об Ильиче. Интересовалась, о чем мы пишем. В тетради она написала:

13/IX 1924 г.

1924 г.

Привет юнкорам! Очень важно научиться внимательно наблюдать, что кругом делается и писать об этом в свою газету. Желаю вашему журналу всякого успеха в работе.

Н. Крупская

«13. IX—1924 г.

Привет юнкорам!

Очень важно научиться внимательно наблюдать, что кругом делается, и писать об этом в свою газету. Желаю вашему журналу всякого успеха в работе.

Н. Крупская».

...Высокий человек живо взбирался вверх по лестнице пятого подъезда Дома Советов.

— Знаешь, кто это? — спросил меня живший в этом подъезде Д. З. Мануильский.— Это товарищ Куйбышев.

Он познакомил меня с Валерианом Владимировичем. Товарищ Куйбышев пригласил зайти к нему в квартиру и, усадив на стул, начал просматривать наш журнал.

— Мы и не мечтали,— сказал он, как будто бы что-то вспоминая,— что мальчуганы будут редактировать журналы. Как жаль, что Владимир Ильич не дожил до этих дней, он очень любил детей.

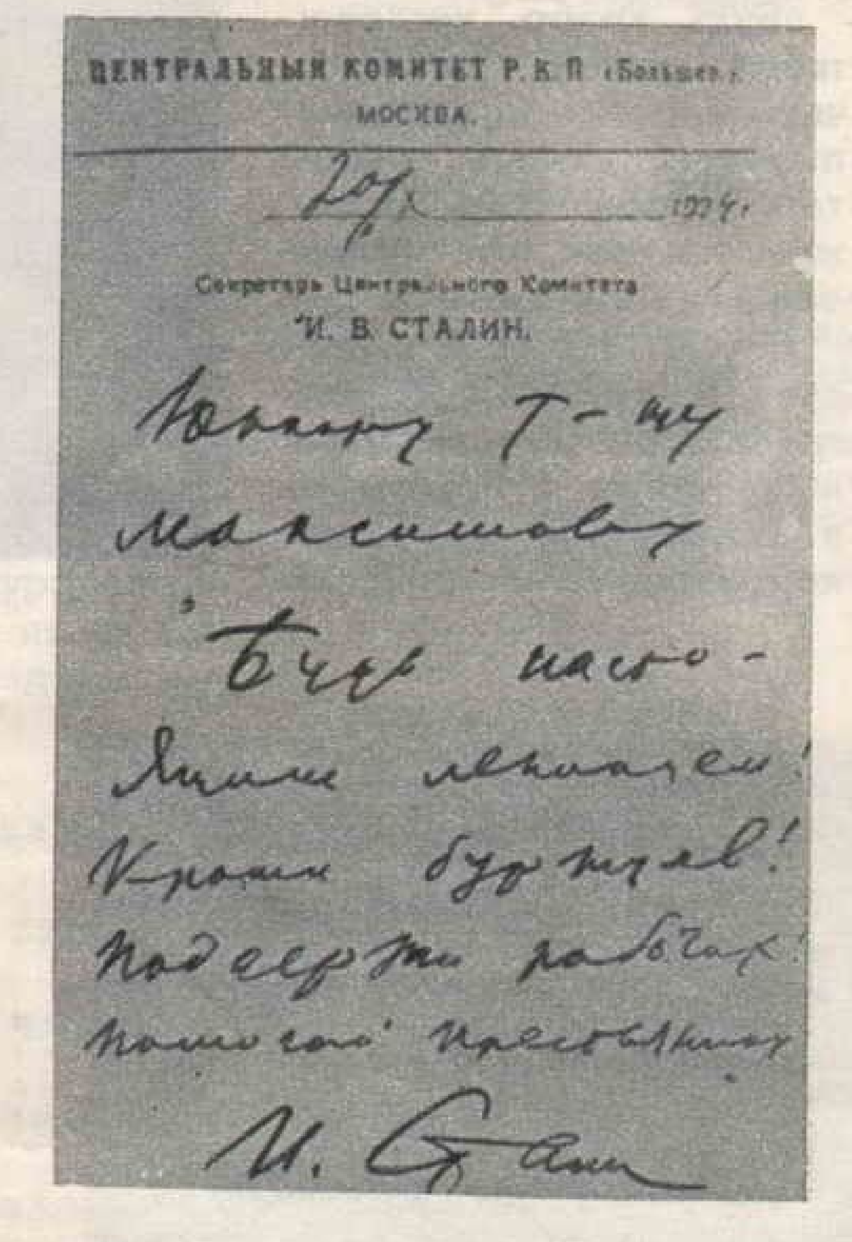
Узнав, что я пишу стихи и частушки, товарищ Куйбышев экспромтом написал:

«Юнкору горячий привет!
Иди в бой задорно и смело!
Блюди Ильичевский завет
Борьбы за рабочее дело!

В. Куйбышев.

11. X. 24 г.
г. Москва».

20 октября 1924 года редакция предложила мне побывать у И. В. Сталина и рассказать о нашей работе.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р.К.П. (Большев.)
МОСКВА

20/X 1924 г.

Секретарь Центрального Комитета
И. В. СТАЛИН.

Юнкору т-щу Максимову
"Будь настоящим ленинцем!
Кроши буржуев!
Поддержи рабочих!
Помогай крестьянину!
И. Сталин

Сделав запись в тетрадь, И. В. Сталин подарил мне свою книгу «О Ленине и ленинизме» и книгу Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир» с надписью на них: «Юнкору т-щу Максимову на память от Сталина. 20. X. 1924 г.».

Потом он взял блокнот и написал на листочке:

«Юнкору т-щу Максимову
Будь настоящим ленинцем!
Кроши буржуев!
Поддержи рабочих!
Помогай крестьянину!»

Мне очень хотелось увидеть товарищей Кирова и Орджоникидзе, но они жили не в Москве, работали на Кавказе: Киров в Баку — секретарем ЦК КП(б) Азербайджана, Орджоникидзе в Тифлисе — секретарем Закавказского крайкома партии.

Как-то я узнал, что во время приезда в Москву они останавливаются в представительстве ЗСФСР, помещавшемся в Малом Ржевском переулке, как раз напротив школы, где я учился. Швейцар, узнав, кто я и зачем пришел, обещал сообщить мне об их приезде.

Однажды, когда я шел в школу, он поманил меня к себе, сообщил о приезде товарищей Кирова и Орджоникидзе и предупредил, что застать их можно только до девяти утра.

Утром со мной разговаривал Сергей Миронович.

— Я сам был журналистом,— шутливо заметил он и тут же написал:

«Приветствую дорогих юнкоров в полной надежде, что они придут на смену стариков, как достойные ленинцы, и окончательно завершат величайшее дело эпохи, на заре которой они родились.

С. Киров.

1924 г. 25 октября
г. Москва».

Отдавая тетрадку, Сергей Миронович предупредил меня:

— Сейчас Серго зайдет сюда, не зевай.

Товарищ Орджоникидзе был в военном костюме с четырьмя ромбами. Он был в то время и членом Реввоенсовета.

— Киров уже написал? — глянул он в тетрадку.

Юнкор должен стать лучшим ленинцем. Юнкор должен заменить старое поколение. Юнкор наше будущее, наша надежда. Юнкор должен завоевать все подрастающее поколение.
С. Орджоникидзе
25/X-24 г.

И появилась следующая запись:

«Юнкор должен стать лучшим ленинцем!
Юнкор должен заменить старое поколение!
Юнкор — наше будущее, наша надежда.
Юнкор должен завоевать все подрастающее поколение.

С. Орджоникидзе.

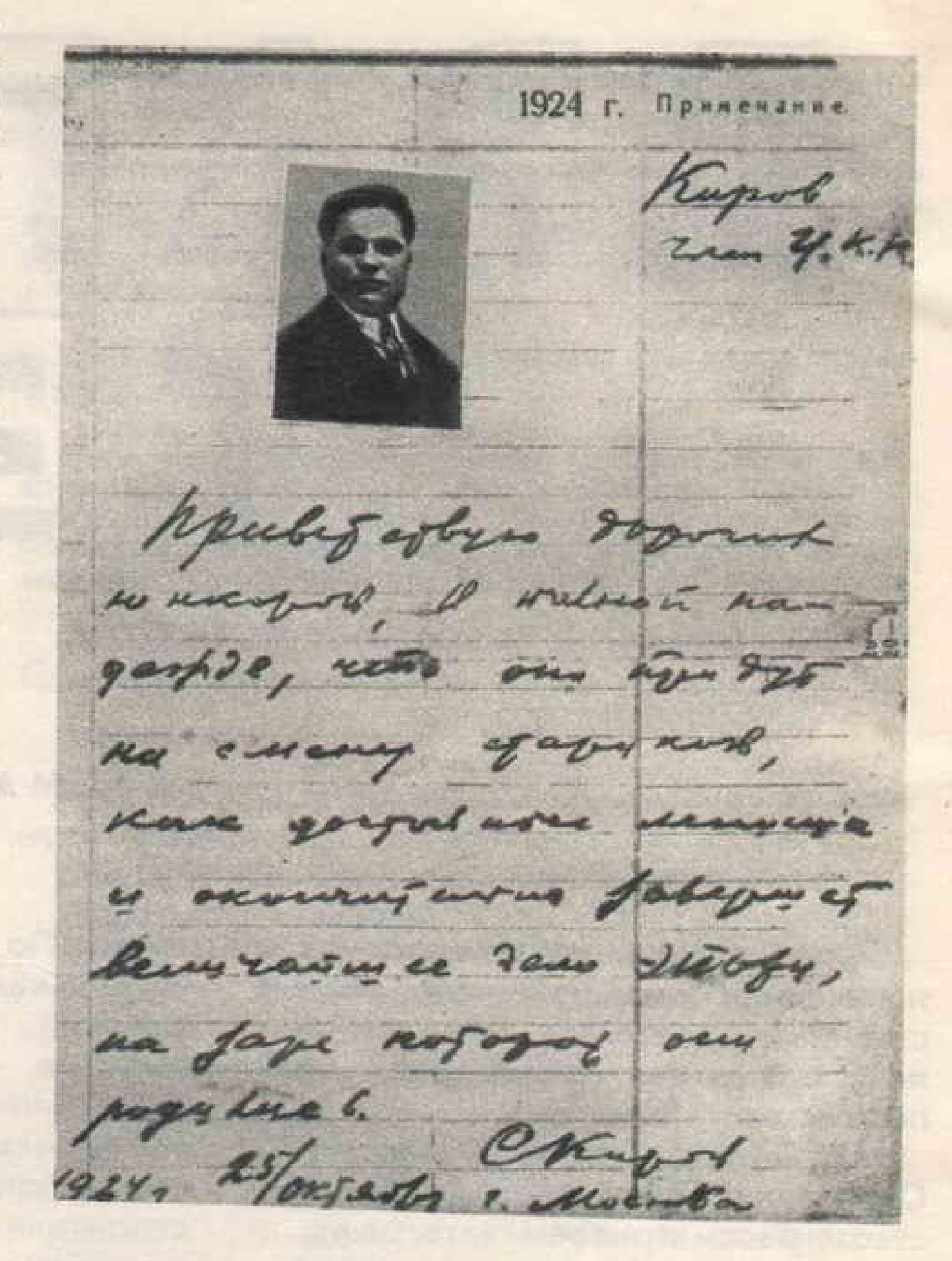
25. X. 24 г.».

И тут произошел забавный случай. У меня был фотоаппарат «Кодак», которым я хотел заснять Григория Константиновича.

Он сел на стул. Но в комнате было темновато. Я долго наводил на резкость. Он не выдержал и, крикнув: «Тороплюсь! Тороплюсь! До свидания!»,— выбежал из комнаты.

Я выскочил следом и «щелкнул» его в автомобиле. В редакции мне завидовали. Еще бы: такие снимки! Но скоро фотолаборатория огласилась хохотом. Я увидел на негативе: вверху — штору, в середине — налепленные друг на друга силуэты и внизу... автомобиль. Я «наложил» один снимок на другой.

Время и годы пополняли мой архив. Вот еще один документ, история которого началась в 1924 году.

1924 г. Примечание

Киров
член Ц.К.К.

Приветствую дорогих юнкоров, в полной надежде, что они придут на смену стариков, как достойные ленинцы и окончательно завершат величайшее дело эпохи, на заре которой они родились.

С. Киров
1924 г. 25/октября г. Москва

В числе делегатов V конгресса Коминтерна был представитель далекого Индо-Китая. Он участвовал в вечере, посвященном годовщине нашего журнала. Потом он пригласил меня к себе в гости, рассказывал о жизни своего народа. Прошли десятки лет, и я увидел в газете портрет человека с бородой и узнал в нем Нгуен Ай Куока. Он имел уже другую, теперь широко известную фамилию. Я написал ему письмо и 1 сентября, в канун праздника провозглашения независимости Демократической Республики Вьетнам, получил письмо, в котором был портрет Нгуен Ай Куока с надписью по-вьетнамски:

«Сердечный привет!
Хо Ши Мин.

27. 8. 57 г.».

Мне кажется, что я вправе считать свой архив большим богатством.

Стихи о Бресте

В июне этого года, впервые за 16 лет, мне довелось побывать в Бресте, в городе, с которым в моей жизни связано столько трагического.

Мой отец — военный, служил в Бресте до войны. И наша семья жила там. Мне не было одиннадцати лет, когда началась война. После прихода фашистов моя мать, сестра, дед и бабка были расстреляны. Мне чудом удалось трижды бежать из-под расстрела. В последний раз меня спасла смелая, добрая польская женщина Флория Будишевская.

Так что можете понять, с каким волнением я ехал в Брест спустя 16 лет...

Я хотел найти могилу, где погребена моя мать и вместе с ней 400 человек. Фашисты разравняли это место, чтобы не осталось даже следа. Пришлось перекопать за два дня солидный участок леса, прежде чем я наткнулся на останки погибших.

В Бресте узнал подробности гибели моей спасительницы Флории Будишевской. Фашисты зверски пытали ее и расстреляли за неделю до вступления советских войск. В живых остался ее сын Мариан, мой ровесник. Он уже инженер и живет в Варшаве.

Я работаю фрезеровщиком, учусь заочно в университете. Сейчас в Харькове выходит сборник моих стихов с предисловием писателя С. С. Смирнова.

После возвращения из Бреста я написал стихи, которые посылаю вам. Было бы хорошо, если бы вы нашли возможность опубликовать их.

С приветом
Роман ЛЕВИН

Харьков.

Грозовой город

Гроза собиралась долго.
Весь вечер гремело небо.
И в низко бегущих тучах
Таился запас огня.

Почти что целую вечность
Я в городе этом не был,
И он, как всегда, сурово
Снова встречал меня.

Город, любимый город,
Я вовсе и не обижен
Хмурым гостеприимством —
Иным бы ты стать не мог!

Ты мне такой, гремящий,
Роднее, понятней, ближе.
Таким я тебя с мальчишества
В памяти уберег.

Не просто раскаты грома —
Шквал штурмовых орудий.
Пах не озоном воздух,
А дымом пороховым.

Гнулись к земле деревья,
Но не сгибались люди,
И мертвые не уступали
Места в строю живым.

Город, любимый город,
Виновник рожденья наших
Нерасторжимых судеб,
Грозных, как эта ночь!

Вот мы сидим в гостинице,
И вспоминаем павших,
И пьем понемногу,
Чтобы волнение превозмочь.

А за окном все злее
Неистовствует природа.
Город, суровый город,
Молнией освещен!

И словно былые отблески
Сорок первого года
До сих пор не померкли
На наших щеках еще.

Дерево

Обычная веха сурового века:
На полуистлевших костях
человека,
Дождями промыв и ветрами
проветрив,
Расправило дерево зеленые
ветви.

Не кустик уже тонкоствольный
и хилый,
А ель в расклешенном,
игольчатом платье
Вовсю поднялась
над безвестной могилой,
Которую долго не мог отыскать я.

Все время сбивало оно меня
с толку:
Не мог я подумать, не мог я
поверить,
Что выросло дерево это
настолько,
Что можно шестнадцатилетьем
измерить.

Наверно, в минуты, когда
присыпали
Могилу землей сыроватой и
черной,
На эту кровавую землю упали
И сразу пробились древесные
зерна.

О вечность природы!
Под пулей, в огне ли —
Всегда мы стоим у твоей
колыбели.
И даже над нашим угасшим
сознаньем
Стучит несмолкаемый пульс
мирозданья.

Сестры Голубковы (слева направо): Таня, Света и Люся.
Фото Н. Крылова.

Какие вы похожие!

Воспитательница детского сада подошла к трем девочкам и, пристально посмотрев на них, сказала:

— Люся, тебе дежурить сегодня.

— Нет, не мне, а Тане, я вчера дежурила.

— Как вчера? Вчера Света дежурила. Правда, Света?

Воспитательница дотронулась до плеча одной девочки, но та проговорила обиженно:

— Я не Света, а Таня. Света, вот она...

— Ах вы, проказницы! Ну, какие же вы похожие!

Сестры Голубковы — Люся, Таня и Света — близнецы. Они в этом году пошли в первый класс, учатся хорошо, знают много стихов, умеют петь и танцевать.

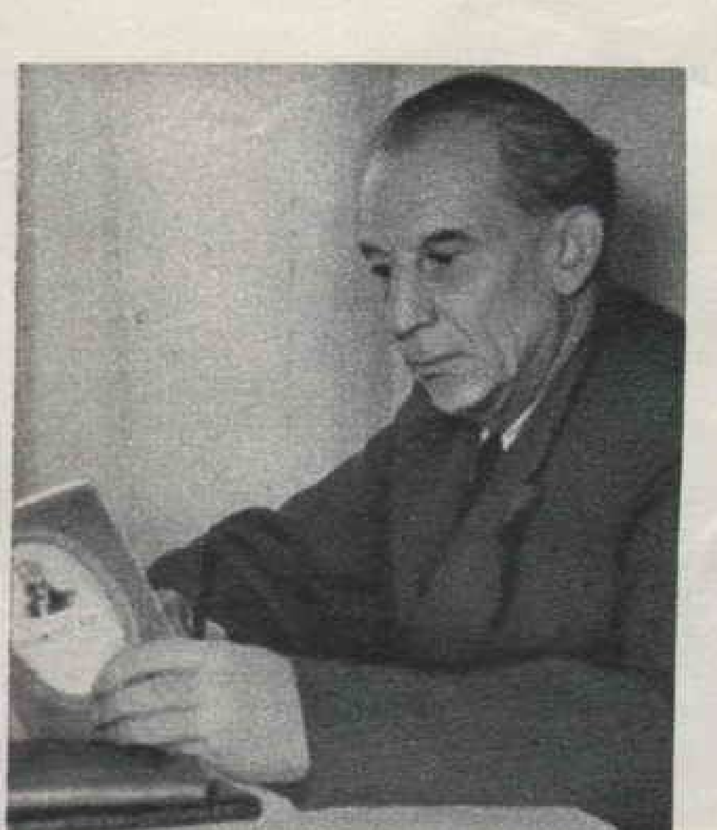
Мать трех сестер-близнецов Мария Александровна Голубкова работает в Заволжской МТС, а муж ее, Александр Павлович,— слесарем на заводе «Рабочий металлист». Семье Голубковых государство оказало помощь. Были выданы денежные пособия, предоставлена отдельная квартира. У девочек есть своя комната. Там их кроватки, стол, игрушки. У них все одинаковое: портфели, платьица, ленточки в косах, ботинки.

Хорошо и дружно живут сестры Голубковы. Ими довольны и в школе и дома.

Кострома.

Ю. ГРИБОВ

ВНУК МОЖАЙСКОГО

На калитке одного дома в Ашхабаде можно увидеть скромную надпись: «Д. А. Можайский». Не родственник ли Александра Можайского?

Действительно, здесь живет внук создателя первого в мире самолета Александра Федоровича Можайского.

Дмитрий Александрович родился через восемь лет после смерти деда, но рассказы о нем родителей, знакомых, документы, вещи, принадлежавшие изобретателю, помогли внуку многое узнать о том, кто открыл эру авиации.

Когда в 1950 году была организована поездка научно-исторической бригады по местам, связанным с творчеством А. Ф. Можайского, в состав этой бригады был включен и внук изобретателя.

С помощью Дмитрия Александровича бригаде удалось найти уникальные вещи, принадлежавшие знаменитому конструктору.

Д. А. Можайский — пенсионер, но трудиться не перестает. Он выступает с лекциями по истории авиации.

Ашхабад.

Н. ДАНИЛОВ

ПОЧТАЛЬОН ИДЕТ НАЛЕГКЕ

Написал я письмо, заклеил конверт. Думаю: на работу пойду — брошу в ящик. Увидел на улице почтовый ящик, достаю письмо из кармана, привычным движением хочу опустить его в ящик и... не могу этого сделать: прорези в ящике нет.

Что это за новость? Кто обслуживает этот почтовый ящик и как?

Тяжела ныне сумка почтальона. Нет такой семьи, которая не выписывала бы по нескольку газет и журналов, многие получают и книги. А сколько идет корреспонденции! Да, тяжелой стала сумка почтальона. Надо облегчить его труд.

В отделе доставки одесского Главпочтамта нашлись заботливые, инициативные люди. Они додумались. В середине маршрута, на участке, обслуживаемом почтальоном, повешен почтовый ящик для служебного пользования. Из почтового отделения почтальон доставляет сюда свою ношу трамваем или другим видом транспорта, отпирает ящик и оставляет в нем под замком часть корреспонденции. С собой он берет только то, что следует доставить в одном направлении. К своей базе почтальон возвращается уже с порожней сумкой. Здесь он снова ее наполняет и идет к адресатам, проживающим в другом направлении.

В городе уже установлено 80 почтовых ящиков для служебного пользования. Местонахождение «баз» избирается самими почтальонами. Сейчас здесь думают над тем, чтобы доставлять часть почты от отделения связи к «базам» специальным автотранспортом.

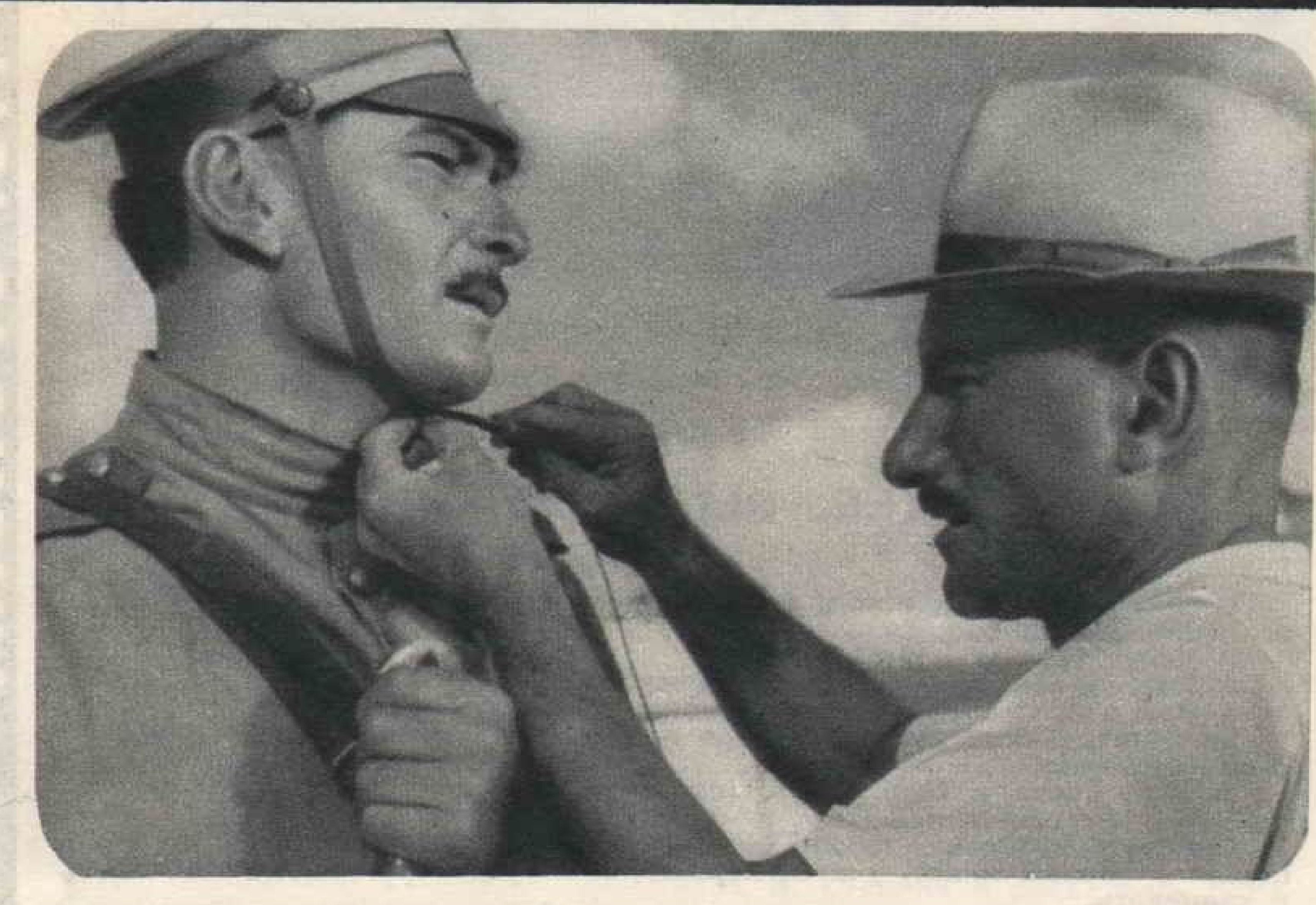
Одесса.

А. ВАРШАВСКИЙ

Почтальон Лена Хмарюк у своей «базы».
Фото П. Сокальского.

ЭПОПЕЯ

На съемках первой серии. П. Глебов в роли Григория Мелехова и режиссер-постановщик С. А. Герасимов.

НАРОДНОЙ

Съемка сцены у Дона. Аксинья — Э. Быстрицкая.

ЖИЗНИ

А. СОФРОНОВ

Фото В. Кузина.

Прошло около трех десятилетий с тех пор, как появилась первая книга «Тихого Дона». Срок достаточно большой и вместе с тем малый для того, чтобы с такой всепокоряющей силой завоевать миллионы читателей во всем мире.

Русская литература, ее лучшие книги никогда не оставались достоянием только русского народа. Они расходились по всему свету, властно завоевывая сердца и души миллионов людей за рубежом.

За четыре десятилетия Советской власти многие книги советских писателей стали всемирно известными. Но, пожалуй, ни одна из них не приобрела такой любви и не принесла такой популярности автору, как четырехтомная эпопея Михаила Шолохова «Тихий Дон».

И в маленьком индийском городке Амбале, и на небольшом японском острове Сикоку, и в далекой Австралии, и в обдутой насквозь атлантическими ветрами Исландии мне приходилось слышать самые восторженные слова о «Тихом Доне» и отвечать собеседникам на вопросы о здоровье Михаила Шолохова, о том, где он живет и что он в настоящее время пишет... И всюду это было не простое любопытство к модному писателю, блеснувшему на литературном небосклоне оригинальной по форме книгой или оригинально-странными высказываниями о жизни, а горячий интерес народа к народу, человека к человеку.

Но, видно, так уж принято, что даже самые большие таланты нелегко входят в литературу: цепляются за них всякие ракушки и чертополохи, стараясь помешать их движению вперед. Нелегок был путь и Михаила Шолохова в литературу. Но теперь это уже все позади, а шолоховское широкое полотно народной жизни, которое с полным правом можно поставить рядом с «Войной и миром», захватило и околдовало старых и молодых: тех, кто сегодня оглядывает свой жизненный путь и путь своего народа, и тех, кто только вступает в жизнь, будучи рожденным уже после событий, описанных в «Тихом Доне».

Что же это за сила? Откуда такая власть шолоховского слова? Только ли потому, что в центре эпопеи находится судьба двух страстных характеров — Аксиньи Астаховой и Григория Мелехова? Иному литератору их взаимоотношений хватило бы на короткую повестушку с пресловутым треугольником и всяческими ахами и охами по этому поводу. Но нет, не только судьбой Аксиньи и Григория привлекает «Тихий Дон». В нем, как в зеркале, отражена судьба молодой России тех огненных лет, когда ломался старый, дореволюционный мир, когда Россия вышла на новую дорогу, увлекая за собой новые и новые миллионы людей.

События «Тихого Дона», за исключением страниц, посвященных нахождению донских казаков на фронтах империалистической войны, связаны почти непосредственно с Доном — маленькой территорией на огромном просторе нашей Родины. И в то же время нет в советской литературе более широкого, более мужественного и более глубокого произведения, чем «Тихий Дон».

...В 1937 году мне пришлось побывать в станице Вешенской и в окрестных хуторах. Начиная от самого города Миллерово — а по-старому Миллеровской станицы, от которой около двухсот километров до Вешенской, — все было наполнено шолоховским словом. В какую бы станицу мы ни заезжали или ни останавливались на казачьих базах, люди, узнав, что мы едем в Вешенскую, старались рассказать какие-то новые подробности биографии Михаила Шолохова и его героев. На одном из близких к станице Вешенской хуторов, Андроповском, старик-колхозник, оттягивая пальцами верхнюю губу, показывал невидный для глаза шрам и клятвенно уверял меня в том, что Михаил Александрович деда Щукаря писал именно с него.

Однажды мы ехали верхом по степи с казаком средних лет, и он неторопливо рассказывал о том, как в двадцатом году возвращался из отступа из-под Екатеринодара, как пал под ним конь, как он снял с коня седло и тащил на себе, а потом обменял на полбуханки хлеба, каково было возвращение в родную станицу и что пришлось после этого испытать. Он не был похож, этот заведующий конефермой, на Григория Мелехова. Казак был рыжеват, приземист, все время сплевывал через нижнюю губу остатки цигарки. Кони наши шли шагом, кругом лежала весенняя донская степь, наполненная запахами разнотравья и звоном жаворонков.

Бросив уздечку на шею коня, я слушал моего собеседника, изредка поглядывая на него, все пытаясь увидеть хоть какие-либо черты, роднившие его с Григорием Мелеховым. Но в нем не было ничего похожего на Григория. И в то же время в каких-то подробностях было что-то такое, что связывало судьбу этого казака с судьбой Мелехова и других героев «Тихого Дона». И думалось тогда: а ведь, видимо, и Григорий Мелехов мог бы вот так же, весной 1937 года, сидя на подушках казачьего седла, ехать по колхозной степи, уже немолодой, перегоревший, наполненный полынной горечью воспоминаний о прошлом и раздумьем о сегодняшних днях.

И в каких бы потом хуторах мне ни приходилось бывать, я всегда искал места, описанные Шолоховым в «Тихом Доне» и «Поднятой целине», и в каждой казачке мне виделась Аксинья, Наталья или Лушка.

Михаил Шолохов — жестокий писатель. Он никогда не дает читателю никаких надежд на не оправданные, с точки зрения развития характера и исторических необходимостей, повороты в жизненном пути его героев. Известно, что Михаилу Шолохову подсказывали более благополучный конец романа «Тихий Дон» для его основного героя — Григория Мелехова. Но Шолохов, именно Шолохов не мог поступиться высокой художественной правдой, которая перестает быть такой, если она теряет правду жизни.

Десятилетия два назад мы с удовольствием встретили интересный фильм «Тихий Дон», поставленный режиссерами О. Преображенской и И. Правовым. Аксинью в нем играла Эмма Цесарская, а Григория Мелехова А. Абрикосов. В этой картине было много своих достоинств, но был и один крупный недостаток — отсутствовала широта в показе народной жизни.

С каким же волнением мы направлялись на просмотр первой серии «Тихого Дона», сценарий которого написал Сергей Герасимов! Думалось: сумеет ли с такой же глубиной, проникновением в сложный мир этих, в общем, простых людей экранизировать «Тихий Дон» наш известный кинорежиссер? Нет большей горечи, когда уходишь неудовлетворенным после просмотра картины, сделанной по любимому тобой произведению. Сколько было таких примеров! Неправомерно увлекаются иногда кинорежиссеры второстепенным в литературном произведении, тем самым нарушая широту и стройность замысла писателя. Так недавно было с картиной по роману «Как закалялась сталь», где меньше всего присутствовал Николай Островский—тот Остров-

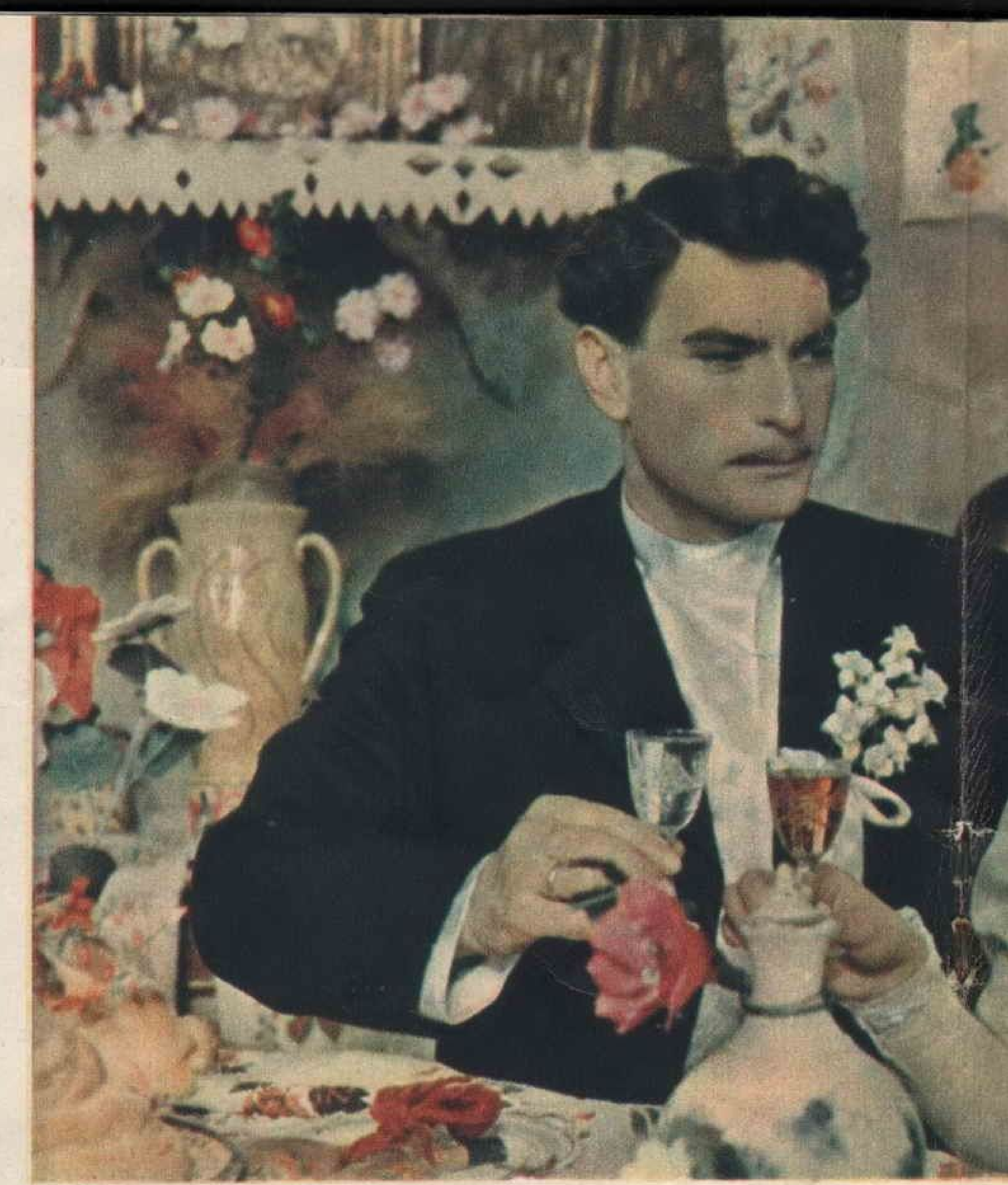
«ТИХИЙ ДОН».

Новый цветной художественный фильм по роману М. Шолохова. Сценарий и постановка Сергея Герасимова. Оператор — В. Рапопорт. Московская киностудия имени М. Горького.

На берегу Дона. Аксинья — Э. Быстрицкая (1-я серия).

После покоса. Дарья — Л. Хитяева, Аксинья — Э. Быстрицкая, Пантелей Мелехов — Д. Ильченко, Дуняша — Н. Архангельская, Григорий — П. Глебов.

Свадьба Григория. Григорий — П. Глебов, Наталья — З. Кириенко.

Возвращение

В госпитале. Гаранжа — С. Свашенко, Григорий — П. Глебов.

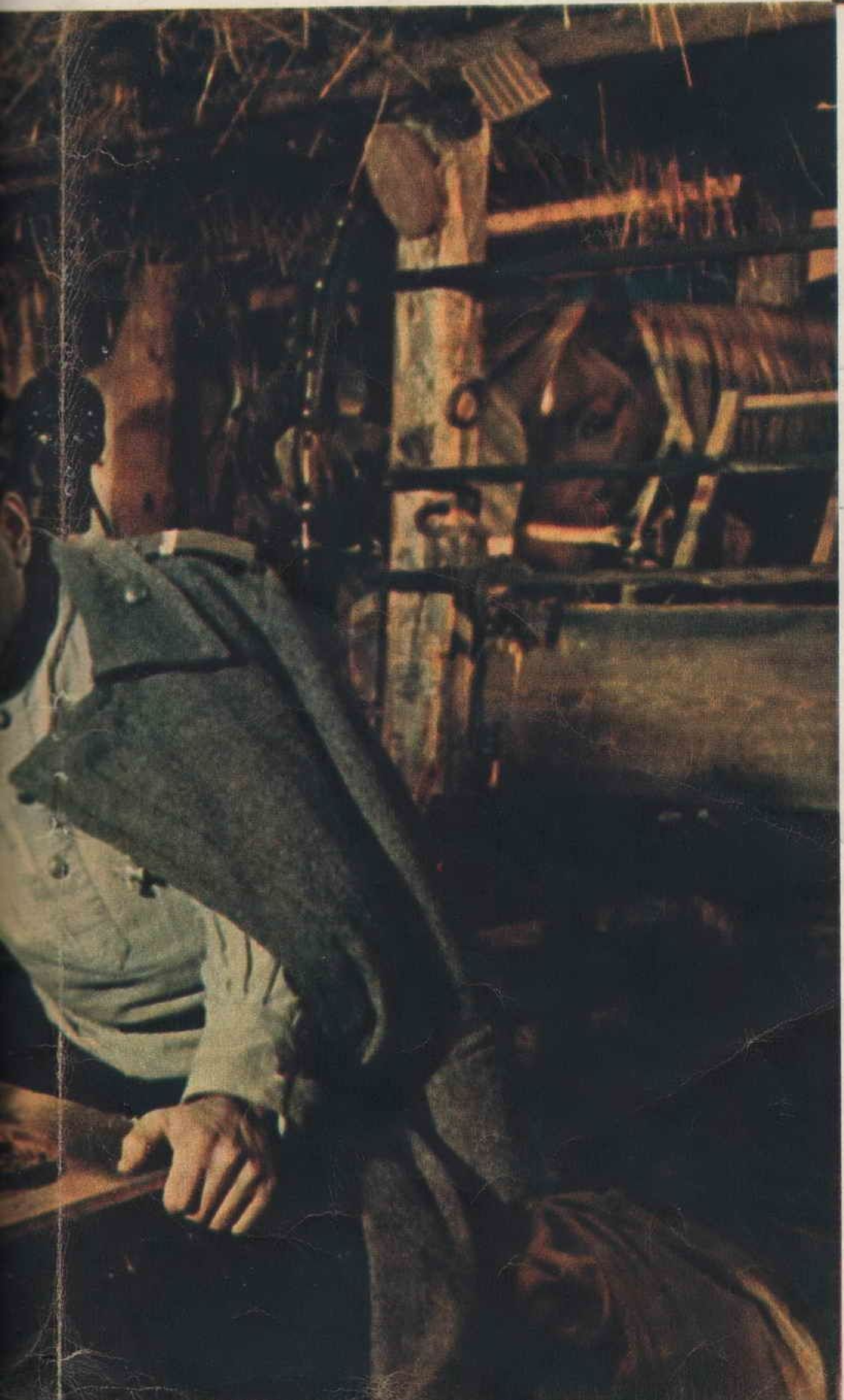

а.

звращение Григория с фронта. Дед Сашка — Д. Капка, Григорий — П. Глебов.

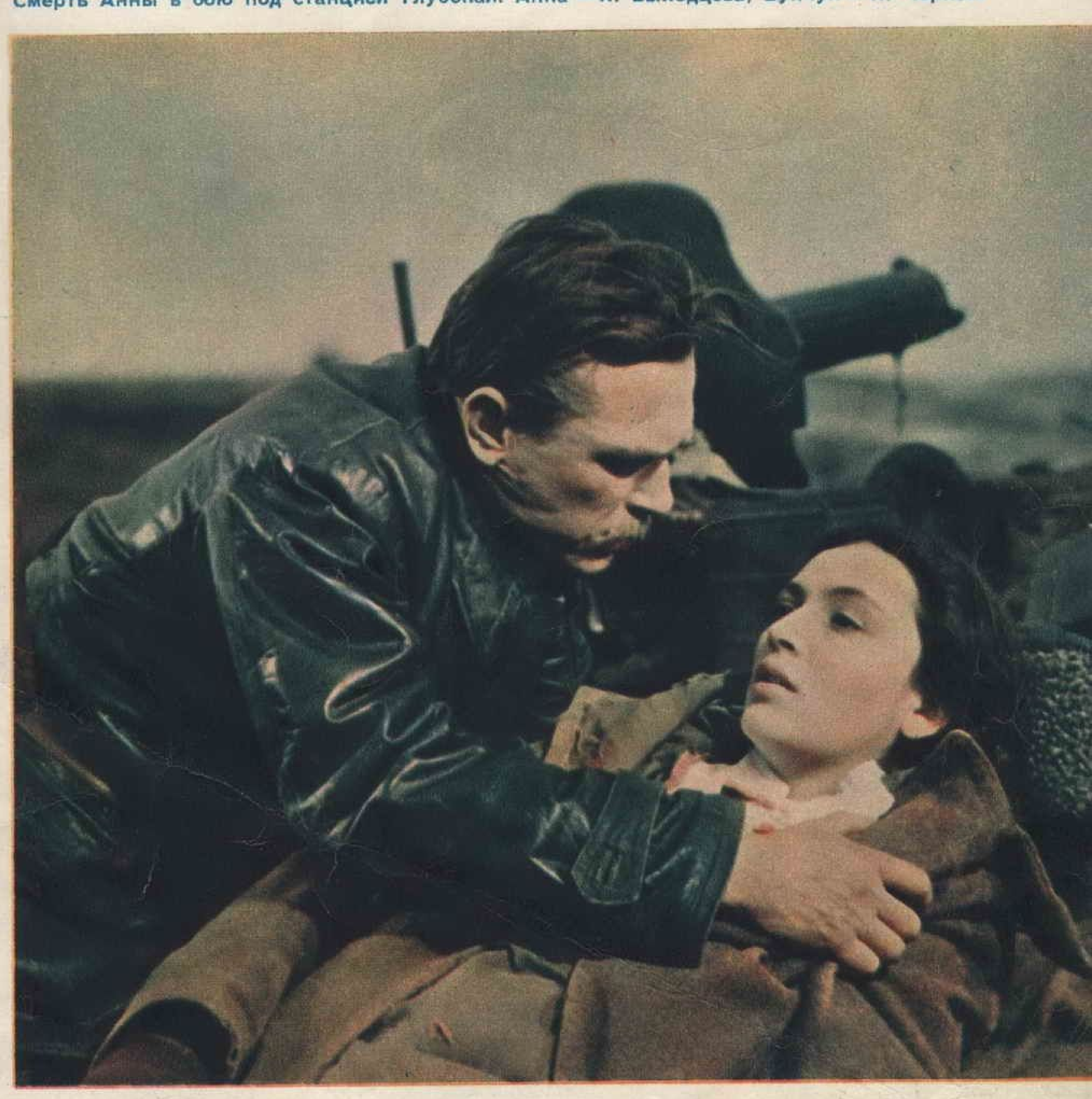

Арест есаула Калмыкова делегатом питерских рабочих — коммунистом Бунчуком. Бунчук — П. Чернов, Калмыков — М. Глузский (2-я серия).

Смерть Анны в бою под станцией Глубокая. Анна — И. Выходцева, Бунчук — П. Чернов.

Расправа белых казаков с отрядом Подтелкова. Слева направо: Кривошлыков — Б. Муравьев, Бунчук (во втором ряду) — П. Чернов, Подтелков — Н. Муравьев, офицер Спиридонов — Г. Шаповалов.

Заключительный кадр фильма. Григорий — П. Глебов, его сын Мишатка — Валерий Мелехов (3-я серия).

ский, который до последнего вздоха оставался в строю. Да и очень сложно найти актера — исполнителя роли человека, который давно уже перестал быть только литературным образом, а стал словно бы живущим, известным тебе не только по поступкам, но и ощущаемым тобой физически, каждой своей черточкой. Не очень часты бывают такие «попадания». На памяти у всех нас Чапаев Бабочкина.

Киноэпопея «Тихий Дон» будет идти на тысячах экранов. Миллионы людей будут сверять собственные восприятия каждого образа «Тихого Дона» с теми, какие получились в картине. В первую очередь всех, конечно, интересуют Аксинья и Григорий Мелехов.

На одном из просмотров Сергей Герасимов говорил нам:

— Вы спрашиваете о Глебове? Могу сказать, не боясь преувеличить: с ним работать—наслаждение. Образ Григория Мелехова в нем таился уже многие годы. На съемках все открылось. Все понимает! И не только понимает, но и чувствует. Это — главное. Когда есть одно и другое и, конечно, еще талант актера, тогда может получиться.

Мы смотрели «Тихий Дон» и говорили: получилось! Получился этот сложный, многоступенчатый образ, постепенно формирующийся характер человека. В том-то успех и Сергея Герасимова и П. Глебова, что развитие характера Григория Мелехова происходит на глазах у зрителя. Каждый его поступок, отношение к тому или иному моменту действительности вызваны отношением разных людей к самому Григорию, вызваны его двойственным мировоззрением, усложненным многолетней обособленностью донского казачества.

Вот перед нами Григорий Мелехов поит коня в Дону и загораживает дорогу Аксинье, несущей ведра на коромысле. Он еще совсем молод, беззаботен. Его неудержимо тянет к Аксинье, но любовь эта еще не осложнена психологией.

Много сделано Сергеем Герасимовым и оператором В. Рапопортом для того, чтобы зритель почувствовал всю изумительную красоту, своеобразность, неповторимость донской природы и казачьего быта. Немало свадеб мы видели в различных картинах: рекой льется самогон, пляшут девушки и парни, звенят песни. И в сцене свадьбы Натальи и Григория все это есть, но она особенная, не похожая на стандартные свадьбы в иных картинах.

...Пришла война. С выбивающимся из-под фуражки чубом сидит на коне Григорий. Приближается время первой атаки. Мелехову не страшно, он ничего не боится. И вот казаки на мчащихся бешено конях идут в атаку. Бросая оружие, панически бегут немецкие солдаты. Скачет с пикой в руках Григорий. Вот он вытягивает руку, пика свистит в воздухе, и, проткнутый насквозь, падает наземь вражеский солдат. Лавина атаки катится дальше. Казаки скачут по улицам небольшого городка. На тротуаре с рыжим ворсистым ранцем за спиной мечется немецкий солдат. Его настигает шашка Григория. Немец замертво валится на тротуар. И все вокруг становится тихо. Григорий медленно спускается с седла на мостовую. С любопытством и страхом потревоженной мысли

Момент съемки. Казаки пошли в атаку...

смотрит он на этого человека, который минуту назад был жив, а теперь лежал мертвым, погибшим от его руки. Мимо проезжают однокашники Григория, окликают его, а он стоит и смотрит завороженным взглядом на мертвого человека... Первое потрясение, первая мысль, новая ступень в жизни и сознании Григория Мелехова.

Много пройдет еще времени, прежде чем Григорий проникнется мыслью о страшной сути империалистической войны и о том, кому она нужна.

Так же, как Григорий Мелехов, будет волновать нашего зрителя, какова же в картине Аксинья Астахова. Сумела ли актриса передать страсть, ум, глубину души этой женщины, непохожей ни на какие другие образы во всей мировой литературе? Огромная ответственность стояла перед актрисой Э. Быстрицкой, которой выпала честь донести до зрителя чарующий облик донской казачки, прошедшей сложнейшие жизненные и душевные испытания. Не сразу мы привыкаем к Аксинье-Быстрицкой. Как будто она не совсем такая, какой мы ее привыкли видеть в своем воображении. Кто-то придирчиво бросает реплику: «Слишком городская, слишком красивая». Но ведь Аксинья была красивой!

Сменяется кадр за кадром, и вы забываете о своем первом впечатлении. Трудно, чрезвычайно трудно найти полностью совпадающий образ, но чем дальше вы смотрите фильм, тем правдивее раскрывается перед вами неповторимый образ Аксиньи.

А Наталья — воплощение верности и неразменивающейся женской любви? Хочется поздравить и режиссера и актрису с большой удачей. Впервые Наталья — З. Кириенко — появляется в доме Коршуновых во время сцены сватовства Григория. Стоит она на пороге комнаты без излишней застенчивости, с достоинством и вместе с тем с трудно скрываемым девичьим любопытством. И потом, в дни ее горькой любви к Григорию, когда тонкая, как степная былинка, она приходит к Аксинье, просит вернуть ей мужа... А вот и последняя сцена первой серии. Григорий, отчаянно избив Евгения Листницкого кнутом, исхлестав Аксинью за измену, возвращается домой. Сколько муки, неожиданной радости и страдания видно в затуманенных глазах Натальи, когда она бессильно склоняется к груди Григория!

...Трудно сейчас сказать, какая из двух серий более сильная. Если в первой серии весь зачин «песни о тихом Доне» показан более полно через личные судьбы, то вторая серия охватывает уже великие исторические события: свержение самодержавия, штурм Зимнего дворца, победа Советской власти, начало гражданской войны на Дону. Широко и правдиво, так же как у Михаила Шолохова, идет в картине повествование о победе большевистской правды, о событиях гражданской войны на тихом Доне. Донское казачество, расколовшееся на две половины: с одной стороны, оказавшаяся на стороне Корнилова, Деникина, Каледина, с другой — меньшая часть, пошедшая с большевиками,— показано в выразительных, скупых и вместе с тем динамических сценах второй серии «Тихого Дона».

В центре этой части эпопеи стоит трагическая судьба Григория Мелехова, судьба революционных казаков Подтелкова и Кривошлыкова, большевика Бунчука.

В этом номере журнала на цветной вкладке мы видим один из последних кадров третьей серии «Тихого Дона». Седой, бородатый Григорий Мелехов поднял на руки Мишатку. Это последняя страница «Тихого Дона». Какая огромная жизнь прожита героями книги, сколько потеряно хороших людей, в каком труде рождалась новая жизнь! Снова и снова читаешь «Тихий Дон», смотришь фильм и опять невольно думаешь о мудрости Михаила Шолохова, великой правде жизни и верности художника этой правде.

С нетерпением будут ждать зрители третью, последнюю серию картины. Съемки ее идут к концу. Но и по двум сериям можно уже судить: и сценарист-режиссер Сергей Герасимов и весь творческий коллектив, бережно отнесясь к литературному источнику, создали глубокую и правдивую киноэпопею народной жизни.

ГЛАЗАМИ ДРУГА

Небольшая книжка, на обложке которой государственные флаги Советского Союза и Венгерской Народной Республики, возвращает читателя к венгерским событиям в октябре прошлого года. Это не просто добросовестный перечень фактов и свидетельств очевидцев, это негодующий ответ непрошеным «опекунам» венгерского народа, тем, кто вчера руками хортистского зверья ввергнул страну в огонь и кровь.

«Дружба советского и венгерского народов началась не вчера, — пишет автор. — Она скреплена кровью. В Омске на обелиске-памятнике красногвардейцам, героям гражданской войны, среди многих имен есть и имя венгра Кароя Лигети... А в братских могилах на венгерской земле... вместе с останками венгерских красноармейцев покоится прах бывших русских военнопленных, солдат интернационального пролетарского батальона в Венгрии, проливших свою кровь в 1919 году за победу молодой Венгерской Советской Республики».

Автор книги, не раз побывавший в Венгрии, снова пересек советско-венгерскую границу в январе нынешнего года — вскоре после того, как венгерские трудящиеся раздавили фашистский мятеж. Перед читателем проходит целая галерея патриотов Венгрии. Вот Имрене Мезё, жена старого деятеля рабочего движения, сражавшегося на фронтах Испании, изведавшего ужасы хортистских тюрем, а в дни октября 1956 года растерзанного последышами фашистских палачей. Вот главный металлург Чепеля — Тибор Вилхелм, оставшийся на посту у мартеновских печей, несмотря на все угрозы мятежников. «Печи не остынут» — таков был лозунг патриота.

В свой четвертый приезд в Венгрию автор побывал на горе Геллерт. Памятник Освобождения, замечательное творение венгерского скульптора, стоял полуразрушенный, поруганный фашистскими бандитами. Но с высокой горы уже открывалась картина Будапешта, залечивающего раны, живущего мирной жизнью.

В конце книги автор приводит слова из письма английской общественной деятельницы Мэри Притт к советским женщинам:

«Я уверена, что правду об этих событиях узнают все, и тогда люди поймут, что именно ваша страна предотвратила третью мировую войну». Понимание этого факта проникает в сознание миллионов людей во всех странах.

Л. ЛЬВОВ

Мария Овсянникова. Глазами старого друга. Госполитиздат. 1957. 93 стр.

„ВИТЯЗЬ" В ЮЖНОМ ПОЛУШАРИИ

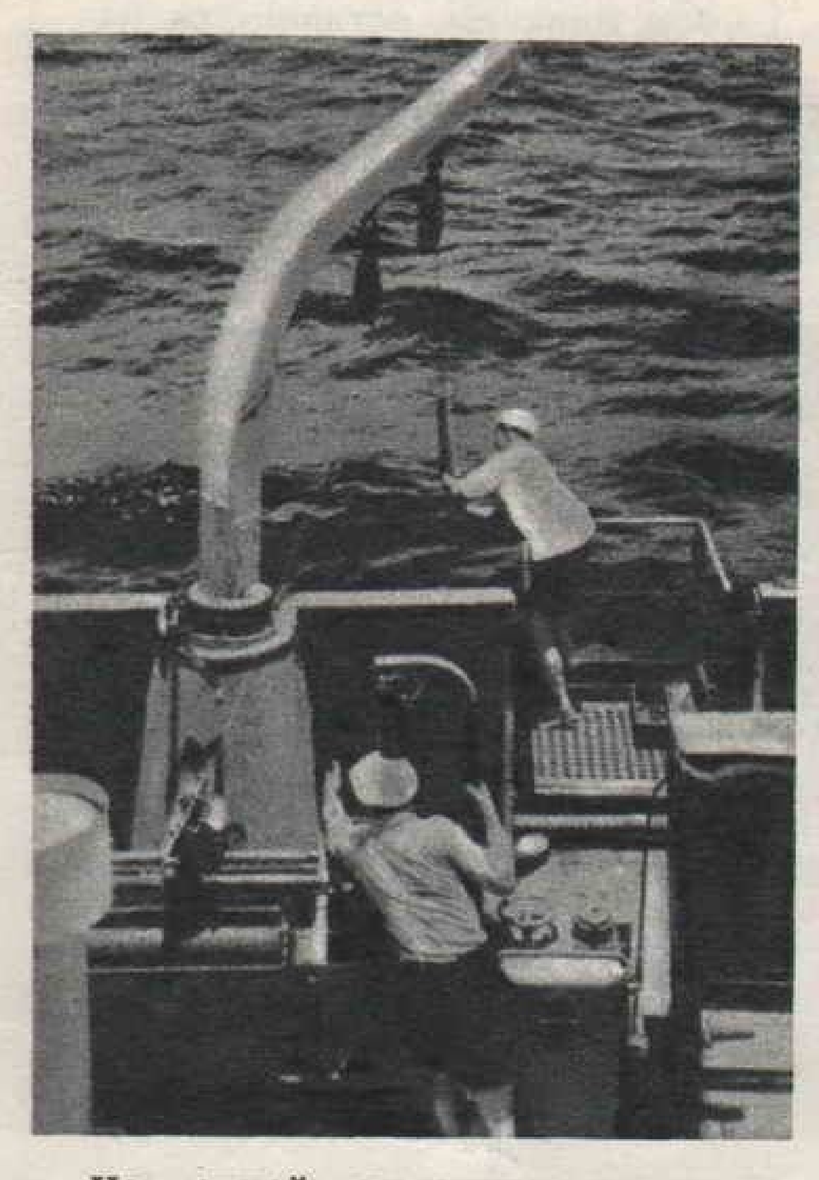
Перед белоснежным красавцем «Витязем» открывались безбрежные тропические воды южного полушария...

И. БЕЛОУСОВ, В. НАРЦИССОВ,

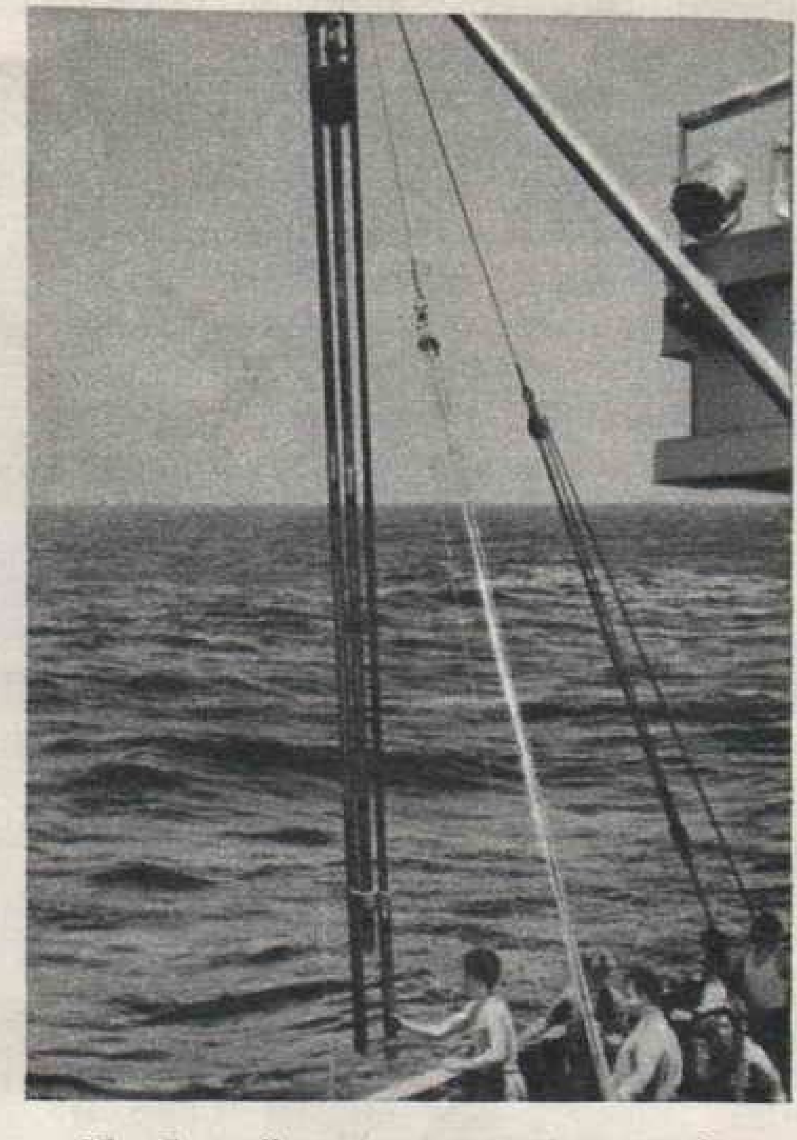
участники экспедиции

Около 17 тысяч миль прошел «Витязь», экспедиционное судно Института океанологии Академии наук СССР. Три с половиной месяца ученые в сложных тропических условиях проводили исследования по плану третьего Международного геофизического года.

Много выполнено интересных работ, много накопилось ярких впечатлений. Вот фотографии, дающие некоторое представление обо всем пережитом...

На одной из океанологических «станций» гидрологи берут батометрами пробы морской воды. К тросу подвешивается очередной батометр.

Необычайно интересна работа, проведенная геологическим отрядом экспедиции. Из воды вышла грунтовая трубка. Она принесла с глубины более 6 километров пробу придонной воды и колонку грунта.

Соленость морской воды определяется в судовой лаборатории. Начальник гидрологического отряда В. И. Кукса объясняет участнику экспедиции, научному сотруднику Академии наук Китая Ю Фан-Ху устройство нового интерферометра — прибора для определения солености.

С давних времен хотелось человеку собственными глазами увидеть жизнь на дне океана. Эта проблема решена. На снимке — установка для подводного фотографирования. Автор этой конструкции Н. Л. Зенкевич сам стоит у лебедки и руководит спуском «подводного фотоаппарата». В рейсе получено 90 фотоснимков морского дна с глубин от 300 до 5800 метров.

Целый месяц мы не видели берега. И вот наконец показался небольшой плавучий островок. Под висящими в воде корнями пальмового дерева плавали рыбы.

Для пополнения запасов свежей воды и продовольствия мы заходили в иностранные порты. «Витязь» — первое советское судно, побывавшее в австралийском порту Рабаул, расположенном на острове Новая Британия. Папуасы, жители Рабаула, привезли нам свежие фрукты.

В Рабауле мы с интересом осмотрели город и его окрестности. Дороги за городом вьются среди зарослей кокосовых пальм, бананов, кофейных и хлебных деревьев. В нескольких километрах от города находятся поселения местных племен. Жители фотографировались тут с удовольствием...

Вечером на причале около судна папуасы устроили для русских друзей самодеятельный концерт. Народные танцы исполнялись под аккомпанемент шестиструнных гитар.

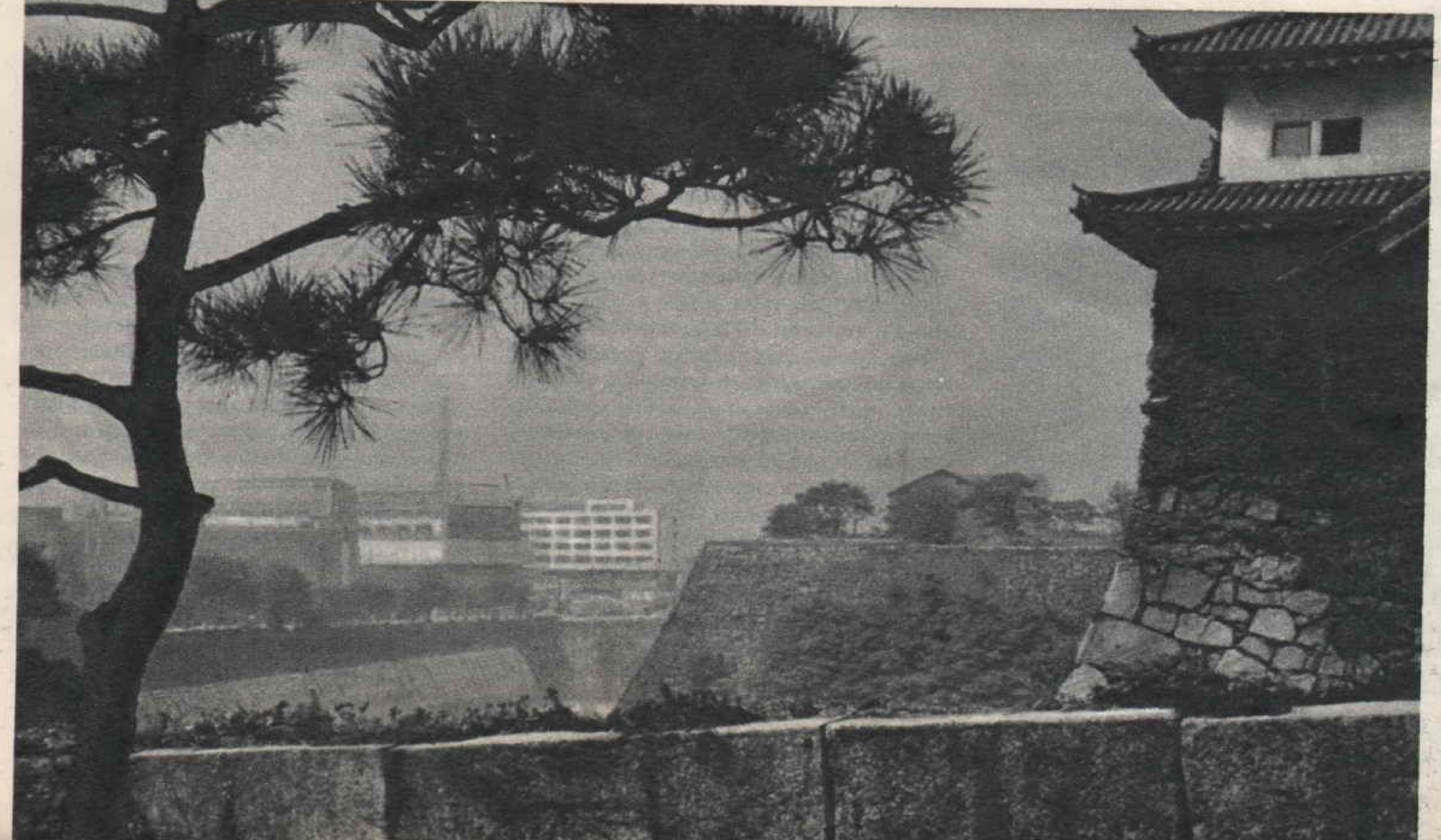

← Мы побывали на местном базаре. Продают здесь всевозможные овощи и фрукты, выращиваемые местным населением.

На борту «Витязя» побывали многочисленные гости. Начальник экспедиции А. Д. Добровольский рассказал японскому ученому-гидрографу доктору Суда о наших исследованиях.

↓ «Витязь» посетил и один из крупнейших портов Японии — Осаку. В этом большом городе рядом с современными многоэтажными зданиями сохранились старинные стены.

Первый рейс по плану МГГ закончен. Позади остались Каролинские и Марианские острова, берег Миклухо-Маклая на Новой Гвинее и Молуккские острова. Пройдены берега Филиппинских островов и Японии. В шести климатических зонах побывал «Витязь». В результате открыты новые подводные горы, уточнена на 100 метров максимальная глубина Мирового океана, открыто более 10 новых видов морских животных, получен материал по циркуляции вод огромного района, площадью в 4 миллиона квадратных километров. Трудно перечислить все, что сделано за 105 дней.

А «Витязь» снова уходит в плавание... Впереди новые исследования, новые земли...

ЧУДО ХОНГАЯ

В Заливе потонувшего в волнах дракона.

Богомил НОНЕВ,
болгарский писатель

Древность нам завещала «семь чудес света». В наши дни таких чудес стало что-то очень уж много: и Копакабана в Рио-де-Жанейро, и модные курорты Калифорнии, и норвежские фиорды — каждое из этих действительно живописных местечек есть, по утверждению туристических реклам, именно «восьмое чудо». Один старый французский путеводитель называет «восьмым чудом» и Ха Лонг, залив около Хонгая, в нынешней Демократической Республике Вьетнам. Следует ли считать Ха Лонг восьмым, девятым или двадцать седьмым чудом, не знаю, но что это — чудо, могу поручиться.

Вьен Ха Лонг — Залив потонувшего в волнах дракона — в этом названии есть что-то торжественное. Как попал дракон на берег залива, легенда не объясняет, она говорит только, что, услышав о несметных богатствах, которые здесь хранились, он решил завладеть ими. Потом место приглянулось дракону, и он решил обосновать здесь свое драконово царство. Еще и сейчас над водой виднеются огромные шипы: легенда считает, что это позеленевшая от влаги драконова броня.

Город Хонгай состоит, в сущности, из одной-единственной, но протянувшейся на много километров, длинной улицы. По обеим сторонам — дома и магазины, китайские аптеки и обувные мастерские. Над домами то тут, то там поднимаются высокие скалы, а между ними проглядывает синяя полоска моря.

Европейские виллы отдалены от города. На это есть своя причина. Главная улица Хонгая покрыта блестяще-черной пылью. Она оседает здесь от постоянно проезжающих автомашин, груженных углем. Хонгайский бассейн, широко раскинувшийся вдоль залива и тянущийся в глубь суши, славится по всему миру своим высококачественным углем.

Хонгай — типично пролетарский город, в нем проживает более 30 тысяч шахтеров, рыбаков и портовых грузчиков. В огромных домах, принадлежавших акционерным обществам, множество маленьких комнат, которые сдавались в наем рабочим. На улицах — ни следа зелени. В начале улицы вы и сейчас можете увидеть длинное и мрачное полуразрушенное здание: это бывшая тюрьма. Нетрудно себе представить, какая тупая, серая и безрадостная жизнь была при колонизаторах у хонгайских рабочих.

Сейчас здесь очень оживленно. Вечерами улицы переполнены людьми; они присаживаются у лавок, чтобы выпить чашку чая, поболтать со знакомыми. Много народу возле входа в кино. Внизу, где рыбачий порт, прогуливается молодежь. Проходят женщины в конусообразных тростниковых шляпах: это вьетнамки; шляпы с загнутыми кверху полями отличают китаянок. В районе Хонгая живет много китайцев — рабочих и шахтеров, рыбаков и докеров.

Мы останавливаемся перед аптекой. В витрине этикетки лекарств, которые прибыли сюда из Китая и Советского Союза, Чехословакии и Болгарии. Тут же рядом китайская аптека. В окне выставлены склянки с ядовитыми змеями и скорпионами, водоросли и крабы, крупные жуки.

Невдалеке от аптеки — книжный магазин. Здесь не пробьешься через густую толпу. Многие из посетителей читают. Они берут какую-нибудь книгу или брошюру, внимательно просматривают ее, и вдруг лицо их озаряет радостная улыбка: вычитали что-то интересное. Продавщица едва успевает обслуживать всех. Большинство книг — технические брошюры и художественная литература. Эти книги печатаются на грубой бумаге, но это не уменьшает гигантской тяги вьетнамцев к знанию.

Во время «грязной войны» французских колонизаторов против вьетнамского народа журналисты из «Фигаро» глубокомысленно писали, что вьетнамцы «покинули города» и ушли в джунгли «из-за ненависти к цивилизации».

Не знаю, заходят ли сами эти господа хоть раз в месяц в книжный магазин или они читают только порнографические журналы, но я собственными глазами видел, как «ненавидящие цивилизацию» вьетнамцы все свои свободные часы проводят в книжных магазинах, читальнях, кино, лекционных залах. Я знаю, что они издавали Маркса, Энгельса, Ленина в джунглях, где были созданы типографии, переплетные мастерские, университет, школы, научные институты. Эти люди не убили ни одного военнопленного, в то время как на острове Поуло-Кондор некоторые «защитники западной культуры» создали каторжную тюрьму, прославившуюся жестокостью своего режима и кровавыми расправами над заключенными. Католические священники пытались внушить вьетнамским крестьянам, что Иисус Христос и дева Мария якобы «покинули север» и ушли к югу от 17-й параллели. А люди учились читать и писать, знакомились с историей освободительных революций, изучали природу империализма, прелести которого они испытали на собственной спине.

Но все это ушло в прошлое. Сейчас Хонгай — город горняков и рыбаков — живет в новом мире, в котором люди жадно интересуются книгами и не боятся высокомерных напоминаний заокеанских деятелей о том, что в Тонкинском заливе стоят их авианосцы с атомными бомбами на борту.

* * *

В этот вечер я рано пришел в гостиницу. Хонгайский залив был еще озарен пламенем заката, рыбачьи лодки возвращались из далекого моря. В порту экскаватор насыпал блестящий уголь в ненасытное брюхо корабля. В этот вечер я ждал дорогих гостей. Ко мне должны были прийти шахтеры Уен Данг Тен и Чанг Нгок Бут. Прошло долгих десять минут, и вот около деревьев, которые еще совсем недавно отбрасывали прозрачно-фиолетовые тени, а сейчас стояли совсем темные, я увидел их двоих...

На столе уже расставлены блюда с рыбой и раками, с гарниром из бамбуковых и лотосовых корней и неизвестных мне водорослей. В маленьких чашках чудесные сладковатые соусы, пахнущие одновременно черным перцем и ананасом.

Во Вьетнаме люди не сидят долго за едой: ужинают на десяти тарелочках, на которых разложены разные кушанья, вытирают лицо платком, смоченным теплой водой, и сразу же встают из-за стола. Я знал об этом и поспешил дать остальным пример, чтобы показать, что знаком с восточными обычаями.

Уже стемнело. Луна светит большая и серебристая, освещая холодными лучами темную воду залива. Вокруг большой лампы на террасе собираются и кружатся тучи москитов. По потолку снуют туда-сюда ящерицы, подскакивая, как маленькие собачки с загнутыми кверху хвостиками.

Разговор наш шел о том, что жизненно важно для моих собеседников: о Хонгайском каменноугольном бассейне, о том, как жил здесь народ в былые времена и как живет сейчас.

Поль Бернар, видный идеолог колониальной политики Франции, полагал, что метрополии нужны от колоний две вещи: во-первых, земля для своего «избыточного населения» и рынок для сбыта своих товаров; во-вторых, возможности инвестирования капиталов и приобретения сырья, необходимого для промышленности метрополии.

В 1888 году в Хонгайский залив прибыл французский военный флот. Затем здесь расплодились спекулянты и полицейские, возникли акционерные общества и банкирские дома. Журналисты сочинили и напечатали в парижских газетах красивую и трогательную легенду о том, что якобы аннамская императрица, узнав о прибытии французского военного флота в Хонгай, попросила командующего флотом приветствовать ее пушечным выстрелом, как подобает ее сану. Галантный адмирал поспешил исполнить ее желание, а растроганная императрица немедленно сделала широкий жест и... подарила Франции Хонгайский каменноугольный бассейн. Правда была гораздо проще и суровее этой сладенькой сказки: французский флот, угрожая пушками, заставил императрицу подписать договор о передаче бассейна.

После этого колонизаторы властвовали тут, как настоящие императоры, хотя и не носили регалий. Одевались они в сюртуки, а в карманах носили пакеты акций. На каждую акцию в сотню франков акционеры получали 250 франков чистой прибыли. Миллионы тонн хонгайского антрацита проходили через бухгалтерские книги Тонкинского каменноугольного общества, а часть излишков шла в кассу Его величества Индокитайского банка, который раскинул свои щупальца по всему Вьетнаму. В парижских салонах снисходительно беседовали о далекой стране, приносящей золото, такие господа, как Жискар д'Эстан, Дюбинэ де Стрел, Поль Бодуэн, Жозеф Дешан, Робер Турнир, Максим Ренoден... Они не совершили ни одного подвига в своей жизни, но их имена надолго останутся в истории колониального мира, покрытые мрачной и кровавой славой. Они виновны не только в гибели миллионов вьетнамцев, камбоджийцев и лаосцев, не только в поругании демократических традиций, которыми всегда гордилась Франция, но и в смерти многих тысяч французских солдат, сложивших головы в дельте Красной реки и в Дьен Бьен Фу...

Я смотрю на шахтера Уен Данг Тена. Он сидит выпрямившись, высоко подняв голову, ему не хочется опускаться в глубокое кресло. Уену сорок лет. У него худое лицо с въевшейся в кожу угольной пылью, черные, по-старому обычаю покрытые лаком зубы, за исключением двух золотых впереди. Этот крепкий человек, испытавший много горя и страданий,— как бы живая иллюстрация годовых балансов Тонкинского каменноугольного общества и Индокитайского банка.

Он родился далеко от Центрального Вьетнама. Десяти лет от роду сирота Уен приехал сюда к своим братьям. Пять су — такой была поденная плата, за которую ребенок-грузчик с утра до вечера переносил уголь в корзине. Пять су — это тарелочка риса, которую он съедал в одиннадцать часов утра.

— Потом, — продолжает свой рассказ Уен, — когда мне исполнилось 13 лет, я стал работать на шахте, я уже мог толкать вагонетки. За это я получал 12 су.

В 1936 году Уен впервые услышал слово «профсоюз». Он принял участие в первой стачке в Хонгайском бассейне. Она продолжалась 10 дней и охватила Хонгай, Камфу, Киен-Ан и другие города. Рабочие победили. Уен стал получать 30 су, но жить не стало легче.

— Заработанных денег, — говорит шахтер, — едва хватало на покупку риса. А затем наступил голод. В 1944 году наша зарплата составляла 100 су в день, или один пиастр, но килограмм риса стоил 8 пиастров, а работали мы самое большее 17—18 дней в месяц.

Вспыхнула Августовская народная революция 1945 года. Она была направлена против японских оккупантов, но переросла в движение против всех, кто хотел и дальше держать Вьетнам в колониальной кабале. В Хонгайском районе установилась народная власть.

Между тем прибывали все новые войска французского экспедиционного корпуса. И вдруг оказалось, что район оккупирован. Начались «операции по прочесыванию». За несколько дней было убито более 50 рабочих — деятелей профсоюзов. Рабочие перестали подниматься из шахт, предпочитая ночевать под землей.

Рыбакам приходилось не легче. Военные патрули забирали вынесенную на рынок рыбу и грузили ее в телеги. Они обещали рыбакам заплатить, если те последуют за ними в казармы. Рыбаки шли, но в казармах солдаты натравливали на них собак. Если рыбак сопротивлялся, его арестовывали, обвиняя в «бунте». И бунт действительно пришел. Сотни рабочих вступили в Народную армию и партизанские отряды.

— Я работал тогда на шахтах Ха Лома, — продолжал свой рассказ Уен. — Когда началась битва при Дьен Бьен Фу, мы напряженно ждали, веря, что наши победят. Днем и ночью мы не спали. Установили дежурство. Мы знали, что хозяева собираются вывезти машины на юг через Камфу или Хонгай. Однажды ночью они попытались это сделать, но им не удалось. Нас собралось много: сто, двести, а может быть, и больше рабочих. Мы остановили поезд...

По мере того, как вел свой неторопливый рассказ шахтер Уен, улица стихала, до нас едва доносился шум чьих-то одиноких шагов да всплески.

— А как вы живете сейчас, Уен? — прервал я молчание.

— Хорошо. На сбереженные за два года деньги я купил домик, немного мне помогла и наша касса взаимопомощи.

— Хороший дом у тебя, Уен! — сказал молчавший до сих пор его товарищ Чанг Нгок Бут. — У меня скоро будет такой же дом, — добавил он просто.

Так тянется эта нить воспоминаний; мрачные дни сменяются светлыми, тяжелые — радостными. Последней радостью, радостью надолго, была победа, уход колонизаторов, утверждение народного государства Вьетнам.

Уже давно за полночь. В порту ни звука, все окутано тьмой.

* * *

На следующий день нам предстояло побывать в больших угольных разработках Камфы.

Угля — черного, блестящего, словно драгоценные камни,— здесь так много, что кажется, никогда не иссякнут его запасы. В двух шагах от разработки — порт. А сам уголь — на глубине одного—двух метров от поверхности земли.

Глаза слезятся от яркого солнца. Я сижу на одной из террас необъятного амфитеатра. Вокруг уголь, под ногами уголь, в ноздри набилась угольная пыль, от угля почернела одежда. На широких террасах, вверху и внизу, рабочие ломами и кирками отрубают большие, сверкающие на изломе куски, грузят их на вагонетки, и я вижу только спины людей и тени, которые отбрасывают их широкополые тростниковые шляпы. Здесь работать не так тяжело, как в шахтах, но и нелегко: вокруг ни деревца, ни тени. Пятитонные грузовики медленно спускаются по широкой, извивающейся между террасами дороге прямо к морю. Там их ждут пароходы, чтобы принять на борт ценный груз.

Труд вьетнамских шахтеров был бы много легче сегодня, если бы в последние годы своего господства французские колонизаторы так хищнически не эксплуатировали Камфу: в тех местах, где французы заставляли беспорядочно рубить уголь, есть опасность обвалов. Сейчас несколько чешских экскаваторов неутомимо загребают землю в свои разинутые пасти, с каждым днем все более укрепляя разработки.

В одной из вьетнамских пословиц говорится: «Для тех, кто любит,—все красиво, для тех же, кто ненавидит,— все страшно». Вьетнамцы любят свою страну, слагают песни даже о ночах, полных москитов, поют о черном каменном угле, поют обо всем, что им близко и дорого.

Французы покинули Камфу 15 мая 1955 года. Несмотря на сопротивление рабочих, несмотря на то, что вьетнамское народное правительство обещало им заплатить за машинное оборудование, колонизаторы все же вывезли отсюда значительную часть машин. А на оставшееся они заключили кабальный договор, по которому вьетнамское правительство должно в течение 15 лет отдавать ежегодно 1 миллион тонн угля. Здесь работает теперь около 10 тысяч шахтеров, которые поставили перед собой трудную, но выполнимую задачу — вырабатывать более 2 миллионов 200 тысяч тонн каменного угля в год. В Камфе мы видели больницы, удобные рабочие общежития. Рабочие регулярно снабжаются продуктами, обувью, хлопчатобумажными и шелковыми тканями. Здесь есть кинотеатр, книжные магазины и школы. Сейчас в Камфе уже можно жить, сюда прочно вошел социалистический быт...

Машина движется по извилистой дороге. То здесь, то там через черные скалы каменного угля видны горы, покрытые джунглями. В Камфском порту мы видим большой китайский пароход: он пришел за углем. Там, где кончается порт, от узкой полосы побережья до густых лесов раскинулись фруктовые сады и огороды, на узких грядках растут капуста и лук, перец, лук-порей. Листья больших банановых деревьев опустились под тяжестью бледно-желтых гроздей свежих плодов. Мальчик с лейкой в руках идет между грядок и заботливо поливает черную плодородную землю.

Последние лучи солнца освещают далекий горизонт залива. За нашей спиной грохот тяжелых землечерпалок, свист паровоза и голос диктора, который сообщает о последних международных новостях и событиях в стране...

Как не хочется уходить отсюда! Я желаю одного: чтобы этот вечер надолго сохранился в моей памяти.

Так добывают уголь в Камфе.

ДЕСЯТЬ ШИЛЛИНГОВ

Рассказ

Фрэнк ХАРДИ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Человек шел, волоча ноги, мимо Митчельской библиотеки к Сиднейскому парку. Одежда на нем была сильно поношенная, но чистая: старая коричневая пиджачная пара, выцветшее синее пальто, парусиновые башмаки, шляпа с широкими полями. Под мышкой он нес связку старых газет, в кулаке правой руки был зажат банковый билет в десять шиллингов. Человека звали Том Джонсон.

Он хорошо знал дорогу к тому месту, куда шел в этот поздний июньский австралийский вечер. Под защитой густых ветвей гигантских смоковниц там обычно проводили ночь безработные. Пересекая лужайку парка, он почувствовал, как ночная роса холодила сквозь рваные подошвы уставшие ноги. В густой тьме под деревьями он стал двигаться осторожнее, почти ощупью.

В спичечной коробке оставалась одна-единственная спичка. Он решил зажечь ее и сделал это, по-прежнему не разжимая кулака, где лежала десятишиллинговая бумажка. В неверном свете спички выступили спящие на земле люди, скорчившиеся в нелепо-угловатых позах, укрытые чем попало: рваными одеялами, куртками, газетами. Какой-то человек держал у груди укутанного в пальто ребенка. Ребенок плакал спросонья, и отец успокаивал его тихими, ласковыми словами.

Спичка догорала, но Джонсон уже успел выбрать себе местечко поближе к толстому шишковатому стволу. Он двинулся туда, старательно и высоко поднимая ноги, но все-таки чуть не наступил на чье-то распростертое тело.

— Осторожней, черт! Гляди, где ходишь! — раздался хриплый голос.

— Простите, — пробормотал Джонсон.

Он опустился под деревом, всячески стараясь не потревожить соседей. Потом принялся разворачивать газетные листы из принесенной пачки. Сначала он укутал бумагой ступни, потом колени, укрыл живот. Улегшись на жесткую, холодную землю, он стал оборачивать полосами газетной бумаги грудь и спину. Это нелегкое дело было для него привычным, но озябшие пальцы не слушались, к тому же правая рука была занята банковым билетом в десять шиллингов. Как только удавалось засунуть край газеты под один бок, обнажался другой. Постепенно с этим уладилось, но вдруг открылись ступни ног. Он выругался и сел, и тут прорвалась бумага на коленях.

Сжав зубы, он принялся делать все сначала, по давно продуманной системе, и вот наконец он лежит, плотно укутанный в газеты с ног до головы. Ему вдруг подумалось, что лучше всего для этого годится «Геральд».

Он снял шляпу и подложил ее под голову. Потом осторожно подвинулся ближе к стволу дерева, рассчитывая, что тут будет немного посуше. Правду говоря, земля не такая уж сырая, решил он: дождя не было, а густая листва смоковницы впитывает в себя ночную влагу.

Что-то твердое впивалось ему в спину. Он приподнялся. Да, конечно, это один из корней огромного дерева. Они толстыми змеями извиваются вокруг ствола и только на расстоянии в несколько метров уходят отростками в землю. Придется помириться с этим добавочным неудобством. Он улегся снова и решил попытаться уснуть. Ничего не получалось: давал о себе знать пустой желудок и ныли застывшие, промокшие ноги.

Если бы можно было занять голову чемнибудь другим, тогда усталость взяла бы свое. Надо направить мысли в другую сторону, уговаривал он себя. И он стал думать о жене, которая умерла год назад. Но чувства его словно одеревенели, даже привычная тоска по ушедшей подруге жизни не приходила.

Он помнил, что в кармане пиджака лежит у него талон на пособие по безработице. Скоро ли день получки? Можно будет хоть наесться вволю... Неужели он так и не найдет хоть какого-нибудь заработка... Нет, это не просто, когда тебе за сорок, да и наняться некуда. Мысли словно разбегались кругами, потом упорно возвращались все к тому же — к голоду, сырости, холоду... Он попробовал отвлечься от этого, но тут усилилась боль в спине, корень смоковницы попался, как на зло, особенно жесткий.

Вокруг него спали люди, но это воспринималось как-то смутно, словно в тумане. Слух не улавливал храпа и сонного бормотания. Но вокруг были живые люди, и они умели как-то забыться. Только он один лежал без сна.

Внезапно Джонсон подумал о сложенной вчетверо десятишиллинговой бумажке, которую все так же держал в кулаке. Он развернул ее и поднес к глазам. В темноте ее нельзя было разглядеть, но теперь она, как магнит, притягивала его мысли. Захотелось припомнить во всех подробностях, как оказались у него эти деньги.

На бирже безработных он собрал... да, точно, он собрал четыре шиллинга и три пенса, все больше мелкой монетой: шестипенсовиками, трехпенсовиками, пенсами. Некоторые из жертвователей отдавали последнее, он очень хорошо знал это. В эти дни многие безработные, пожалуй, ведут себя сознательнее, чем те, кто имеет работу. С биржи безработных он направился в обход по пивнушкам, это заняло весь субботний день. Там издавна собирались его приятели осушить стаканчик — ребята передовые, сочувствующие. В той же мелкой монете он собрал еще четыре шиллинга и десять пенсов. Ребята предложили ему угоститься пивом за их счет, но он никогда не любил этого и отдал за кружку пять пенсов. Это было все, что оставалось у него из собственных денег.

Теперь, лежа под деревом, он на все лады обдумывал, должен ли был истратить эти пять пенсов. Прежде он всегда был охоч до пива. Но на этот раз, убеждал он себя, он не отказался от пива только потому, что рассчитывал собрать среди ребят побольше пожертвований. Как тут отказаться выпить с людьми? И вот теперь он остался без единого пенса в кармане... Он чуть не выругался вслух в темноте.

Когда пивные закрылись, он отправился в Редфери к старику Нику, сапожнику, — авось, и тот пожертвует какую-либо малость. Ник сидел в своей крохотной мастерской, держа в руках сапожную колодку. Он долго колебался, потом сказал:

— Дела плохи и у меня. Мало заказчиков. Люди сами чинят сейчас обувь. Я понимаю, я готов помочь, но... Веришь ли, это все, что у меня есть, — десятишиллинговая бумажка.

Ник вынул из верхнего кармана своего кожаного передника банковый билет и расправил его на черной, мозолистой ладони.

Джонсон улыбнулся в темноте, вспомнив о том, что́ он предложил сделать старому сапожнику.

— Вот что, Ник. Я собрал девять шиллингов и один пенс. — Он высыпал на прилавок кучу монет, отодвинув в сторону старый башмак и обрезки кожи. — Теперь гляди, Ник. Давай свою бумажку. Сделаем честный обмен. Получай сдачу, а с тебя, значит, я беру одиннадцать пенсов. На доброе дело. Деньги нужны до зарезу.

Старый Ник охотно согласился на такую сделку, и они принялись толковать о политике.

Выходя из мастерской, Джонсон вспомнил, что собирался еще заглянуть к старому другу,

жившему в Ньютауне. Он и у него рассчитывал получить несколько пенсов. Но, когда он добрался до друга, тот предупредил его веселым возгласом:

— Денег ни гроша, Джонно! Но зато ты можешь у нас поесть, а потом ложись на кушетку и поспи.

Подкрепившись, они до полуночи играли с приятелем в подкидного дурака. Немного освеженный сном, Джонсон ранним утром двинулся обратно в Сидней: в полдень в парке был назначен митинг безработных. Он вспомнил с удовольствием, что народу пришло очень много...

Сейчас он опять в парке, под тем самым деревом, где выступали ораторы. Прежние мысли стали слетаться из темноты — голод, сырость, ломота в спине...

Джонсон аккуратно сложил вчетверо бумажку в десять шиллингов и снова зажал ее в кулаке. Вдруг, словно подброшенный пружиной, он вскочил на ноги. С него, шурша, осыпалась газетная бумага. Шагая через неподвижные тела спящих, он выбрался из рощи и зашагал по лужайкам к городу.

Снова роса холодила ноги. Остро болело правое колено, ныл позвоночник. «Опять ревматизм разыгрался»,— подумал он смутно. Добравшись до Хантер-стрит, он побрел вниз по спуску, потом безотчетно свернул налево, на Питт-стрит. Он шел без цели, просто так, глубоко засунув руки в карманы пальто. Где-то далеко пробило час ночи.

Ноги довели его до освещенной витрины гастрономического магазина. Он остановился. Окорока. Цепи колбас и сосисок. Копченая рыба. Толстые куски бекона... Рот у него наполнился слюной, он провел языком по пересохшим губам. Со вчерашнего вечера у него не было ни куска во рту... Не отрывая глаз от витрины, он принялся мысленно сочинять меню: сначала сосиски с картофельным пюре под соусом, потом яичница с ветчиной, потом...

Том Джонсон с усилием оторвался от витрины и побрел дальше. Сворачивая на Мартин-плэйс, он пошатнулся от сильного порыва ветра, дувшего с холмов. Поеживаясь, пересек площадь и спрятался за колонну у входа в почтамт. Мимо протарахтел трамвай. Медленными шагами приближался полицейский, он подозрительно оглядел Джонсона. Тот отделился от колонны и двинулся вверх по Питт-стрит.

На пути попалась табачная лавка. Как хорошо, что он бросил курить еще в прошлом году, теперь было бы невмоготу глядеть на табак и сигареты... Он почувствовал, что едва держится на ногах, слабость разливалась по всему телу. Только бы выспаться, тогда и пустой желудок и резкий ветер — все было бы нипочем...

Теперь он стоял у витрины мебельного магазина. Почти всю витрину занимал спальный гарнитур красного дерева. Он молча разглядывал мягкие подушки, толстый пуховый матрас, одеяло из шелка, просвечивающее сквозь кружевное покрывало. На мгновение он представил себя спящим на этой роскошной кровати. Вот поднялся бы шум утром, если бы он выломал стекло, улегся в пуховики и укрылся одеялом! Резкий смех вырвался из его груди и затихающим эхом отозвался в пустой улице. Он опомнился и быстрыми шагами двинулся дальше.

Десятишиллинговая бумажка мирно покоилась в его кулаке. Мысли снова и снова возвращались к ней... За шиллинг можно получить койку в ночлежке Армии спасения. В конце концов он скажет, что собрал только девять шиллингов... Том яростно гнал эту мысль, но ноги сами шли в каком-то известном им направлении. Он очутился у входа в старый, обшарпанный дом. Слабая полоска света падала на тротуар через полузакрытую дверь.

Койку за шиллинг... Никто не узнает... Выспаться. Только выспаться...

В прихожей сидел за высокой конторкой седовласый человек в форме Армии спасения и что-то вписывал в огромную конторскую книгу. Том подошел к конторке и осторожно кашлянул.

— Да? — поднял на него глаза седовласый смотритель.

— Я хотел бы... какую-нибудь скамью на ночь.

— Кажется, освободилась одна койка в большой спальной. Подождите, я схожу посмотрю.

Человек из Армии спасения вышел.

Джонсон двумя прыжками очутился у камина, в котором трепетало яркое, веселое пламя. Он протянул к огню руки. Кровь быстрее побежала по жилам. Он почувствовал, что согревается. Только ноги до колен коченели по-прежнему. Он поставил на каминную решетку сначала одну ногу, потом другую. От мокрых башмаков поднялся легкий пар.

— Есть свободная койка,— услышал он голос вернувшегося смотрителя.— Это будет стоить один шиллинг.

Джонсон обернулся и нерешительно протянул десятишиллинговую бумажку. Смотритель отсчитал девять шиллингов сдачи. Джонсон подержал мелочь несколько секунд на ладони, потом высыпал в карман пальто.

— Я сначала отогреюсь немного, если не имеете ничего против, — сказал он.

— Как хотите, — рассеянно ответил старик и уткнулся в свою конторскую книгу.

Том подвинул поближе к огню деревянный стул, воровато оглянулся на человека за конторкой и стал расшнуровывать левый ботинок. Разувшись, он поставил башмаки на приступку камина. Потом стянул чулки, они промокли насквозь. Снова поднялся пар, и обувь начала высыхать. Джонсон внимательно осмотрел дыру в подошве, потом принялся массировать левое колено.

Старик выглянул из-за конторки и протянул плачущим голосом:

— Ну, зачем вы разуваетесь в конторе? Это запрещено.

Джонсон пробормотал что-то в оправдание и поспешно стал натягивать чулки и ботинки. Сырость снова иглами прошла по телу и крепко вцепилась в сердце. Спать. Больше ничего не надо — только спать! Голова у него клонится на грудь, глаза слипаются. Он приподнялся на стуле, чтобы идти на свою койку. Но вдруг рывком вскочил на ноги.

«Люди жертвовали деньги, — вихрем пронеслось у него в голове, — отдавали последний грош, а он... Шиллинг... Шиллинга уже не хватает. Он отдал его за койку...»

Джонсон стоял возле конторки.

— Я передумал, — хрипло пробормотал он. — Мне не надо койки.

Человек в сединах в недоумении уставился на него, потом усмехнулся.

— Как вам будет угодно, — сказал он вежливо. Вынув из конторки сетчатую проволочную корзиночку, он достал шиллинговую монету и передал ее Джонсону.

— Я хотел бы получить обратно мою бумажку в десять шиллингов, — сбивчиво заговорил тот и вытащил из кармана пальто мелочь.

Смотритель пожал плечами, отыскал банкноту и бросил ее на край конторки. Джонсон взял ее, аккуратно сложил и двинулся было к двери, но остановился, глядя вполоборота на старика.

— Миски супа не найдется? — спросил он.

— Супа нет, очень сожалею. Суп бесплатно только с восьми утра.

Выйдя на улицу, Джонсон долго стоял неподвижно. Идти было некуда, но он пошел, ступая почему-то осторожно и стараясь не сбиться с ноги. Вот главный вокзал. Начался сильный дождь. Разбрызгивая лужи, промчалось такси. Джонсон побрел под железнодорожный мост, там можно было переждать непогоду. Кружилась голова, тошнота подступала к горлу, он бессильно прислонился к каменной стене. Из темноты выступила женская фигура.

— Пойдем, парень? — прокаркала женщина простуженным голосом.

Джонсон качнулся, как пьяный. Женщина двоилась и расплывалась в его глазах.

— Ты совсем болен! — вскрикнула она.

Джонсон не ответил. Она отступила назад и исчезла в темноте. Невероятным усилием воли справившись со слабостью, Джонсон пошел в противоположном направлении. Ничего не видя, он плутал между темными пристанционными зданиями, пока до обоняния его не донесся запах жареного. Он стоял у входа в ресторан. «Обед из трех блюд — шиллинг и шесть пенсов», — прочел он на бумажке, прикрепленной к дверной притолоке.

Еще не зная, решился он или нет, Джонсон вошел в кафе и сел за столик у самой двери. Он дышал прерывисто, челюсти выбивали дробь. Он взял со стола карточку с меню и поднес к глазам. Суп с томатами. Жареная баранина... Нет, бифштекс с фасолевым соусом... Или, может быть, солонина с капустой... И горячий пудинг...

Голод сжимал горло стальными пальцами. Но ведь надо же человеку поесть! Всего только шиллинг и шесть пенсов. Я им скажу — только один и шесть... Он качнулся вперед и уронил голову на стол.

Подошедший официант наклонился над Джонсоном.

— Вам нездоровится?

Том не подымал головы. Тогда из-за стойки вышел жирный человек.

— Пьяным мы не подаем! — крикнул он грубо.

Джонсон посмотрел на него, раскрыл рот, но не смог произнести ни слова. Оба — официант и хозяин — двоились и прыгали у него в глазах. Немногие посетители беспокойно наблюдали всю сцену.

— Я не пьян, — выговорил наконец Джонсон. — Я немного устал, вот и все.

Жирный ресторатор несколько понизил тон:

— Тогда заказывайте, пожалуйста. Только не кладите голову на стол.

Но Джонсон уже поднимался из-за стола.

— Ничего мне не надо, — сказал он слабым голосом, оттолкнул стул и, стараясь не споткнуться, направился к двери.

Странное дело: ступив на тротуар, он вдруг почувствовал себя лучше. Еще крепче сжал в кулаке свою бумажку в десять шиллингов. «К черту, — думал он, шагая все тверже, — никаких обедов!»

Почему все-таки он ушел из ресторана, не заказав ничего? Боялся, что придется разменять десять шиллингов? Или его возмутила

грубость ресторатора? Мысль все цеплялась за этот вопрос, но он никак не мог уловить то главное, что в нем содержалось. Потом голод снова захлестнул его тугой петлей.

Том Джонсон шагал и шагал, потеряв всякое представление о времени. Ревматизм настойчиво глодал колени и позвоночник, башмаки на ногах казались пудовыми. Теперь уже все тело пронизывала назойливая сырость. Дойдя до собора св. Марии, он решил пересечь площадь. Фары автомашины вдруг вспыхнули перед его глазами, он оступился и упал на четвереньки в грязь мостовой.

Водитель такси резко затормозил: он проскочил мимо упавшего Джонсона в каких-нибудь двух футах.

— Гляди, где ходишь! — закричал шофер, повторяя слова, которые Джонсон где-то уже слышал.

Он поднялся, не отвечая, отряхнул грязную воду с пальто и пошел дальше. Едва передвигая ноги, Том добрался туда, откуда ушел,— в парк, только с противоположной стороны. К удивлению, он сразу нашел незанятую скамейку, с наслаждением растянулся на ней, но не смог даже смежить глаз: пустой желудок сводило острыми судорогами. В конце концов он забылся тревожным сном и проснулся на заре, одеревеневший от холода.

С трудом спустив ноги со скамьи, едва пересиливая боль в спине, Том Джонсон поплелся в город. Возле благотворительной кухни Армии спасения он стал в длинную очередь и дождался миски жидкого тепловатого супа. Он проглотил его в несколько мгновений, не почувствовав вкуса.

Потом он еще долго тащился по просыпавшимся улицам. Возле универмага Антони Хордека на Джордж-стрит силы опять оставили его. Он присел на скамейку у автобусной остановки.

Всходило бледное солнце, оно и хотело бы согреть кости Джонсона, но, видно, было не в силах. Отдохнув, Том развернул десятишиллинговую бумажку, внимательно осмотрел, сложил снова и на этот раз сунул в карман.

Теперь он шагал быстрее, словно подгоняя себя. Наконец он добрался до места. Войдя в парадное ободранного трехэтажного дома, стал подниматься по темной узкой лестнице на верхний этаж. На слабо освещенной площадке он отдышался, постучал в некрашеную дверь.

— Войдите! — откликнулся чей-то голос.

Джонсон нажал дверную ручку и вошел. Комната была тесная и пыльная. Со стен ползли грязные потеки, штукатурка во многих местах отвалилась, обнажив серые доски. Два старых кресла и стол составляли всю меблировку. Через немытые стекла окна пробивался скупой дневной свет.

За столом сидел человек. Он не взглянул на Джонсона, когда тот вошел. Возраст человека было трудно определить, но, во всяком случае, ему было немногим больше тридцати. На нем была старая синяя матросская куртка со слегка обтертыми обшлагами рукавов. Он носил галстук, воротничок рубашки скрепляла старомодная дешевая цепочка. Черные волосы были тщательно приглажены. Склонившись над столом, он быстро писал что-то дешевым автоматическим пером, изредка шевеля губами, словно пробуя написанное на вкус.

Стол был завален газетами, исписанными полосками бумаги, типографскими гранками. Со стены из узенькой рамки смотрело на все это с отеческой добротой бородатое лицо Маркса. У окна на гвозде висела подшивка газеты «Уоркерс уикли».

Человек перестал писать и поднял глаза на Джонсона.

— О, хэлло, Джонно! — сказал он.

— ...лло, Лэнс! — ответил Джонсон. Он тяжело опустился в кресло. Расшатанные ножки жалобно заскрипели.

— В субботу я собирал деньги для партии, Лэнс, — сказал Том.

— И много собрал?

— Набрал полфунта. — У Джонсона был вид ребенка, ждущего похвалы от взрослых.

Лэнс улыбнулся.

— Полфунта! Это — целое состояние по нынешним временам. Как это тебе удалось? Ограбил банк?

— Нет. Это получилось так. Я передал продажу газет другому товарищу, а сам уж целиком занялся сбором. Делать и то и другое вместе не годится. Раз уж рабочий купил газету, то что с него еще возьмешь, правда ведь?.. Так вот, четыре и три я собрал на бирже безработных. А четыре и десять — у ребят по пивнушкам. Остальные одиннадцать пенсов дал мне старый Ник, знаешь его — сапожник из Редферна.

Лэнс внимательно глядел на Джонсона и слушал, опершись одной рукой на ручку кресла, другую положив на край стола.

— Это здорово, Джонно, — сказал он наконец, и в голосе его послышалось неподдельное уважение. — В такое время только человек с твердыми убеждениями может собрать столько денег. Нужда у партии крайняя, а работа не ждет. Живем на пожертвования. Ну, теперь мы с тобой таких дел наделаем на эти десять шиллингов!

Дрожащей рукой Джонсон протянул ему десятишиллинговую бумажку. Лэнс бережно положил ее в круглую консервную банку, стоявшую на столе. Джонсон стал рассказывать, какой обмен у них получился с сапожником Ником: он отдал старику мелочь, а тот ему вот эту самую бумажку...

Лэнс снова улыбнулся.

— Честный обмен, а? — сказал он. — Этот Ник — хороший малый, первый сорт.

Он выдвинул ящик стола, достал оттуда фотографию и показал Джонсону.

— Вот послушай, как мы распорядимся этими десятью шиллингами. На фотографии снята демонстрация безработных — та, что была на прошлой неделе. Вот тут видно, как на демонстрантов напала полиция... Возьми-ка снимок и снеси его в типографию, пусть изготовят клише. Мы задолжали владельцу, и он больше не делает для нас ничего в кредит. Так что прихвати с собой и эти десять шиллингов. Когда хозяин понюхает кредитку, он все-таки соорудит нам клише. А мы его тиснем в нашей газете на будущей неделе!

Песня

Леонид ШКАВРО

Памяти Сергея Алымова

У Волочаевских редутов,
Тревожа утреннюю рань,
Кружась, взлетают ветры круто
Над высотой Июнь-Корань.

И ходит песня на просторе,
И рота движется вдали,—
То по долинам и по взгорьям
Солдаты песню понесли.

И рыбакам в открытом море
Идти с ней легче сквозь туман.
Вновь «...по долинам и по
взгорьям...»
Услышал Тихий океан!

С ней даже сердце молодеет,
Дороги зримее во мгле...
Как хорошо, что не стареют
Такие песни на земле!

Хабаровск.

Джонсон взял фотографию и десятишиллинговую бумажку. Фотографию он бережно уложил во внутренний карман пальто.

— Да, постой-ка, Джонно! — воскликнул Лэнс. — Ты не можешь купить мне на обратном пути горячий пирожок? А то желудок у меня начинает думать, что пищевод перевязан веревкой.

Лэнс вынул из нагрудного кармана шестипенсовую монету и отдал ее Джонсону. Не успел тот дойти до двери, как Лэнс снова окликнул его:

— А как же ты сам?

— Я, Лэнс, проглотил бы бегемота, пусть бы только его притащили сюда.

— Так. Тогда купи пирожок и для себя, смотри только, чтобы его хорошенько обмакнули в масло.

Джонсон прикрыл за собой дверь, а Лэнс долго смотрел ему вслед.

«Верный, убежденный товарищ,— думал он.—Просто удивительно, как он еще держится на ногах! Помирает от голода, спит на улице — и ни слова жалобы. Надо бы заняться им поближе, хоть чем-нибудь помочь...»

А Том Джонсон, человек твердых убеждений, как назвал его Лэнс, шагал в это время по веселым и шумным улицам. Он шел навстречу солнцу. Спина его распрямилась, голова поднялась выше, он перестал спотыкаться. Он шел быстро, размахивая руками, и, кажется, забыл о мокрых ногах и пустом желудке.

В кулаке у него была крепко зажата десятишиллинговая бумажка.

* * *

Эту историю, взятую из подлинной жизни, поведал мне много лет назад Лэнс Шарки. Коммунистическая партия Австралии и сейчас нередко испытывает финансовые трудности и справляется с ними благодаря поддержке рабочих. Это и побудило автора написать рассказ, основанный на давних фактах, относящихся к кризису 30-х годов. Разумеется, герой нарисован заново, да и самые события прошли через горнило писательского воображения. Но такие дела, как известно, случаются и сейчас. И потом, почему не вспомнить время от времени наше собственное прошлое и те полезные уроки, которые оно нам оставило?

Перевел с английского Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

Ю. Пименов. РАЙОН ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ.

Выставка «Москва социалистическая».

Г. Сатель. МОСКВА-КАЛАНЧЕВСКАЯ.

Выставка «Москва социалистическая».

Группа экскурсантов уходит в катакомбы.

Это было в Одессе...

И. ИРОШНИКОВА

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

«Партизаны обосновались в катакомбах, разветвленная сеть которых длиною около ста километров не имеет себе равных в Европе.

Бунтовщики, годами жившие под землей без света и солнца, в своем славянском фанатизме обрекали себя на тяжелые физические страдания».

Курт Типпельскирх.
«История второй мировой войны».

— А теперь погасите свечи, — говорит экскурсовод.

Гаснут свечи, и нас обступает непроглядная тьма. Мы находимся в знаменитых Одесских катакомбах. Мы — это сборная экскурсия из москвичей, ленинградцев, донбассовцев, отдыхающих на морском берегу.

Местные жители представлены двумя темноглазыми девочками в коричневых школьных платьях. Белые фартучки — я видела это — они сняли у входа в катакомбы и завернули в газету.

Мы уже знаем, что Одесские катакомбы «безмолвно участвовали всегда в революционном движении Одессы». Так сказала нам экскурсовод Мария Филипповна.

Здесь, под землей, хранились когда-то пачки ленинской «Искры» — первой русской нелегальной марксистской газеты.

Как известно, «Искра» печаталась за границей. Черным морем, через Одесский порт, ее доставляли в Россию.

В катакомбах одесские большевики хранили оружие, готовясь к восстанию в 1905 году.

Во время белогвардейщины, в 1918 году, в катакомбах скрывался Одесский ревком. Работала типография. Выходила газета «Коммунист».

Во времена же немецко-румынской оккупации под землей затаилась не сдавшаяся врагу партизанская Одесса.

Глаз никак не может привыкнуть к плотной, густой темноте, начисто поглотившей силуэты людей. А экскурсовод не дает команды зажигать свечи.

— Вы что-нибудь слышите? — спрашивает нас невидимая во тьме Мария Филипповна. — Что вы слышите?

Мы вслушиваемся в ровный, несильный, несмолкающий шум.

— Это море? Прибой?

— Нет, прибоя отсюда не слышно,— возражает Мария Филипповна. — Это камень шумит вокруг нас — ракушечник. Он образовался из морских отложений на морском дне, и шум моря остался в нем. Знаете, как в раковинах...

По спокойным ее интонациям не угадаешь, шутит она или говорит серьезно.

Она умолкает, и мы молчим. Мы слушаем тишину, и тишина постепенно становится тягостной. Начинает тревожить этот шум, совсем непохожий — теперь мы чувствуем это — на шум морского прибоя. Нет, это, наверное, перемещаются где-то огромные массы земли... Возникает давящее ощущение обвала. Становится трудно дышать. Лицо покрывается испариной. Неужели на поверхности день? И светит солнце? И пахнет степью, полынью, морем?

— А теперь попробуйте представить себе, — говорит Мария Филипповна, — что каждый из вас находится в катакомбах не с экскурсией, что вы партизан. Вы несете вахту...

Голос ее меняется, звучит приглушенно.

— Вы стоите один и, напрягая зрение, вглядываетесь в эту абсолютно непроглядную тьму. При вас электрический фонарик, но включить его вы имеете право только в случае непосредственной опасности. Вы напрягаете слух, но слышите только лишь этот шум, и вам начинает казаться, что шум этот заглушает шорохи, что кто-то крадется в темноте...

Мой сосед, не выдержав, чиркает спичкой. Взгляды всех с облегчением устремляются к слабому, дрожащему огоньку.

— Можете зажечь свечи,— разрешает экскурсовод.

Неверными пальцами мы зажигаем свечи. Зыбкие тени скользят по нависшим над нами глыбам...

Мы молчим. Нам не хочется больше ни спрашивать, ни говорить. Что-то очень большое владеет нами...

— Люди шли сюда не по повесткам военкомата, — словно чувствуя наше состояние, продолжает неторопливо Мария Филипповна,— шли добровольно. Шли те, кто предпочитал «умереть стоя, чем жить на коленях»...

Меня настораживает необычность ее интонаций. Кажется, что это не только речь добросовестного, осведомленного экскурсовода, а рассказ о пережитом. Кто же она, Мария Филипповна?

Я тихонько спрашиваю об этом у девочек. Они отвечают дружным шепотом:

— Так она сама была в партизанском отряде имени Сталина, а теперь работает в молодежной газете. И пишет книгу. Она у нас в школе читала главу про знамя. Может, слышали: знамя на Успенском соборе при оккупантах в Октябрьскую годовщину? Фамилия? А разве мы не сказали? Винницкая, Мария Винницкая...

Какие неожиданные повороты случаются в жизни! Марию Винницкую из отряда имени Сталина я безуспешно разыскивала вскоре после освобождения Одессы, чтобы написать о ее молодежной подпольной группе.

Я познакомилась тогда с руководителями партизанского отряда имени Сталина: Дроздовым, Овчаренко, Мефтодовским.

Они рассказывали мне о Марии и о других; о том, как создавался и действовал этот отряд.

Мы ходили с ними по тенистым одесским улицам, по не остывшим еще руинам, по следам недавних партизанских сражений, спускались в катакомбы. Но Марии, ради которой я приехала, не было в городе. И мне казалось, что для рассказа об этом отряде у меня не хватает существенного звена. Я надеялась еще раз приехать в Одессу, чтобы повидать Марию. И вот теперь, через много лет...

После экскурсии мы сидим с Марией Филипповной на бульваре, над морем.

Терпко пахнет влажной листвой. Темная от недавно прошедших дождей земля усыпана розоватым облетающим цветом каштанов. Мимо нас по аллеям с цветами в руках задумчиво ходят обнявшись школьницы-выпускницы. Притихшие от смутного сожаления о том, что уже проходит, тревожимые неясным еще предчувствием будущего, они тихонько, почти без слов напевают что-то.

— Мы любили когда-то порассуждать о природе смелости, — задумчиво глядя на девушек, говорит Мария Филипповна, — о природе героического и подвига. Затевали в общежитии страстные споры. Спорили горячо, а в общем, отвлеченно и умозрительно. Но вот однажды, таким же июньским днем сорок первого года...

Впрочем, нет. Об этом попозже. Рассказ об отряде имени Сталина я хочу начать по порядку, с давних времен, с моих первых встреч.

М. Ф. Винницкая.

ИНЖЕНЕР-МОНТАЖНИК ДРОЗДОВ

«...По инициативе советских людей в разных концах Одессы и области стали стихийно возникать подпольные группы, которые вели борьбу с врагом...»

Надпись на стенде в Историческом музее Одессы.

О Дроздове, командире партизанского отряда, у меня сохранилась в блокноте такая запись:

«...У Дроздова мохнатые брови, карие, с прозеленью глаза. Он очень приветлив, прост и как-то внутренне открыт для людей. Роста он среднего. Худощав. Как будто не очень крепок на вид. В облике его ощущаешь степенную деловитость мастерового, рабочего человека и в то же время затаенную азартность натуры. Вдруг прорвется она шальною искоркою в глазах...»

— Может, с виду и непохоже,— рассказывал мне о Дроздове комиссар отряда Овчаренко, — но Степан исключительно находчив и смел. Никогда не терялся. Чем трудней обстановка, тем наш командир бодрее. То ли это самодисциплина такая, то ли это в характере у него...

Дроздов — коренной одессит. Работал слесарем на заводе. Без отрыва закончил институт. Получил направление в Крым, на судостроительный завод. Завод этот строился. Дроздову пришлось работать на монтаже.

Понравилось. Специализировался по монтажу. Строил заводы в Сибири, на Урале, на Дальнем Востоке. Жизнь монтажника — бродячая жизнь.

Война застала Дроздова в Западной Украине, в технических частях (он не был военнообязанным: кисть его левой руки была искалечена когда-то машиной).

Часть, где служил Дроздов, отходила на новые рубежи. Остановились у Белой Церкви. Степан Ильич получил разрешение съездить в Одессу за семьей.

До Одессы он добрался с трудом, выбраться же оттуда не смог. Наши войска уже оставляли город.

— Я и в мыслях не мог бы представить себе Одессу такой,— горестно вспоминал Степан Ильич.

Город был молчалив и безлюден. Пахло гарью. Хлопья пепла кружились в воздухе. Белели разбросанные повсюду листовки: «...Беспощадно расправляйтесь с немецко-румынскими захватчиками»... На улицах валялось оружие.

— Мы решили кое-что подобрать и припрятать, — говорил Дроздов. — Оккупанты уже входили в город, а мы со знакомыми хлопцами закапывали у меня в саду оружие.

Я спросила Дроздова, как создавался отряд. Он только пожал плечами:

— Стихийно как-то!

Что ж, может, это и верно, если только можно назвать стихийными чувства, столкнувшие, слившие воедино очень непохожие судьбы очень непохожих людей...

На афишных тумбах, трамвайных станциях, на стенках домов расклеено первое объявление оккупантов:

«Граждане города Одессы!

Советую вам не совершать недружелюбных актов по отношению к армии или чиновникам, которые будут управлять городом.

Выдавайте тех, которые имеют террористические, шпионские или саботажные задания, так же как и тех, кто скрывает оружие. Считаю своим долгом поставить вас об этом в известность... ежели кто-нибудь не соблюдет распоряжения... будет наказан расстрелом на месте.

Командующий армией корпусной генерал И. Якобич».

Вечером к Дроздову постучались живущие по соседству с ним монтажники из его бригады старики Шалягин, Карпов, Майко.

— Что будем делать, Степан?

Они знали Дроздова не первый десяток лет. Работали вместе с ним, под его началом. Верили ему.

— А я разве знал, что делать? — рассказывал мне Дроздов. — Настроение тяжелое. Связей никаких нет. Посоветоваться не с кем. А люди стали ко мне ходить. Надеются на меня и ожидают ответа.

Первое, что мы решили: скрывать специальность, не регистрироваться, не выходить на работу. Второе — подбирать надежных людей.

Откровенно сказать вам, на себя я тогда не надеялся. Я надеялся, что в городе оставлено подполье. Рассчитывал как-то связаться с ним. И помогать...

С. И. Дроздов.

БАДАЕВ

«Оставляя осенью 1941 г. Одессу, русские создали в городе надежное, преисполненное величайшего фанатизма партизанское ядро...»

Курт Типпельскирх.
«История второй мировой войны».

На пятые сутки после прихода оккупантов в Одессу взлетело на воздух многоэтажное здание, в котором разместилась комендатура.

Под его обломками нашли свою гибель многие из немецких и румынских военных чинов, в том числе генерал-комендант Одессы.

Казнить! За каждого погибшего при взрыве комендатуры офицера — двести жителей города. За солдата — сто. Так приказал Антонеску.

Ужасы Варфоломеевской ночи бледнеют перед тем, что происходило в Одессе в октябрьские дни сорок первого года.

Город был опоясан виселицами. Круговые виселицы воздвигались на площадях. Их не хватало. Трупы висели на деревьях, на трамвайных столбах, на протянутых между деревьями тросах.

К полудню следующего за взрывом дня счет был перекрыт, казни прекратились, но людей хватали по-прежнему. Тюрьмы были забиты «заложниками». Несколько дней спустя «заложников» загнали в пустые бараки на заставе Дальник, через шланги залили внутрь бараков бензин и подожгли...

Очевидцы рассказывают, что объятые пламенем люди в отчаянных попытках спастись появлялись на крышах, в окнах. Их расстреливали из автоматов.

Город замер. Ни души нигде. Ни дымка. Ни дыхания...

В сад к Дроздову вошли неожиданно трое.

— А жил я на Молдаванке, — рассказывал Дроздов. — Местность эта для наших целей была исключительно подходящая. Много скверов, а в степь — чуть подальше, — балки, овраги, ложбины, поросшие будяками развалины. Есть где укрыться. В доме помещался раньше польский костел. Немцы не очень разбирались: раньше или теперь... Спросят: «Церковь?» — и мимо.

В. А. Бадаев.

За оградой — сад. Мы собирались в саду. Поставили верстаки, набрали всякого инструмента. Если что, работаем! С улицы нас не видно, а из сада улица вся просматривается.

И как эти трое незаметно вошли? А я в ту минуту облаживал ящик для патронов, готовился в путь... Мы надумали уйти в Днестровские плавни, пробраться в лесистую местность, отыскать партизан.

Увидел я этих троих и замер. Ну, думаю, все! Конец! У меня в саду еще и оружие спрятано.

Вижу, один из них скосил глаза на патронный ящик и говорит: «Давай, помоги нам пройти в район Степовой. Чтоб без лишних встреч. Понятно?» И только! Как будто не видел ничего.

Вывел я их на Степовую. Ушли. Я к своим хлопцам. Рассказываю. Те говорят: «Степан, они провокаторы! Ночевать тебе дома никак нельзя».

А мне почему-то не верилось. Тот, что со мной разговаривал,— крепкий хлопец такой, похоже, мой однолеток. Типичный русак. Лицо простое, без затаенности. Ну, думаю, либо я в людях совершенно не разбираюсь, либо это все же наш человек. И не ошибся. Через несколько дней приходит ко мне он один и говорит в открытую: «Вот что, Дроздов. Не бойся, я человек советский. Оккупанты в Одессе — дело временное. Надо действовать. Подбирай небольшую группу. Связь буду с тобой держать». И фамилию свою сказал: Бадаев.

Как я обрадовался! Говорю своим хлопцам: никуда уходить не надо.

...Радиоприемник поставили у Дроздова на чердаке. Слушали сводки. Достали пишущую машинку. Спрятали в комнате за шкафом. Листовки печатала Люда, дочь Дроздова. Она до войны работала машинисткой. В каморке под лестницей открыли жестяную мастерскую. Получили патент, повесили вывеску: «Ремонт домашних вещей». Орудовал в мастерской «подручный» хозяина Карпов, пышноусый, почтенный старик.

Листовки из мастерской выносили в старых чайниках, в кошелках, под разной домашней утварью...

Сам Дроздов ходил по дворам жестянщиком: «Чиним, паяем, все починяем»...

Удивительно удобная для конспирации специальность! Сам на людях, у тебя всегда люди, и никаких подозрений.

Бадаев больше не появлялся. А в городе было неспокойно. Летели под откос отправлявшиеся на фронт эшелоны с войсками, с боеприпасами. Исчезали бесследно вражеские солдаты и офицеры...

Город полнился тревожными слухами. Говорили, что в катакомбах скрываются партизаны. Не зря же полиция разыскивает, замуровывает, минирует выходы из катакомб. Говорили, что бывшие резчики камня, уголовники «Кот» и «Король», уже указали властям четыреста выходов. По городу был расклеен приказ:

«...Все жители города и окрестностей обязаны... заявить в полицейские участки об известных им выходах из катакомб. Жильцы домов, где... будут обнаружены выходы из катакомб, о которых не сообщено в полицию, караются смертной казнью».

Бадаев больше не появлялся.

— Но я-то знал, — говорит Дроздов, — что подполье действует. И верил: раз ко мне приходил человек оттуда, придет еще. И я, признаюсь вам, кое-что в ту пору выдумывал людям, а попросту говоря, привирал. Говорил, что связь с подпольем у нас налажена постоянная, что есть своя рация и тому подобное. Дух старался поднять.

Вскоре стало известно, что сигуранца раскрыла оставленную в городе подпольную организацию, скрывавшуюся в катакомбах. Ру-

ководитель подпольщиков Бадаев был предан и схвачен на явке, на поверхности.

Люди, которым посчастливилось вырваться из сигуранцы, передавали, что Бадаев непоколебимо молчал под пытками и впервые заговорил, когда следователь, зачитав ему смертный приговор, предложил просить о помиловании.

— Я русский, — сказал на это Бадаев, — и на своей земле не собираюсь просить у врага пощады.

В июле сорок второго года в газете появилось сообщение оккупационных властей о расстреле группы советских партизан во главе с командиром их Бадаевым.

— Это сообщение меня по самому сердцу ударило, — говорил Дроздов. — Я понял: надеяться больше не на кого. А действовать надо!

«ОТ МЕТАЛЛОВА ПО КОММЕРЦИИ»...

«Партизанская война против немецких оккупационных войск превратилась повсеместно в гражданскую войну населения оккупированной территории. И поэтому указать точно, где проходил фронт, было невозможно».

Т. Пфефер «Немцы и другие народы». Сборник статей «Итоги второй мировой войны».

Когда Степан Ильич рассказывал мне, как собирались силы, сколачивался отряд, я все думала: по каким приметам в те жестокие дни люди почти безошибочно угадывали друг друга?

Может, были слова, звучавшие как пароль? Может, что-то неуловимое в человеческом облике?

Вот, например, как повстречался с Дроздовым ныне покойный Владимир Иванович Мефтодовский, руководивший всей агитационной работой отряда. У Мефтодовского кличка была «Металлов». Пароль для связи: «От Металлова по коммерции»...

— Кличка выбрана была не случайно, — объяснял мне Владимир Иванович. — Она соответствовала действительности. Много во мне металла засело, осколков.

Владимир Иванович был похож на молдаванина. Статный, чернобровый, с неожиданно голубыми глазами на смуглом худощавом лице.

Партийный работник в прошлом, он был ранен в бою под Жмеринкой. Очнулся на захваченной врагом территории. Его подобрали, приютили, укрыли жители.

Врач из местной больницы, лечивший его, сказал: «Черепное ранение. Не скрою, тяжелое. Нужно извлечь осколки и медлить с этим нельзя. Но я не хирург. Попытайтесь добраться до Одессы. Есть у меня в Одессе приятель. Он поможет вам».

С поддельными документами Мефтодовский добрался до Одессы. Приятели жмеринского врача устроили его в хирургическую клинику.

Перед операцией сделали рентгеновский снимок. Профессор-хирург, рассматривая снимок, развел руками:

— Невероятный случай! Если верить науке, при таком ранении человек давно уже должен быть мертв!

Едва оправившись от операции (извлечь удалось не все осколки), Владимир Иванович потянулся к газетам.

Страницы одесских газет пестрели распоряжениями оккупационных властей, сообщениями военно-полевого суда.

«...Линотипистка газеты «Молва» К. А. была приговорена к трем годам тюрьмы за то, что, составляя статьи на машине «линотип», употребляла умышленно во многих случаях другие буквы вместо действительных... сообщая таким образом другой смысл фразам, в которых выражалось теперь недоверие к немцам и к деятельности румынских властей», — читал Владимир Иванович.

В. И. Мефтодовский.

«...Особый суд Николаева приговорил женщину В. Валей из Владимировки к смертной казни, а ее несовершеннолетнюю дочку — к четырем годам тюремного заключения за то, что они не сдали огнестрельного оружия...»

— «Несовершеннолетнюю дочку»... — повторял Мефтодовский. — Каты!

По ночам ему снилась женщина В. Валей. Он никогда не встречался с нею, но лицо ее мучительно напоминало ему во сне кого-то из близких.

Жажда действия томила Мефтодовского. Люди борются даже в одиночку, используя малейшую возможность сопротивления.

Несмотря на строгий запрет врача, превозмогая режущую боль в голове, он, таясь ото всех, по ночам заново учился ходить.

Мефтодовский присматривался к медперсоналу. За долгие годы работы с людьми он привык доверять своей интуиции больше, чем анкетным данным.

Старшая сестра вызывала его доверие, и Владимир Иванович спросил ее напрямик:

— Можем мы положиться на вас, если будет нужно?

Кто «мы» — этого он еще не знал.

Мефтодовский присматривался к медперсоналу, а кто-то в клинике присматривался к самому Мефтодовскому. Однажды под вечер старшая сестра, вызвав его в коридор, отдала ему документы и сказала при этом, что из клиники Владимир Иванович должен немедленно исчезнуть.

Она вывела его черным ходом во двор, принесла пальто с вешалки — остальные вещи были заперты в кладовой. И вот, еще не очень крепко держась на ногах, Мефтодовский очутился на безлюдных в этот вечерний час одесских улицах. Полосатые больничные брюки нелепо болтались из-под пальто. Куда податься?

На Молдаванке жила его двоюродная сестра, Мефтодовская Нила, единственный близкий ему человек в Одессе. Но и ее он не видел несколько лет. Помнил озорной рыжеволосой девчонкой. Здесь ли она? Может, ей посчастливилось выехать? Силы свои Владимир Иванович оценивал трезво: до Молдаванки он еще кое-как доберется. Но что, если Нилы не окажется в городе?

Темнело. Приближался комендантский запретный час. Вдруг, возникнув из темноты, на тротуаре появился немецкий патруль.

Переждав в подворотне, пока стихнут шаги солдат, Мефтодовский направился на Молдаванку. Он говорил потом:

— Не могу и представить себе, что бы было со мной, если б Нилы не оказалось в городе. Кроме всего другого, я физически был отвратительно слаб еще. Еле держался на ногах. Мог свалиться не то что от ветра — от воздуха. Сырость ли, ветер ли, дождь ли, туман — все вызывало тяжесть, острую боль в голове. Приступы...

В подвале у Нилиных друзей слушали сводки Информбюро. Нила с подружками перепечатывала сводки, листовки, распространяла их.

«Сидеть сложа руки и ждать чего-то, — писал Мефтодовский в листовках, — это значит ждать смерти. Грозной силой поднимемся против ненавистных захватчиков...»

Иногда он писал листовки стихами. Нет, он не был поэтом, хоть стихи всегда его волновали. Теперь же ему казалось, что в стихах гораздо сильнее он может выразить то, что жгло ему душу.

...Мы отомстим за наш
сожженный кров,
За кровь и смерть! За наш
очаг разбитый,
За всю траву, что вытопчут
бандиты,
Тяжелою валютою свинца...

О Дроздове Владимир Иванович впервые услышал от Нилы. Она собиралась связать их через дочку Дроздова Люду, с которой была знакома. Но Мефтодовский сам повстречался с Дроздовым. Вышло это случайно.

— Забрел я как-то под вечер в винный подвальчик, — рассказывал Владимир Иванович. — При румынах был у нас такой на Головковской. Пусто, полутемно. Хозяйка дремлет за стойкой. Коммерция, видно, слабая. Смотрю, в одном углу за столиком трое ведут оживленный разговор.

Взял я вина, присел за соседний столик, прислушиваюсь. О чем бы, вы думали, они говорят?

Глаза Мефтодовского смеются.

— О Есенине! Ей-богу! Стихи читают. А один из них все доказывает, что Есенин хоть и метался, а был патриотом Советской страны. И все напирает на то, что свои убеждения надо выстрадать.

Меня этот хлопец сразу привлек. Чем — не знаю. Я и лица его толком не разглядел. А что-то в нем было... То ли жест размашистый, сильный, то ли гордость какая-то в повороте головы. А может, его горячность.

— Как старый комсомольский трепач, — не без юмора замечает Мефтодовский, — я мог, конечно, тогда закатить о Есенине речугу, рассмотреть, как говорится, вопрос и «за» и «против». А я подошел к ним и попросту начал:

— Помните, как это у Есенина:
...Россия! Сердцу милый край,
Душа сжимается от боли...

Вижу, затихли, насторожились, слушают. Лиц не видно, только глаза в полутьме блестят. А строки эти я сам, не побоюсь сказать, выстрадал. Я их про себя повторял, когда, раненный, бродил по немецким тылам и видел, что творят фашистские изуверы на нашей земле.

Читаю дальше:

Немолчный топот, громкий стон,
Визжат тачанки и телеги.
Ужель я сплю и вижу сон,
Что с копьями со всех сторон
Нас окружают печенеги...

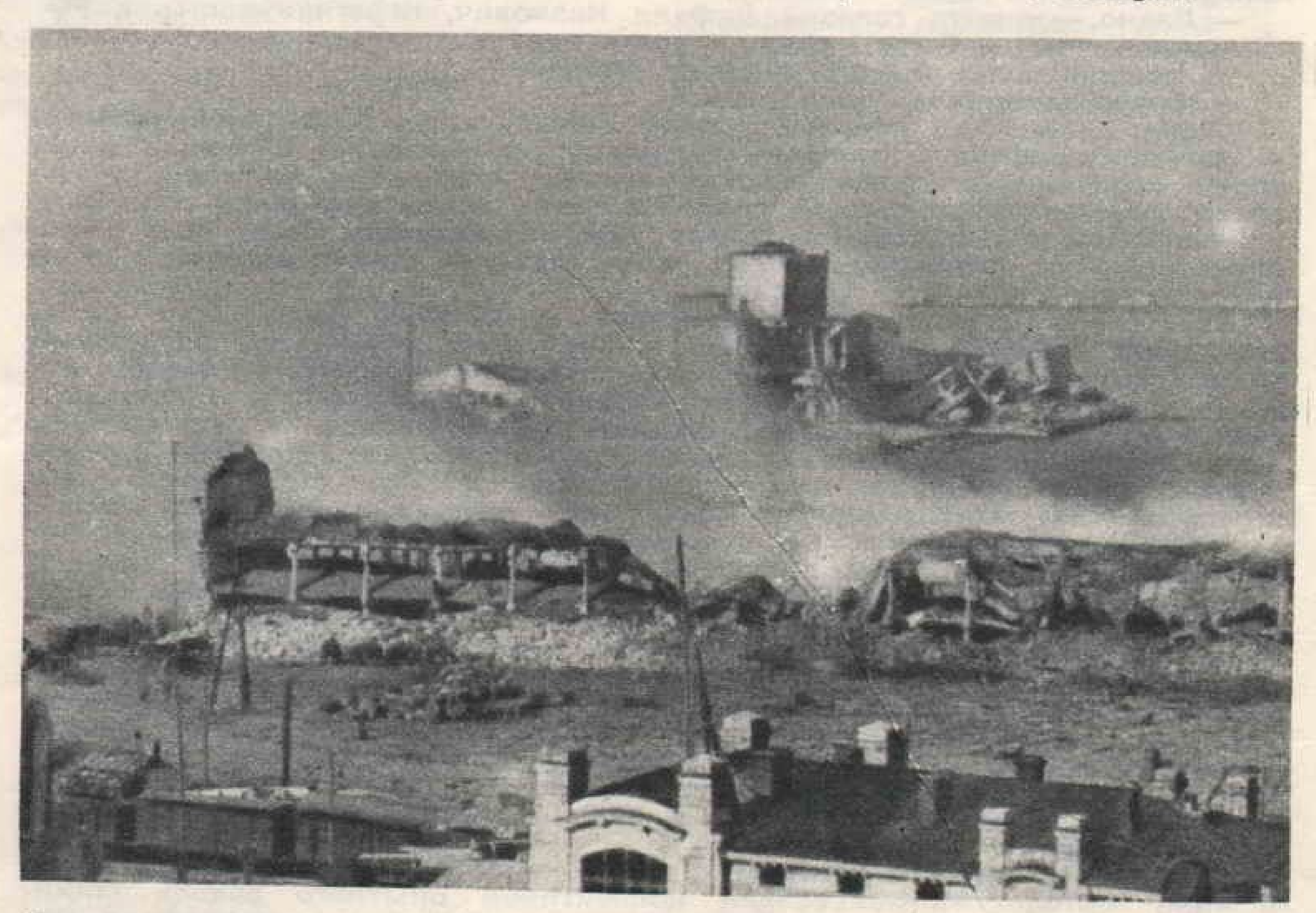
Как они прозвучали, эти слова, тогда! Верите, у самого холодок по спине пошел. И ребята, конечно, поняли. А хлопец этот, который оратор, табуретку ногой придвинул: садись, мол! Догадались, кто это был?

— Дроздов?

Мефтодовский кивает утвердительно головой.

— Так мы и сошлись с ним. На Есенине.

Продолжение следует.

Одесский порт в день освобождения города от фашистских оккупантов 10 апреля 1944 года.

Фото Дм. Бальтерманца.

Вертолет «МИ-6».

Погрузка автомашины в вертолет «МИ-6».

НА БОРТУ ВОЗДУШНОГО ЛАЙНЕРА

— Однако на таких требовательных пассажиров я не рассчитывал,— с улыбкой заметил нам инженер-летчик Рафаил Иванович Капрэлян,— солидный у вас багаж, увесистый.

Но мы были настойчивы:

— Помилуйте, ну что для вас какие-то полторы тонны? Сущие пустяки!

В самом деле, рядом с гигантским воздушным кораблем наша автомашина «Победа» выглядела крошечной. И сколь ни заманчивым представлялось нам участие в первом пассажирском рейсе нового вертолета, но очень уж не хотелось оставлять в Тушине автомобиль,— ведь возвращаться-то за ним с другого аэродрома придется пешком.

Из раскрытой двери кабины тем временем выгружали мешки с песком. В просторном, как зал, фюзеляже, они были сложены совсем неприметной кучкой. Только вчера с этим грузом новый вертолет «МИ-6» конструкции Михаила Леонтьевича Миля установил новый рекорд, значительно превышающий мировой рекорд майора Военно-Воздушных Сил США Р. Андерсона. Американский авиатор поднял на вертолете Сикорского S-56 6 тонн 10 килограммов на 2 000 метров, а Р. И. Капрэлян на «МИ-6» с грузом, превышающим 12 тонн, побывал на высоте 2 400 метров.

Пока мы беседовали с командиром корабля и заместителем главного конструктора Николаем Григорьевичем Русановичем, в Центральном аэроклубе имени Чкалова заседала спортивная комиссия. Она подготавливала сообщение о зарегистрированном рекорде в Международную авиационную федерацию — ФАИ. Разумеется, настроение у всех было праздничное.

— Ладно, — кивнул головой Рафаил Иванович, переглянувшись с Русановичем, — так и быть — грузите вашу карету.

И, повернувшись к бортинженеру, добавил:

— Федор Семенович, распорядись.

Федор Семенович Новиков нажал рычаг позади пилотской кабины, и тотчас бесшумно раскрылась овальная, похожая на огромное яйцо, корма воздушного корабля. Металлические створки разошлись, и на землю опустился наклонный трап. По нему легко вкатилась в кабину наша «Победа». Но даже и теперь внутри вертолета было еще очень просторно. Тут, пожалуй, не одну, а три машины можно поставить, если потребуется.

Заработали двигатели, все быстрее и быстрее закрутился пятилопастный несущий винт. Из окон кабины было видно, как воздушный вихрь, прочесывая желтую осеннюю траву, с корнем вырывает отдельные небольшие кустики. Еще несколько мгновений, и чувствуешь себя будто в лифте, плавно поднимающемся ввысь. К сожалению, на этот раз «потолок» ограничен тяжелыми облаками. Перейдя в горизонтальный полет, мы летим над окраинами Москвы столь низко, что видны не только пешеходы на шоссе, но и куры в деревенских дворах.

Первый пассажирский рейс нового вертолета непродолжителен. Через несколько минут мы снижаемся на другом аэродроме. И здесь в окружении ширококрылых «ИЛов» наш «МИ-6» поражает своими размерами: прямо-таки высотный дом!

Новый вертолет «МИ-6», снабженный двумя мощными турбовинтовыми двигателями конструкции Павла Александровича Соловьева, может перевозить одновременно 70—80 человек, совершать рейсы в далекие таежные и горные районы, опускаться там, где немыслима посадка самолета. Воздушный лайнер может продолжать полеты на одном двигателе, а в случае необходимости вертолет может и планировать с остановленными двигателями, причем несущий винт вращается от набегающего потока воздуха.

Самый большой по размерам, самый мощный по грузоподъемности в мире вертолет «МИ-6» создан коллективом опытного завода Министерства авиационной промышленности в подарок к сорокалетию Октября.

С. МЕСЯЦЕВ
Фото Е. Умнова.

Шестидюймовый экспонат

На зеленом островке, посреди покрытого асфальтом дворика Музея революции СССР, стоит пушка. Она хорошо видна всем, кто проходит мимо решетчатой ограды музея по улице Горького.

Это та самая пушка, что в ноябре 1917 года сделала из района Лефортова первые выстрелы по засевшим в Кремле юнкерам. Об этом напоминает короткая надпись, выбитая на медной табличке.

Как и когда попал этот экспонат в музей?

...Шел 1927 год. Страна готовилась к празднованию десятилетия Октября. Всем хотелось как можно лучше отметить знаменательную дату. Заволновались и работники музея.

Сотрудник музея, ныне член-корреспондент АН СССР Алексей Владимирович Ефимов предложил:

— Почему бы нам не извлечь из полуразрушенного дома у Никитских ворот деревянную балку, в которой застрял снаряд. Я живу рядышком и знаю: дом поврежден в ноябре 1917 года. Снаряд наверняка пристрелочный. Ударила красногвардейская пушка... Второй снаряд лег точно в цель...

«Ударила пушка» — эти слова почему-то произвели особенно большое впечатление на Зинаиду Алексеевну Прокофьеву. Она только пришла на работу в музей, и ей очень хотелось найти необычные экспонаты. Она просматривала рукописи, наводила справки по разным печатным источникам, внимательно читала рассказы и воспоминания об Октябре. И вот неожиданная подсказка: пушка, которая ударила по юнкерам, засевшим в Кремле. Но где ее искать?

Зинаида Алексеевна прежде всего отправилась к дому у Никитских ворот и выяснила, какого калибра снаряд, застрявший в балке. Он был шестидюймовым. Прокофьева связалась с военными товарищами и узнала, что именно такие пушки имеются на артиллерийском складе и поступили туда, согласно записям в учетных ведомостях, как раз с ноября по декабрь 1917 года. На складе ей показали... около двадцати орудий, и все шестидюймовые. Какое же из них послало первые снаряды по белякам в Кремле?

У каждой пушки свой номер. Но это, пожалуй, единственное различие. Во всем остальном они внешне совершенно одинаковые. Прокофьева осмотрела внимательно все орудия — нигде никаких пометок, памятных знаков. Обратилась за объяснением к начальнику склада. Увы! Он окончательно разочаровал:

— Зря стараетесь. К нам свезли орудия скопом, а где какое стреляло, только оно само и ведает.

Прокофьева не пожелала признать своего поражения. Она советовалась с военными людьми, связывалась с бывшими командирами красногвардейских отрядов. Ей подсказывали обходные пути. Раз имеются на пушках номера, значит, они непременно соответствуют номерам воинских формуляров, выданных орудийному расчету. Следовательно, начинать надо с розыска людей, а не пушки.

Прошло еще немало дней, пока Зинаида Алексеевна собрала необходимые сведения об артиллеристах — участниках штурма. Среди них был Владимир Демидов, в прошлом рабочий, электромонтер. В Лефортовском районе многие подтвердили:

— Демидов по приказу Благуше-Лефортовского ревкома раньше других затащил пушку во двор Андроньева монастыря и скомандовал расчету повернуть ее в сторону Кремля.

Прокофьева попросила Владимира Демидова опознать пушку. Вместе они отправились на артиллерийский склад, и еще издали бывалый солдат указал на свое орудие:

— Вот наша пушка. Третья слева...

Подошли поближе. Взглянули на номер, чтобы сличить.

— Так оно и есть, не ошибся,— сказал Демидов и вынул из кармана аккуратно сложенные листки чудом сохранившегося формуляра.— Если желаете, удостоверьтесь сами.

Номер в точности сошелся: С-16155.

Зинаида Алексеевна с удивлением посмотрела на артиллериста.

— Как же вы узнали свою пушку издали? Ведь она ничем не отличается от остальных. Чистейшие близнецы!

— Это у вас глаз не наметанный. Присмотритесь получше хотя бы к металлу ствола. Он вроде как светлее своих соседей. А почему? Тоже объясню. Заставлял я орудийный расчет чистить пушку до блеска. Привык ухаживать за ней.

В канун десятой годовщины Октября Демидов со своими друзьями-красногвардейцами взялся доставить пушку в музей. Они ее сами привезли, установили на отведенном месте. Потом достали захваченную с собой паклю, тряпки, смазку и начистили все части пушки так, что она снова засияла.

Л. ДАВЫДОВ
Фото Г. Санько.

Стихи не для детей

А. БАРТО

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

У папы яркий галстук,
Красивая рубашка.
— А ты откуда взялся! —
Обрадовался Сашка.

Вот на столе две чашки.
Отец в гостях у Сашки.
Сидит он с сыном рядом
И кормит шоколадом.

Но пробило восемь
На часах в столовой, —
Провожает гостя
Сын белоголовый.

Показалась встреча
Мальчику короткой,
И вздыхает тяжко
Огорченный Сашка.
И вздыхает кто-то
За перегородкой.

Вот папа взял фуражку,
И свой портфель, и трость.
Не понимает Сашка:
— Ты папа или гость!

Мама возражает

Сажали саженцы в саду.
Сынок сказал: — И я пойду!
Но мама крикнула:
— Нет, нет!
Нельзя! Ни в коем случае!
Ребенку только десять лет...
А саженцы колючие!

Не по дням, а по часам
Сын растет, мужает.
Хочет гвоздь забить он сам —
Мама возражает:

— Нет, ты лучше
в добрый час
Погуляй по саду.
Ты же слабенький у нас!
Родился в блокаду!

Стал сыночек привыкать
К маминым запретам,
Стал охотно отдыхать
И зимой и летом!

Мать признала наконец,
На сыночка глядя:
Сын — и вправду молодец!
Здоровенный дядя!
Краснощек он и здоров...
— Наколи, сыночек, дров!

Но в ответ раздался бас:
— Нет, я лучше сяду!
Я же слабенький у вас,
Родился в блокаду!

Гость

Отец приехал!
Он отныне
Решил заботиться
О сыне.
Он на углу в палатке
Купил две шоколадки,
Купил игрушку.
Все в порядке!

А пятилетний Сашка
Совсем не ждал отца,
Он распевал, как пташка,
Играя у крыльца.

О тех, кто учит не учась

На уроке скука, скука!
Кто-то самый бойкий
Вдруг от скуки замяукал
И замолк. Боится двойки.

Вот зевнул какой-то малый,
Вновь зевнул мучительно.
Но скучней всего, пожалуй,
Самому учителю.

Тридцать лет
на свете прожил,
Десять лет преподает
И твердит одно и то же
Без конца из года в год.

Он по классу ходит, ходит,
И примеры он приводит
Десять лет одни и те же.
Хоть один привел бы свежий!

Ученики его растут,
А он, окончив институт,
Однажды вышел на работу,
С тех пор не вырос ни на йоту

Не вырос бедный педагог!
Как это с ним могло
случиться!
Учить других еще он мог,
Но сам не пожелал учиться!

Хотя таких у нас немного,
Такого знаю педагога.

Некто с фотоаппаратом

Подошел вчера к ребятам
На московском скверике
Некто с фотоаппаратом,
Некто из Америки.

Подружился он с детьми —
Долго ли, умеючи!
Мальчугана лет семи
Снял он на скамеечке.

— Не улыбайся, я прошу! —
Сказал фотограф малышу.

Он чудак, фотограф этот!
У него особый метод:
К нежной грусти он стремится,
К нежной грусти, только к ней —
Хочет снять у нас в столице
Группу плачущих детей.

— Кто умеет плакать, дети,
Тот получит по конфете!

— Ой, — смеется Наденька,
Девчонка белокурая, —
Дай мне конфетку, дяденька,
Я такая хмурая!

Детвора хохочет громко.
Сорвалась, не вышла съемка.

И теперь народ ребячий
Говорит на скверике:
— Поглядите, Алик плачет —
Снимут для Америки!

П. Д. Коломбет со своим сыном Виктором.
Фото автора.

Поиски младшего сына

Трехлетним мальчиком Витя Коломбет в 1943 году очутился в Германии. Там он стал Петром Беслером, забыл родных, свое настоящее имя и фамилию, место рождения.

Свою историю Петя случайно услышал от русского рабочего, которого встретил в Германии. Петя узнал, что он русский и вывезен со станции Знаменка, Украинской ССР. Этот же рабочий рассказал, что у Пети был отец, который служил в Советской Армии, старший брат, мать.

В 1952 году Беслер, он же Витя Коломбет, с тремя другими русскими мальчиками репатриировался на Родину, в Советский Союз. Его определили в Рожанковский детский дом, Гродненской области. Петю научили родному языку, он занимается в школе и вступил в Ленинский комсомол.

Судьба мальчика заинтересовала товарищей. Появилась мысль разыскать его родных. Шансов на счастливый исход поисков было мало: фамилии родных мальчик не знал. После ряда неудачных попыток решили связаться с редакцией газеты той области, где находится станция Знаменка. Однако по ошибке фотографию Пети и его письмо к редактору послали в город Ворошиловград. Эта ошибка помогла найти отца Пети.

Павел Дмитриевич Коломбет — отец мальчика — в 1939 году был призван в армию. Война надолго разлучила Павла Дмитриевича с семьей. На боевой машине «Т-34» он завершил свой боевой путь в Берлине.

Пока Павел Дмитриевич воевал, дома произошли большие перемены: жена умерла, сыновей Коломбетов — Колю и Виктора — взяла на воспитание тетя. В 1943 году ее вместе с мальчиками погнали в Германию. По пути на станцию Знаменка Коля случайно вывалился из грузовика. Этого не заметили фашисты, и он остался на Родине. Виктора же увезли в Германию.

Демобилизовавшись, Павел Коломбет нашел Колю, а о Викторе ничего не мог узнать.

После войны Павел Дмитриевич поселился в городе Рубежное, Ворошиловградской области, где работал шофером горкомхоза.

И вот недавно к Коломбету прибежал с газетой в руках его брат Иван:

— Смотри, Павел, — взволнованно заговорил он, — это же наш Виктор!

В «Ворошиловградской правде» был помещен снимок мальчика. Отец безошибочно признал в нем своего младшего сына, которого разыскивал столько лет.

В. ФЕДОТОВ

Олекса **НОСЕНКО**

Рисунки Е. **ВЕДЕРНИКОВА**.

В селе Малой Васильевке живет-поживает и прекрасно себя чувствует дед Куприян Афанасьевич Гарбузов. Собственно, концовку «ов» ему пристегнул несколько десятилетий назад сам барин Аполлинарий Глебович; настоящая его, Куприяна, фамилия была просто Гарбуз.

В том, что Аполлинария Глебовича и его супругу Ираиду Христофоровну приняла в свое лоно мать сыра-земля, сомнений быть не может. Дело в том, что Аполлинарий Глебович Гук-Сухариков еще в те далекие годы болел язвой желудка, хроническим колитом и геморроем. В семнадцатом году ему было пятьдесят семь лет, а камердинер Куприян Афанасьевич все же был на пятнадцать лет моложе. К тому же Куприян Афанасьевич никаких болячек и близко к себе не подпускал и здоров был, как дуб. Даже звенел!.. Так что считайте, Аполлинарий Глебович и Ираида Христофоровна давно отдали богу души и в данное время пребывают если не в раю, то по крайней мере в улучшенной части ада...

Никаких признаков революции в имении Гук-Сухариковых не наблюдалось, она гремела где-то за горизонтами; правда, и здесь, по соседству, в более мелких экономиях, народ выводил из конюшен лошадей, из коровников скотину, а совсем недавно неизвестные подожгли два амбара с зерном...

Расстроенный Гук-Сухариков сквозь зубы шипел: «Пусть берут, пусть тащат... Они вернут сполна не только мое, еще свое в придачу дадут». Ираида же Христофоровна твердила одно и то же: «Это все за твои грехи, Аполя. Это кара божья за твои любовные интрижки с той распутной графиней, Карандашовой... У-у, проклятая!»

Но вот революция загремела сильнее и ближе. Камердинер Куприян даже перекрестился, он был уверен, что это по небосклону ездит на колеснице Илья-пророк и колесами высекает огненные искры.

— Куприян! — неистово кричал помещик.— Куда ты, к бесу, пропал?

А он и не пропадал, а торчал у барыни, которая безуспешно искала пузырек с валерьянкой.

— Валерьян! — вопила Ираида Христофоровна. — Где моя купрянка? То есть где моя валерьянка?

— Ваша милость всю высосала, — спокойно отвечал камердинер.

— Прикажи Дуняшке, чтобы достала из запаса!

Куприян Афанасьевич развел руками:

— Дуняшка?! Эге, она ж сбежала... И Фекла тоже...

Глаза Ираиды Христофоровны, как две капли воды похожие на кошачьи, едва не выскочили из орбит.

— Как так сбежали?!

— И повар Диодор тоже смазал пятки... Дуняша прихватила вашу новую шубу, валенки, костюм, браслет, две скатерти... Говорит, это ею заработано... Смелая, бестия! А Фекла, она богобоязненная, удовольствовалась одним самоваром...

— Ты что, спятил? Ой, мне дурно... — И в обморок.

А тут еще Аполлинарий Глебович:

— Куприян! Скорее ко мне!.. Куда ты пропал, голубчик?! Садись-ка вот сюда, в кресло, важное дело с тобой решим.

Впервые за всю свою камердинерскую карьеру Куприян Гарбуз-Гарбузов уселся в плюшевое кресло напротив господина Гук-Сухарикова. Сам же помещик устроился что-то записывать.

— Вот что, голубчик, мы собираемся... Мы сейчас уезжаем, гм... в Европу, в Карлсбад. Ты же, голубчик, сам знаешь, как я мучаюсь колитом, язвой и... всякой всячиной. Поеду лечиться, вот что.

— И надолго, ваша милость?

— Ну... пока не вылечат и пока тут эта чернь не угомонится. А ее угомонят быстро! Девятьсот пятый год помнишь? То-то же! Месяца три, не больше, простолюдины пошумели, пошумели, а их все же утихомирили.

— Теперь, доложу вам, это труднее, народ теперь не с вилами, а с ружьями выступает... — осторожно уточнил камердинер.

— Не болтай! Не вольнодумствуй!.. Слушай меня обоими ушами.

Куприян слушал барина всем своим существом.

— Первым делом, возьми-ка себе три золотых пятерки. Это тебе от всего сердца... А теперь слушай.

Аполлинарий Глебович взял перо и начал вслух записывать:

— «Охранная грамота. Я, помещик и статский советник Аполлинарий Глебович Гук-Сухариков, православного вероисповедания, рожденный в 1860 году, законный наследник отца своего Глеба Францевича Гук-Сухарикова, предводителя дворянства, собственноручно и при полном сознании составляю настоящую охранную грамоту на имя доверенного лица, каковым является мой камердинер, православный, 1875 года рождения...» Так ведь? «Господин Куприян...» гм, как тебя по отцу? Выпало из головы...

— Афанасьевич...

— ...Ага, «Куприян Афанасьевич Гарбузов, и доверяю ему все законом гарантированное мое добро — недвижимое и движимое, а именно:

земельных угодий пахотных — 8 тысяч 224 десятины;

леса старой посадки — 47 десятин, новой — 12 десятин;

экономии с имуществом: Барсучью, Прохладную, Райскую и Сухую Балку;

отдельно лес — фазанерию площадью в 13 десятин с наличными в ней живыми фазанами королевской породы;

движимое имущество: коней — 115 голов, коров и молодняка — 210 голов, овец — 1 750 голов.

Доверяю вышеозначенному господину Куприяну Афанасьевичу Гарбузову вести от моего имени все финансовые, судебные и прочие юридические дела, а также нанимать и увольнять рабочую силу. Действенность данной охранной грамоты может быть приостановлена только мною лично».

Аполлинарий Глебович вопрошающе взглянул на оторопевшего камердинера, кисло усмехнулся, потом подписал грамоту и приложил сбоку свою фамильную печатку.

— Понял, голубчик? Возьми...

Куприян Афанасьевич опасливо взял лист беленой бумаги и уставил в него свои неграмотные глаза. Пряча фамильную печатку в замшевый футлярчик, Гук-Сухариков приподнялся.

— Теперь ты все равно, что я, и имей в виду, чтобы за время моего отсутствия не пропало ни одного деревца, ни одного зернышка, ни одного овечьего или коровьего хвоста... Рабочим, конечно, плати побольше, не спорь с ними, разрешаю старших рабочих, атаманов, угощать водкой... Ключи от амбаров держи только при себе; на ночь запирай все двери, а для этого изготовь засовы... Можешь в спальную переселить своих детей, только чтобы не лезли к роялю, книжкам, не трогали моих любимых чучел... Не забывай — ты или твоя жинка — поливать ежевечерне комнатные цветы. Ну, все!

Между тем Ираида Христофоровна в туфле на одной ноге металась по будуару. Она выбирала из огромного своего гардероба самое ценное, а оно, проклятое, как назло, не вмещалось в два больших чемодана. А тут опять разошлись нервы. Под окном уже стоял экипаж, и кучер Федот покрикивал на одного из серых в яблоках жеребцов: «Ну! Чего торопишься!..»

— Дуня-я-ша! — кричала визгливо Ираида Христофоровна.

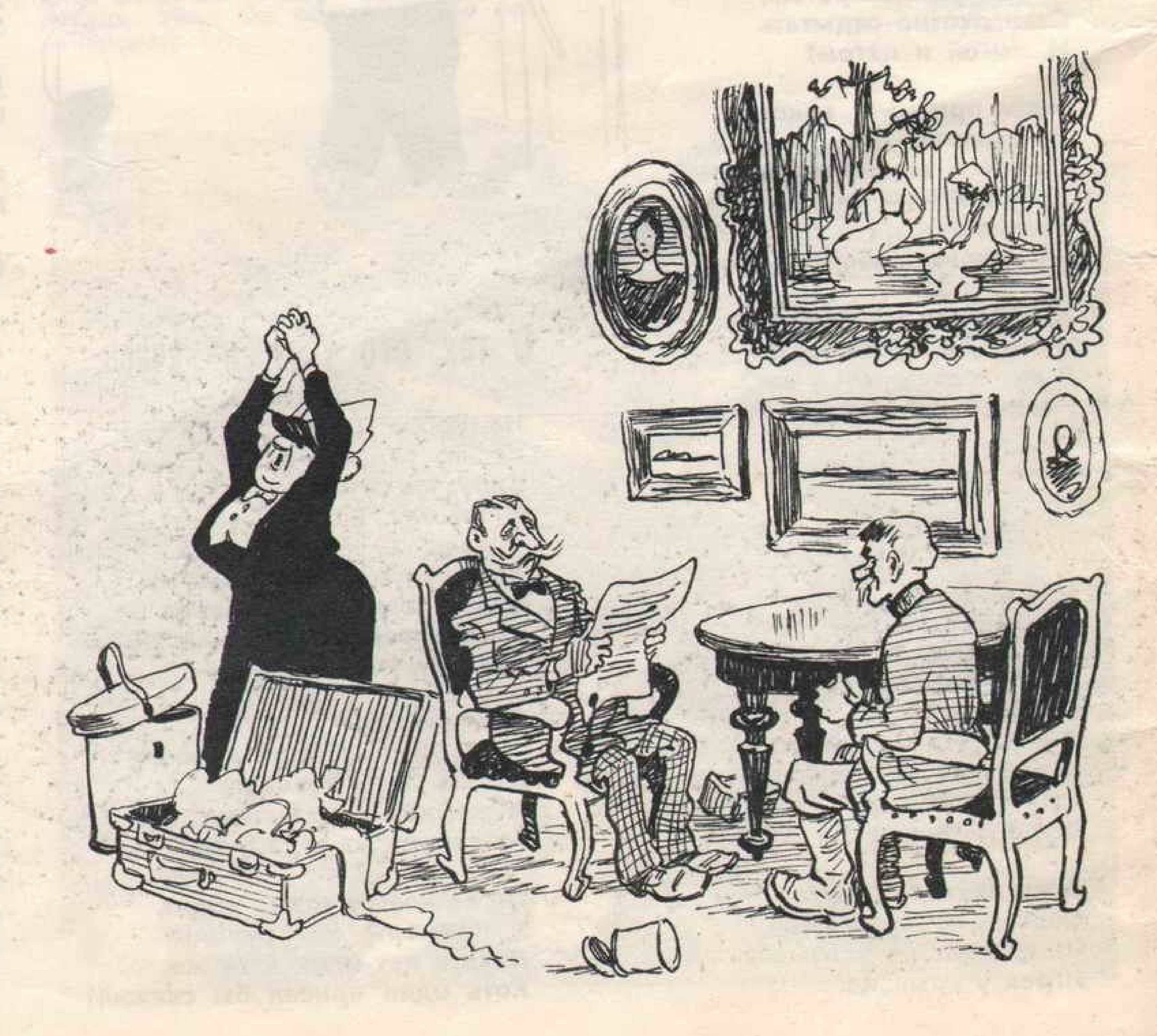
— Да ее же нету, — слышался басовитый голос камердинера.

— Фекла-а! — еще отчаяннее завопила помещица.

— Да я же говорил: Фекла исчезла вместе с самоваром.

Аполлинарий Глебович тоже упаковывался: он прежде всего уничтожил пачку писем своей любовницы графини Карандашовой, уложил на дно чемодана золото, деньги, ценные бумаги, завещание отца и разные другие вещи...

Нервы у Ираиды Христофоровны совсем разгулялись: она рвала на куски шелковые блузки, ночные сорочки, чепчики. Вдруг, ни с того ни с сего, она занесла нож

над картиной, где была изображена мадонна, но тут появился муж.

— Ты что, сумасшедшая, вздумала? Да я за мадонну триста двадцать рублей уплатил!

— А я не потерплю, чтобы над ней глумились большевики! Ни им, ни нам!

Мадонна неподвижными глазами смотрела на обезумевшую Ираиду Христофоровну, на занесенный нож.

— Но пойми же, что все наше имущество, в том числе и мадонна, отныне находится под охранной грамотой! Гра-мо-той!

Однако аргументация мужа не помогла: лезвие ножа безжалостно вонзилось в белоснежную грудь мадонны.

Это был уже психоз. Кто знает, чем бы все кончилось, если бы не новый отдаленный грохот канонады. Помещик и помещица в сопровождении Куприяна Афанасьевича опрометью бросились с вещами к парадному. Серые в яблоках жеребцы предчувствовали надвигавшуюся беду, и Федот снова одернул лошадей:

— Стой! Чего краковяк выбиваете?..

...Вздымая осенние брызги из луж, экипаж покатил к станции. Гук-Сухарикова тревожило теперь одно: удастся ли благополучно проскочить сквозь огонь и дым распроклятой революции?..

...Нынче Куприяну Афанасьевичу Гарбузу восемьдесят два года. Живет он в хорошей хате своего сына, колхозного бригадира. Плохо стал видеть. Правда, когда на праздники Куприяну Гарбузу приходится разливать по чаркам вино, он не прольет ни одной капли.

А как же охранная грамота? Куда она делась? Куприян Афанасьевич сохранил ее до наших дней.

В 1930 году, во время коллективизации, Куприян Афанасьевич Гарбуз был одним из первых членов артели «Октябрь» и часто рассказывал молодежи о горькой ... В заключение беседы он ... казывал охранную ... ельное свиде- ... Слушатели, ... ивали, по- ... ивал свои ... овала та

— Эге... как же... отстаивал! Только все права я передал ревкому. Махновцы, деникинцы и прочая сволота начисто ограбила бы имение пана Гук-Сухарикова, да я не допустил! Ревком выделил мне охрану, правда, из одних дедов, зато они были при ружьях, вот! Даже одному деду дали гранату, но пользоваться ею он не пользовался, так как не знал, как это делается, боялся. Так та граната пережила всякую сволочь до мирного времени... Потом уже один военный осмотрел ту гранату и сказал: «Она же неисправная...»

...Барсучья, Прохладная, Райская и Сухая Балка — теперь колхозные бригады. Дед Куприян иногда появляется в поле. Куприяну кричат издалека: «А, дедусь! Грамота еще действует?» На это он отвечает: «Действует, а как же, только другим боком...»

Единственное, что захватил для себя Гарбуз из имения, — это добротное кресло; когда на дворе тепло, Куприян Афанасьевич выносит кресло и греет на солнце свои старые кости.

...Если где-то за границей еще уцелели наследники Гук-Сухарикова, пусть знают, что охранная грамота их предка, Аполлинария Глебовича, жива-здорова, только получить ее довольно трудновато.

Перевел с украинского
Е. ВЕСЕНИН.

После выступлений «Огонька»

Продолжение подвига

Осенью 1955 года в «Огоньке» № 37 был опубликован очерк Г. Радова «Подвиг» о научном творчестве выдающегося советского селекционера Василия Степановича Пустовойта. Посвятив всю жизнь селекции подсолнечника, В. С. Пустовойт обогатил мировую науку и подарил народу миллионы пудов масла. Масличность семян подсолнечника, как сообщалось тогда в очерке, была поднята В. С. Пустовойтом и его товарищами с 25—26 процентов до 38—40 процентов. Иначе говоря, страна получила только за счет селекции дополнительно по полпуда и больше масла из каждого центнера урожая.

«Действительно, какие прекрасные, одаренные люди трудятся в нашей стране! — писал в редакцию, прочтя очерк о Пустовойте, магнитогорский рабочий-прокатчик Александр Шаваев.— Василий Степанович Пустовойт, как и Мичурин, в огромном, полезном своем труде, с присущими им обоим напористостью и скромностью, не добиваясь чинов и наград, одарили родную страну так, как только могут ее одарить настоящие патриоты. Рабочее вам спасибо, Василий Степанович!»

В письмах читателей высказывалось пожелание, чтобы «Огонек» и впредь сообщал о трудах В. С. Пустовойта.

Вот новые данные о его работе.

Минувшие два года были для Василия Степановича годами напряженного труда и больших радостей. В связи с семидесятилетием ученый был награжден орденом Ленина, и в это же время ему удалось одолеть барьер, который еще совсем недавно казался недоступным и ученым и практикам. Новый сорт подсолнечника, «ВНИИМК-15659», дал в минувшем году 52,1 процента масла в абсолютно сухом семени. Больше 50 килограммов масла из центнера семян — вот чем ознаменовал ученый свое семидесятилетие. Этой весной семена нового сорта и его младшего, столь же масличного брата высеяны для предварительного сортоиспытания в 17 колхозах Кубани.

Но это не все. Высокомасличные сорта В. С. Пустовойта все шире внедряются в производство и уже в прошлом году расположились на половине всей площади, занимаемой подсолнечником в СССР. Доля этих семян в валовых сборах подсолнечника достигает 75 процентов.

И еще. В. С. Пустовойт, как указывалось в очерке, сетовал на то, что в колхозах плохо поставлено сортообновление, иными словами, новые сорта, выведенные институтом, не сразу попадают на поля, так как колхозы пользуются старыми сортами, с меньшей масличностью. И в этом перемена! По примеру Кубани Ставропольский край полностью перешел на ежегодное сортообновление, а с нынешней весны этот же порядок распространен на все колхозы и совхозы.

В канун сорокалетия Октября Краснодарский край был награжден орденом Ленина. 28 передовикам сельского хозяйства присвоено звание Героя Социалистического Труда. Среди них — академик ВАСХНИЛа Василий Степанович Пустовойт.

ДОРОГУ ЗЕМЛЕРОЙНОЙ МАШИНЕ

В 51-м номере журнала «Огонек» за 1956 год была помещена статья профессора А. Далина о новой, предложенной нами землеройно-фрезерной машине высокой производительности. Статья отмечала прогрессивность и большое народнохозяйственное значение этой машины и возбудила интерес к ней.

Совет Министров Узбекской ССР уже заказал две машины для строительства оросительных каналов в Голодной степи. Начальник строительства Каракумского канала С. Калижнюк считает, что их применение «может снизить стоимость строительства ирригационных каналов больше чем в два раза» и что «было бы желательно получить первые образцы таких машин уже в 1958 году».

В последние месяцы были проведены испытания модели фрезерного рабочего органа, наиболее оригинальной и важной части машины. По мнению специалистов — председателя технико-экономического совета Мособлсовнархоза профессора А. Рыбкина, начальника отдела механизации строительства Госстроя А. Станковского, члена-корреспондента Академии строительства и архитектуры В. Баумана,— нет никаких сомнений в работоспособности этого узла. Подтвердилась также и заданная производительность машины в различных грунтах, а на песчаном грунте она превысила проектную в 1,5 раза.

Однако создание землеройно-фрезерной машины ведется очень медленно. По вине бывшего заместителя министра строительного и дорожного машиностроения Н. Гречина и главного конструктора Ленинградского филиала ВНИИстройдормаша тов. З. Гарбузова проектирование в прошлом году было сорвано. В настоящее время проект успешно разрабатывается во ВНИИстройдормаше в Москве.

Изготовление опытного образца, согласно плану, поручено Воронежскому экскаваторному заводу имени Коминтерна. Однако, исходя из узкоместных интересов, завод отказывается от работы, и это сейчас, в конце года, когда планируются и подготавливаются оборудование и материалы на будущий год! Практически это срывает выпуск первых образцов новой машины и испытание их предстоящим летом, а значит, и еще один год может быть потерян.

Мы просим редакцию журнала помочь нам ускорить освоение выпуска землеройно-фрезерных машин, чтобы иметь возможность уже в будущем году отправить их на строительство.

Инженеры М. КРИВСКИЙ, В. СОБОЛЕВ, Ю. ИВАНОВ, И. НЕХОРОШЕВ, А. САФРОНОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Учитывая большой народнохозяйственный эффект, который может быть получен от применения новых, высокопроизводительных землеройно-фрезерных машин, редакция полагает, что планирующие органы должны помочь в проектировании и изготовлении опытного образца машины.

Новые румынские марки

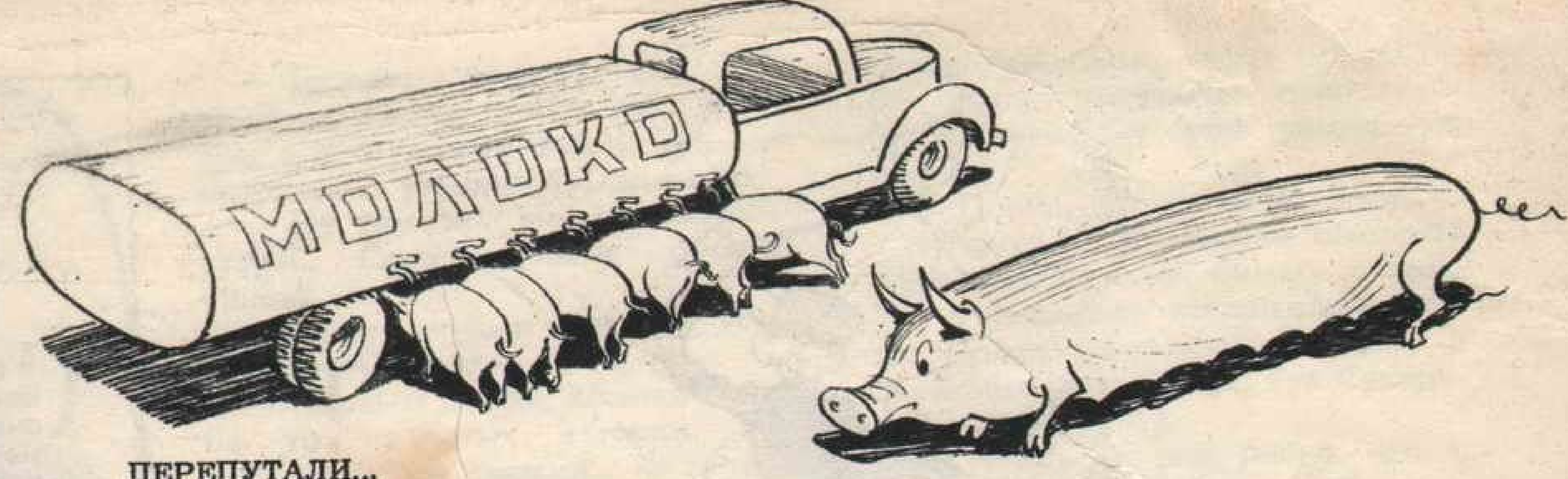
Николае Григореску — крупнейший румынский художник. По случаю пятидесятилетия со дня смерти художника в Румынии выпущены три почтовые марки с воспроизведением картин Григореску и его портрета.

ПЕРЕПУТАЛИ...
Изошутка
Л. и Ю. Черепановых.

ЛОПУХ БОЛЬШЕ ЗОНТА

Гигантское растение, родственное нашей мать-и-мачехе, встречается в долинах ручьев и речек на юге Сахалина. Это лопух-белокопытник, местные жители называют его «зонтовик». Некоторые листья растения больше дождевого зонта и нередко употребляются для укрытия от дождя.

С. ШПИЦЕР

Ленинград.

Гость из тайги

В тайге строили лежневую дорогу. Вдруг кто-то из рабочих увидел, как через просеку неторопливо идет медведица, а за ней медвежонок. Испугавшись криков, медведица скрылась в зарослях, а медвежонок вскарабкался на высокую сосну. Дерево подпилили и, поддерживая его палками, положили на землю. Медвежонок хотел убежать, но его догнали, накрыли телогрейкой и привезли в город Ивдель.

Рабочие ремонтно-механических мастерских взяли лесного жителя на воспитание. Он очень скоро привык к людям, часто заходил в цех, наблюдая за работой токарей, в обеденный перерыв охотно боролся со всеми желающими. Мишке соорудили специальный домик, и он в нем спокойно перезимовал.

Целый год прожил так мишка в мастерских. А потом был наказан за нарушение правил. Как-то бродил он по двору. Увидев открытое окно бухгалтерии, медведь полез на подоконник. Перепуганные девушки бросились в дверь, а гость стал хозяйничать в пустой комнате: обнюхивал конторские книги, передвигал стулья, хватал счеты. За этот поступок медведю вдели в нос железное кольцо и посадили на длинную цепь. Но характер мишки совсем не изменился. Он по-прежнему охотно борется с любителями, принимает подарки и ни на кого не сердится.

М. РОПАНОВ
Фото И. Исакова.

Краснотурьинск.

Пернатый юбиляр

Кондор по кличке Кузя с 1892 года живет в Московском зоопарке, а его родичи обитают в горах Южной Америки. Кондор — одна из самых крупных хищных птиц. Длина его тела — свыше метра, размах крыльев — до трех метров. Кузя отпраздновал свое 65-летнее пребывание в зоопарке.

А что, если открыть вольеру: улетит он или нет?

Пять лет назад Кузя выходил из клетки, гордо расхаживал по дорожкам, не обращая внимания на посетителей. После прогулки возвращался к обеду, клетка стала для него родным домом. Но вот как-то Кузя с дорожек стал подниматься на крыши строений. По-видимому, у кондора пробудился инстинкт к свободе, и если бы вовремя не прекратили его ежедневные прогулки по дорожкам, то теперь не пришлось бы отмечать в зоопарке его юбилей.

И. СМИРНОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Главное действующее лицо в пьесе А. Корнейчука. 7. Способ прививки деревьев. 10. Русский скульптор XIX века. 12. Рыба рода тихоокеанских лососей. 14. Река в Южной Африке. 18. Поэма-сказка Г. Тукая. 19. Штат на севере Индии. 20. Советский метеоролог. 21. Ученик и помощник Рафаэля. 22. Астрономический термин. 23. Представительница основного населения республики в Азии. 26. Французский живописец XIX века. 27. Один из древнейших городов Греции. 30. Народное образование. 31. Ополченец из оперы «Иван Сусанин».

По вертикали:

1. Народный духовой инструмент в Закавказье. 2. Музей в Ленинграде. 3. Смазочное масло. 5. Форма музыкального произведения. 6. Ценная бумага. 8. Минеральная краска. 9. Народный артист СССР. 11. Спортивное соревнование. 12. Птица семейства ибисов. 13. Персонаж из автобиографических повестей М. Горького. 15. Количество зерна, полученное от уборки урожая. 16. Наименьшее из натуральных чисел. 17. Часть пишущей машинки. 23. Порт на юго-западе Албании. 24. Декоративное растение. 25. Старая русская мера длины. 28. Форма славянского рукописного письма. 29. Роман Т. Драйзера.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали:

3. «Октябрь». 6. Авторитет. 10. Швандя. 11. Корпус. 12. Санаторий. 15. «Тачанка». 17. «Спартак». 21. Смотр. 22. Металл. 24. Ракета. 25. Обточка. 26. «Киев». 27. Нить. 28. Гармоника. 31. Титр. 32. Нева.

По вертикали:

1. Якутия. 2. Братск. 4. Райнис. 5. Иттрий. 7. Ракита. 8. «Аврора». 9. Мухина. 13. Нукус. 14. Репер. 15. Тюленин. 16. «Чапаев». 18. Теркин. 19. Кантата. 20. «Хорошо!». 23. Лопарит. 24. Раскова. 29. Море. 30. Нона.

На вкладках этого номера репродукции картин П. Васильева «Выступление Ленина на Красной площади. Май. 1919 г.», М. Кривенко «В. И. Ленин в рабочей семье», Ю. Пименова «Район завтрашнего дня», Г. Сателя «Москва-Каланчевская» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ

Офо

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10022. Подписано к печати 7/XI 1957 г. Формат бум. 70×108[1/8]. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды»